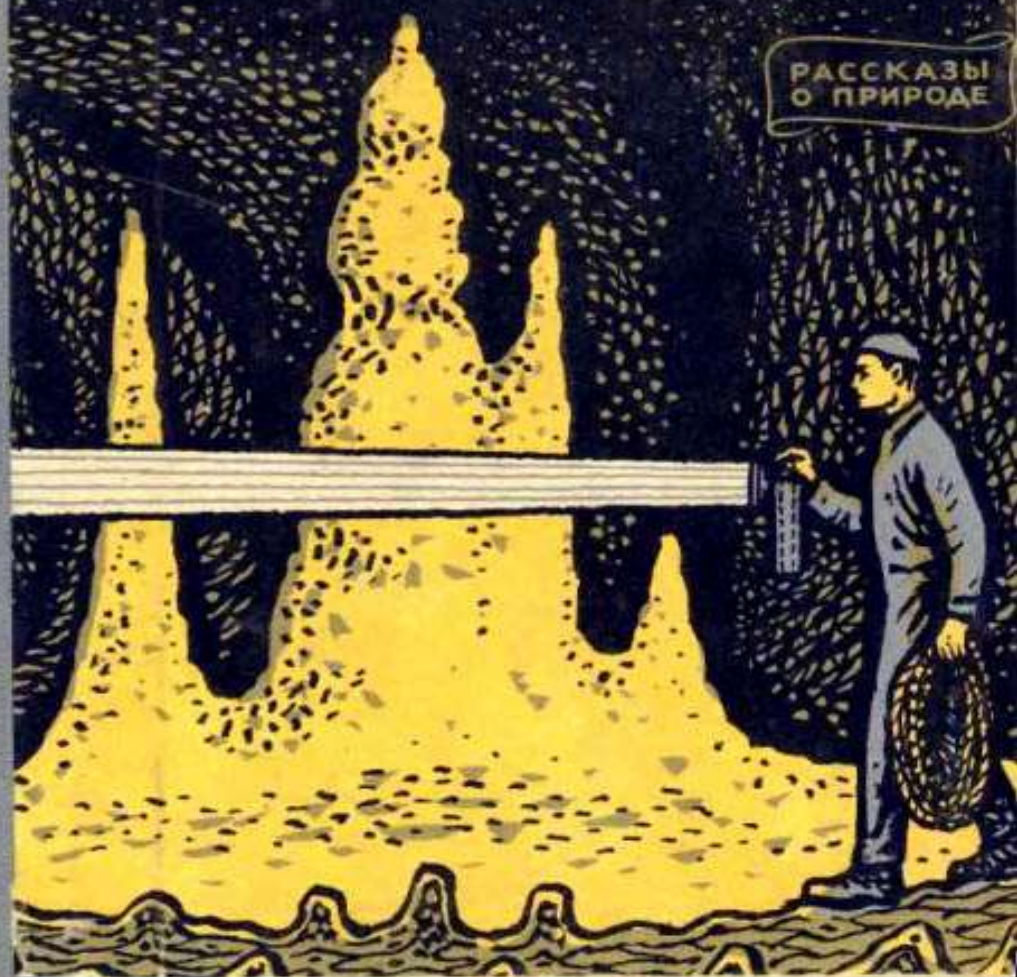

ЛАСЛО ЯКУЧ

В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

РАССКАЗЫ
О ПРИРОДЕ

РАССКАЗЫ О
ПРИРОДЕ

**ЛАСЛО
ЯКУЧ**

В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

*Своим товарищам, с которыми
вместе страдал, боролся и
побеждал в царстве вечной
ночи, посвящаю эту книгу*

JAKUCS LASZLO

FELFEDEZO UTAKON A FOLD ALATT

Budapest, 1959

Перевод с венгерского М. П. УЛЬРИХ

Научный редактор Н. А. ГВОЗДЕЦКИЙ

О пещерах Венгрии, об этом удивительном, сказочном мире и о тех, кто открыл его ценой огромного труда, выдержки, мужества, рассказывает венгерский исследователь пещер геолог Ласло Якуч.

Обложка и титул художника Ю. СООСТЕРА

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРЕИСПОДНЮЮ

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Это было 10 марта 1946 года. На деревьях уже набухали почки. Теплые лучи весеннего солнца заливали золотистым светом уставший от зимы Будапешт. Мы с моим другом и соседом по общежитию Шандором бездельничали, лежа на неубранных кроватях. Шандор перелистывал путеводитель по Будайским горам. От нечего делать я мял в руках тлеющую сигарету и следил за прилетевшей через окно божьей коровкой.

Я почти не слышал, когда Шандор начал вслух читать о каком-то Реметогорском лазе. Потом он стал меня уговаривать, чтобы мы использовали этот воскресный день для прогулки и заодно посмотрели бы пещеру Семи дыр (Хетйук).

Вдруг я словно очнулся.

- О чем ты говоришь?

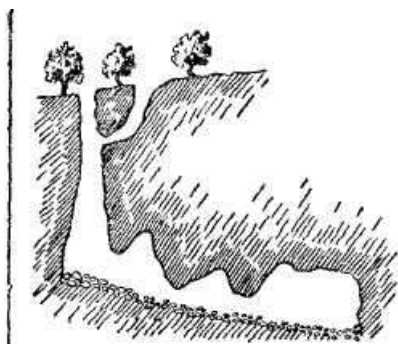
Поскольку естественный колодец, о котором шла речь, был недалеко от трамвайной остановки "Прохладная долина" (Хювешвельд), я поддался уговорам и начал собираться в экспедицию, которая обещала быть довольно интересной.

По описанию в путеводителе пещера Семи дыр совершенно отвесна и довольно глубока, поэтому попасть в нее можно только при помощи веревки или веревочной лестницы. Мы также прочитали, что любознательным туристам рекомендуется взять с собой какой-нибудь источник света: колодец книзу расширяется, и на заваленное камнями дно через верхнее небольшое отверстие падает слишком мало света.

На чердаке общежития мы "одолжили" около двадцати метров крепкой веревки, предназначенной для сушки белья, и, пополнив наше снаряжение тремя свечами, форсированным маршем еще до захода солнца прибыли на место. Руководствуясь указаниями нашего замечательного путеводителя, быстро нашли по соседству с другими глубокими, но легко доступными ямами нашу таинственно и мрачно зияющую дыру.

После непродолжительного осмотра местности мы привязали для предосторожности один конец веревки к растущему рядом с входом в пещеру дереву, а на другом конце с малым знанием дела, но зато с огромным узлом я сделал петлю и затянул ее вокруг пояса. Все больше увлекаясь еще неведомой нам работой спелеолога I, я зажег одну из свечей, опустив ее нижний конец в нагрудный карман. Горящая в таком "подсвечнике", она немного опалила молодой пушок на моем лице, но вскоре я приловчился, найдя нужное положение головы, и теперь без опасения обжечься мог спокойно отправляться в путь.

Еще раз тщательно проверили наше приспособление: да, все в порядке. Шандор поплевал себе на ладони и, взявшись за веревку, стал осторожно спускать меня. О наивные, неопытные дети! Как легкомысленно играли мы тогда со смертью! Нам и в голову не приходило, что глубина колодца достигает двадцати трех метров! Я еще держался руками за край ямы, болтая ногами в воздухе, как заметил, что покрытые мхом стенки замет-

Схематический разрез пещеры Семи дыр (рис. автора)

но расширяются. Ясно, что дотянуться до них я не в состоянии. Остается целиком положиться на Шандора. Теперь настал его черед поработать...

- Держи крепче, Шандор! - сказал я, уже с трудом дыша, и разжал руки.

... в ушах засвистел ветер..

Помню, на мгновение я удивился, что веревка не жмет в талии, чего так боялся, в то же время раздался отчаянный вопль Шандора... в ушах засвистел ветер... Но осознать, что со мной происходит, я уже не успел.

Что было дальше - не помню.

Веревка не оборвалась. Около пятнадцати метров я летел вниз, пока она, привязанная другим концом к дереву, не остановила мое падение.

С тех пор я всегда с особым уважением вспоминаю коменданта университетского общежития покойного господина Томаса, не пожалевшего для сушки белья приобрести столь прочную веревку. Но в тот момент, конечно, ни один из нас не вспомнил о нем: я потому, что все еще висел без сознания с затянутой, как у осы, талией на высоте восьми метров над дном пещеры, а мой бедный Шандор облизывал ладони, с

которых выскользнувшей веревкой было содрано количество кожи, пропорциональное усилиям, какими он пытался удерживать своего любознательного друга. Почти целый час висел я, качаясь, словно маятник. В конце концов меня вытащили пять монахов, которых Шандор, придя в полное отчаяние, призвал на помощь из находящегося неподалеку монастыря Мариарет.

НА БОЛЬНИЧНОЙ КОЙКЕ

Вряд ли мне удастся выжить. Если лежать спокойно и не думать о боли, то она терпима. Как видно, смерть не очень болезненна. Я даже не заметил бы ее, если бы тогда умер на веревке. Ведь после случившегося я не чувствовал никакой боли. Даже больше того: совсем ничего не чувствовал.

Ох, если бы только не кашель! Ужасно! Этого не перенести! Лишь бы выздороветь. Никогда, никогда больше не сделаю подобной глупости! И зачем мне это нужно было?

Интересно, что делают сейчас ребята? Завтра утром о случившемся узнают, наверно, в университете. Возможно, даже жалеть меня будут.

Что? Доктор говорит медсестре: "Два дня продержался, теперь уже есть надежда". Как это два дня? Не понимаю. Впрочем, это и неинтересно... Очень устал, даже думать...

* * *

Почему же все-таки я пошел в пещеру Семи дыр? Несомненно, меня влечет к приключениям. Но можно было бы и немного подумать, черт побери! Гагенбека 2 все же легче понять. Он-то уж знал, ради чего рисковал жизнью среди тигров. Если бы хоть какой-нибудь клад найти в этой проклятой дыре...

Но что-то нужно будет сказать, если спросят, зачем меня туда потянуло, почему я интересуюсь карстом 3. Правда, такая опасность еще несколько дней не угрожает. Интересно, когда разрешат мне разговаривать? Кажется, я уже в состоянии произносить членораздельные звуки. Вот, если бы еще не мучила изжога! Только бы скорее выбраться отсюда!

* * *

По мнению врачей, дело идет на поправку. Все внутренние кровоизлияния уже рассасываются. Сегодня разрешили разговаривать. Как мило, что дядюшка Геза пришел навестить. Только не понимаю, почему он смотрел так укоризненно, когда я сказал, что, несмотря на мою неудачу, пещера Семи дыр - страшно интересная вещь.

* * *

Дело, конечно, в том, что спускаться при помощи веревки нужно не так, как я это сделал. Можно было раньше додуматься, что из рук Шандора веревка вырвется. Что ни говори, а восемьдесят килограммов! С другой стороны, лазить по канату, как мы делаем на занятиях по физкультуре, тоже не годится. Да по такой тонкой веревочке лазить вверх и вниз двадцать метров просто невозможно. Но веревка альпинистов не толще нашей. Обязательно выясню, как они это делают. Если знать соответствующие приемы, то, может быть, и силы столько не нужно будет тратить.

По мнению Лани Кашшаи, мы должны были спуститься в пещеру Семи дыр по веревочной лестнице, что совершенно безопасно. Ну, конечно, нам ведь только веревочной лестницы не хватало! Ему легко говорить! Что ни захочет, все выпросит у родителей. Даже моторную лодку скоро будет иметь. Хотя, по-моему, это уже слишком для студента. Какой же из него геолог выйдет, если его так балуют? Но, надо признаться, студент он хороший, лучший на нашем курсе, а все же... Правда, и конспекты у него очень аккуратные.

Интересно, сдержит ли он слово и действительно ли пришлет своего знакомого альпиниста? Было бы очень хорошо, если бы тот пришел и рассказал нам, как можно без риска для жизни спуститься в двадцатитрехметровую пропасть. Нет, у меня нет подобных планов, просто полезно на всякий случай быть в курсе дела.

* * *

Знакомый Лаци Кашшаи очень симпатичный малый. Он был совершенно прав, назвав меня человеком легкомысленным. Но напрасно он при помощи своего брючного пояса пы-

Мы должны были спуститься в пещеру Семи дыр по веревочной лестнице, что совершенно безопасно

тался объяснить мне приемы дюльферзитц и пруссик, рассказать, как я должен был тогда поступить. Мне до сих пор это совсем неясно.

Неужели три схватывающие петли, завязанные на основном канате, могут надежно держать человека? А если они так крепко затягиваются, то можно ли, качаясь над бездной, их снова ослабить, чтобы подняться выше?

Спуск, сидя в петле, я представляю лучше. Непременно, как только поправлюсь, попробую, ведь это очень заманчиво.

Конечно, не обязательно в пещере Семи дыр, найдется же где-нибудь безопасное место для тренировки по скалолазанию. Зато принять участие в походе в вертикальную пещеру двадцатиметровой глубины, где висящий над бездной человек каруселью крутится на веревке, - это уже не просто. Интересно, смог бы я удержаться на веревке, да так, чтобы голова не закружилась?

Один альпинист рассказал поучительную историю о том, как сорвался его товарищ на горе Осой, когда крюк, державший веревку, выскочил из расселины скалы. И все же они поймали и удержали своего товарища, не дав ему разбиться. Ничего не скажешь, в этом деле надо иметь и сердце на месте, и голову на плечах. Такая работа для настоящего мужчины - истинное удовольствие.

Интересно, в университете как будущие геологи мы во время учебной практики будем изучать скалолазание? Я считаю, что это тоже относится к моей профессии. К счастью, уже чувствую, как ко мне возвращаются силы. Только поскорее бы сняли с ног тяжелые гири! Обязательно спрошу завтра Лаци Кашшаи, не говорили ли еще на лекциях, как надо правильно спуститься в пещеры. Он обещал навестить меня.

* * *

Кашшаи принес мне какие-то растрепанные конспекты. Сегодня от скуки перечитал их не менее двадцати раз. Вот что там было:

"Исследование пещер, которое можно назвать "обратным альпинизмом", так же как и альпинизм, требует большой специальной подготовки. Однако есть существенное различие в спортивной подготовке альпиниста, одолевающего отвесные скалы под открытым небом, и спелеолога, который работает в темноте под струей ледяного душа.

Альпинизмом можно заниматься, оставаясь чистым: альпинисты даже после преодоления невероятных трудностей сохраняют то, что можно назвать физическим достоинством человека. Усталые, обессиленные, они все же "наполнены" горным духом, полны впечатлениями от увиденного. Альпинист рискует жизнью. Но ожесточенная борьба со скалами, льдами и снегом не мешает ему любоваться величием пейзажа, чистой и видимой далью гор.

Исследователь пещер - рядовой пехотинец. С большим трудом он ползет по липкой грязи, пробирается в тесных лазах, в ледяной воде

Альпинист похож на пилота: всегда готов сменить смокинг на штормовку и отправиться, рискуя жизнью, в бой.

Исследователь пещер - рядовой пехотинец. С большим трудом он ползет по липкой грязи, пробирается в тесных лазах, в ледяной воде, чтобы отвоевать у "неприятеля" - у еще не разведанной пещеры - клочок за клочком его территорию. Он тоже рискует собой. Мрачные отвесные стены, с которыми борется спелеолог, не уступают по размерам тем, которые покоряет альпинист.

Нередко ему приходится переправляться через глубокие озера

Спелеолог находится в худших условиях еще и потому, что, как правило, когда он карабкается по лестнице, ведущей из понора ⁴ в пещеру, на его голову падают со стен и с потолка камни. Спуск вниз сравнительно легок, но тем труднее обратный подъем, потому что к этому времени промерзаешь уже до мозга костей. Какое еще счастье, если пещера сухая! Но часто спелеолога преследует вода. Правда, иногда лишь тонкая струйка, но вполне достаточная, чтобы промочить до нитки. Впрочем, чаще это настоящий водопад: с высоты низвергается ручей или даже целая речка. Спелеолог, пробираясь под ударами падающей воды, должен удержаться на лестнице. Путь ему преграждают скользкие склоны и отвесные стены, нередко ему приходится переправляться через глубокие озера, берега которых в любую минуту могут обвалиться, нырять в ледяную воду. Конечно, условия работы открывателя пещер гораздо сложнее, чем у альпиниста. Речь идет не только о том, что, рискуя жизнью, приходится преодолевать препятствия, а о гораздо большем: используя самые различные научные методы, необходимо познать сложный путь образования известняковых пустот. В этом познании и открытии неожиданных подземных красот и находит спелеолог моральное удовлетворение. С ног до головы испачканный глиной, окоченевший и насквозь промокший, отважный исследователь пещер редко возвращается из похода с гордым видом победителя, но потом опять начинается все сначала.

Там, внизу, глубоко под землей, природа хранит для него необычный подарок: отвесные стены, величественные подземные водопады и красоту нетронутых гротов, покрытых блестящими белыми кристаллами, где каждый шаг кажется святотатством, - вот оплата его труда. В мерцающем свете карбидной лампы, чаруя искателя, тысячами огней блещут кристаллы - эти подземные "драгоценности". Грязный, мокрый и подслеповато моргающий человек идет, спотыкаясь, как жалкий нищий в сказочном царстве чудес. Необходимо хотя бы раз самому испытать ощущение, возникающее при открытии нового, чтобы понять ту радость, которая переполняет спелеолога и рядом с которой все испытания и перенесенные трудности кажутся ничтожными.

Красота пещер почти неопишима. Те, кто не привыкли к

...отважный исследователь пещер редко возвращается
из похода с гордым видом победителя

пещерам, стараются с чем-то сравнить сталактиты и сталагмиты. Но подземные "пейзажи", открывающиеся человеческому взору, тем и трогают, что они ни с чем не сравнимы. Они просто удивительно прекрасны сами по себе. Формы, краски, размеры и сама атмосфера - манящие дали, величественная

тишина, неожиданный звук капли воды или падающего камня, вначале напоминающий звон хрустала и переходящий в протяжный гул, - да, это неповторимая и ни с чем не сравнимая красота.

То общая панорама, то маленькие детали ее привлекают к себе внимание и очаровывают. Все интересно, все ново: начиная от совершенно прозрачной почти невидимой воды известкового бассейна, в котором отражаются тысячами блесков сверкающие кристаллы, до фантастических сталактитов, своими формами как будто отвергающих закон земного тяготения.

К эстетическим наслаждениям и впечатлениям, которые как у альпинистов, так и у спелеологов вызывают стремление к новым походам, присоединяется еще радость открытий иного рода. Спелеология включает в себя очень много различных областей знания: археолог, геолог, биолог, гидрогеолог, врач и химик - все они находят в пещерах нужный и интересный материал для своей работы.

Поэтому исследовательская работа в пещерах привлекает не только спортсменов-любителей, но и самых различных специалистов. Подвиги победителей глубин - это не просто проверка выносливости, смелости и мужества, а очень полезная деятельность, благодаря которой открываются новые природные богатства страны и приносится большая польза науке".

Да, действительно интересные мысли. Возможно, что все-таки еще раз стоит посмотреть пещеру Семи дыр? Кажется, я по-настоящему начинаю увлекаться спелеологией! Если кто-то другой в состоянии спуститься туда и даже на большие глубины, то почему не могу это сделать я? Конечно, теперь я буду уже очень осторожным и осмотрительным.

* * *

Наконец завтра я прощаюсь с больничной койкой. Еле дождался! Теперь отдыхать да восстанавливать силы! Впредь буду осторожен, буду следить за собой!

СНОВА ПО ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Мне опять удалось раздобыть хорошую крепкую веревку. Постепенно я набирался сил. Сначала "научился" ходить, нагибаться, а потом постепенно начал заниматься гимнастикой, лазанием по канату.

Осталось до земли всего шесть-восемь метров

Позже приступил к освоению техники скалолазания. Возможности для этого у меня оказались в самом общежитии.

Моя комната находилась на третьем этаже. Я привязал веревку к оконной раме, а ее свободный конец опустил во двор. Мне хотелось попробовать спуститься способом дюльферзитц, то есть сидя в петле. Как только я вылез из окна и повис в воздухе, то тут же начал внимательно следить за реакцией моего организма. Опустившись на один этаж, я успокоился: боль, которую причиняла веревка моему еще полувыздоровевшему телу, стиснув зубы, можно было перенести. Лица переживающих за меня товарищей, выглядывающих из всех окон, удалялись по мере того, как я, подобно пауку, спускался все ниже и ниже. Ух, как больно режет веревка ноги и плечи! Когда осталось до земли лишь шесть-восемь метров, перед глазами поплыли желтые круги. Собрал последние силы, я поборол надвигающийся обморок и достиг земли целым и невредимым.

В следующие дни все свободные часы я тренировался в подъеме. Это было гораздо труднее. Не только труднее, но и намного болезненнее, потому что приходилось дольше находиться в затянутой до отказа тяжестью моего тела петле прусик.

Сначала от этих упражнений под мышкой образовывались фиолетовые кровоподтеки. Позже, конечно, все пошло гораздо лучше, менее болезненно, и если и были кое-где кровоподтеки, то, привыкнув, я уже не рассматривал их вечерами перед зеркалом.

ВТОРОЙ ПОХОД В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Ровно шесть недель спустя после своего злополучного падения, я снова отправился в поход - прямо в пещеру Семи дыр.

Да, именно туда. После происшедшего я должен был пойти только туда. Какая-то необъяснимая сила влекла меня к месту, где я потерпел поражение. Необходимо наперекор всему преодолеть препятствие и остаться победителем. Меня уже манили неизвестные и непокоренные глубины. Но тогда я еще не подозревал, что уже стал рабом таинственного подземного мира.

Посещение пещеры Семи дыр оставило незабываемое впечатление! На дне сырой темной пустоты я сел на холмик из помета летучих мышей. Потушил лампу. Слышен был только ритмичный стук падающих капель воды. В одном месте они падали каждые семь секунд, в другом - немного чаще. С одной стороны стук капель был похож на звон стеклянного колокольчика, с другой - на удар о жестяной бидон. Иногда возле моих ушей вибрировал воздух. Но ничего не было слышно, и только по еле заметному движению воздуха я определил, что рядом пролетела летучая мышь. Она, наверно, и не заметила меня. А вот сейчас уже издали слышу ее негромкий, но резкий писк, чем-то напоминающий треск кузнечиков другого, так хорошо знакомого мира.

В этом походе победа была за мной. Оставалась она за мной и во всех последующих походах, в которые я отправлялся все с большим энтузиазмом, проникая в самые опасные сифоны, в самые глубокие и неисследованные пещеры. Я хотел их покорить и был счастлив, когда мне это удавалось. Я одерживал победы над таинственным подземным миром!

В ШОЙМАРСКОЙ ЧЕРТОВОЙ ДЫРЕ (ОРДОГЙУК)

Дядюшка Плухар - тучный старик, астматик, более сорока лет проработавший под землей в каменноугольных шахтах. Он оставил там свое здоровье, молодость и легкие. Тем более надо быть признательным ему за то, что еще и сегодня он поднимается на верх старого известнякового карьера на горе Жирошхедь и проводит любознательных туристов через узкий круглый ход вниз по множеству крутых ступенек, по шатающейся железной лестнице в "желудок" земли - пещеру. Дядюшка Плухар связан с шоймарской пещерой и находящейся при ней турбазой так же неразрывно, как лето связано с солнцем. И каким это оказалось счастьем для нас!..

* * *

Стоя перед главным входом Чертовой дыры, мы с Шандором увидели железную решетку, а за ней большой висячий замок и минут десять злились, что напрасно проделали этот огромный путь пешком. А теперь вот не можем попасть в пещеру! О существовании дядюшки Плухара и о том, что у него ключи от входа, мы еще ничего не знали. Посоветовавшись, мы пошли искать другой вход. Может быть, он не так надежно закрыт? После поисков, продолжавшихся всего несколько минут, вход в пещеру, также закрытый решеткой, был найден. Он напоминал клетку тигров в зоопарке, но все же имелась возможность пробраться внутрь этой каменной ниши. В ее потолке имелся ход не шире человеческого тела, по которому можно было проникнуть в пещеру. Об этом свидетельствовал ток прохладного воздуха, дующий из отверстия. На этот раз мы были уже более осмотрительными и, чтобы не забыть какую-нибудь важную деталь, сначала устроили с Шандором совещание.

- Посмотрим карту-схему пещеры!

Сейчас мы находимся здесь. Вот и главный вход. Хотя на нашей схеме не обозначен масштаб, мы все же сможем рассчитать расстояние между неизвестными нам залами, а также всю длину ожидающего нас подземного пути. Ведь на карте обозначен еще один вход! Между двумя входами по схеме восемь сантиметров. Как раз необходимые и достаточные данные для расчета.

Чтобы узнать, чему соответствуют восемь сантиметров на местности, мы быстро измерили это расстояние шагами.

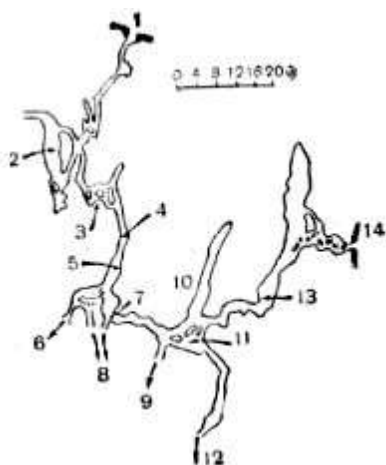
- Шестьдесят пять метров! - докладывает Шандор. Теперь, зная, что восемь сантиметров соответствуют шестидесяти пяти метрам, то есть, что в одном сантиметре схемы восемь метров, легко вы считать протяжение подземного пути.

Мы снова занимаемся измерениями на карте. У меня получается, что расстояние между двумя входами по главному коридору составляет семнадцать сантиметров, то есть приблизительно сто сорок метров. Чепуховое расстояние, всего десять минут ходьбы туда и столько же обратно. Свечек у нас достаточно, пойдем спокойно.

- В течение целого часа можем быть там! - восхитился Шандор, - поскольку у нас четыре свечи, если они будут гореть попарно, на это время обеспечат приличное освещение.

И действительно, мы не ошиблись: нас ожидало около ста сорока метров пути. Ошибка заключалась лишь в том, и мы не могли ее предвидеть, что в Чертовой дыре труднее пройти десять метров, чем в густом лесу один-два километра. Но не будем забегать вперед.

Тихонечко подтягиваясь и подталкивая друг друга, полезли по крутому, скользкому камину⁵ в котором сильный ток воздуха то и дело тушил наши свечи.

Посмотрим карту-схему шоймарской пещеры Чертова дыра!

1 - Выход; 2 - Храм; 3 - Зал Анонимуса; 4 - Сталактитовый коридор; 5 - Зал гуано; 6 - К Белому залу; 7 - Глазные впадины; 8 - К Красному залу; 9 - К Лабиринту; 10 - Большой коридор; 11 - Волчья яма; 12 - К Аду и Большому залу; 13 - Цирк; 14 - Вход

(рис. автора)

Что-то вылазка в пещеру начинается довольно тяжело! Ничего, дальше, наверно, будет легче и пойдем быстрее. Зажигаю вторую свечу. Наш узкий ход идет теперь горизонтально и даже слегка вниз. Вдруг предо мной открывается грот. Но где дно грота? Не вижу его, свет свечи не достигает пола.

Подходит вспотевший Шандор, ворча на скалу, об уступ которой больно стукнулся коленом.

Надо спуститься в грот! Давай руку, Шандор, поддержи немного!

Но это довольно трудно и рискованно. На отвесной стене не нахожу никакой опоры. Чуть было не сорвался. К моему счастью, уже на глубине трех метров я достиг глинистого дна: ноги на что-то встали. Шандору было уже легче, так как я помогал ему снизу.

- Можешь стать мне на плечи, потом на руки. Там, на стене, есть за что уцепиться. Наконец мы по-настоящему внутри. Здесь уже будет намного легче. Согнув шись, проходим между серыми, гладко отшлифованными скалами все глубже и дальше. Интересные, волнующие минуты!

- А что ты думаешь, - спрашивает Шандор, - о том, как образовалась эта извилистая, ведущая то вверх, то вниз пещера?

- Наверно, вода вымыла, - отвечаю я после некоторого раздумья.

Похоже на истину, но как ты объяснишь, что вода, очевидно, текла вверх, а не вниз? Посмотри на тот широкий круглый камин! Потолок его похож на опрокинутый огромный котел. Если это работа воды, то здесь должны быть быстрое течение и водоворот, что пока всем и подтверждается. Но почему вода вытекала через потолок, а не дно? Может быть, здесь нарушены законы физики и не действует закон земного тяготения?

Мы раздумывали над этим довольно продолжительное время, а наши свечи тем временем горели и горели...

- Пошли дальше, Шандор, путь впереди еще длинный, и если идти такими темпами, то сомнительно, чтобы хватило наших свечек на обратный путь.

Однако "идти" быстрее нам не удавалось. То на животе, то на спине протискиваясь через узкие лазы, то широко расставив ноги и опираясь ими в противоположные стенки глубоких расщелин, продвигались мы вперед. Вдруг справа открылся еще один ход. А сейчас куда идти?

- Это, наверное, Храм.

Ох, и неудобная же пещера, вот почему она Чертова дыра! Кое-где видим сталактиты, но они не так красивы, как мы их представляли по рассказам.

Теперь вперед пошел я, спускаясь на "пятой точке". Попадаю в небольшой зал. Посередине стоит скала, на ней висят странные "сушеные черносливы". Присмотревшись к ним поближе, узнаем летучих мышей. Вот интересно! Они своими кожистыми крыльями прикрывают тело, а когтями цепляются за малейшие трещины на стенах и висят вниз головой. Снимаю одну, и, рассматривая, мы с Шандором расправляем ей крылья. От столь бесцеремонного обращения она просыпается. Мы кладем летучую мышь на камень, но она беспомощно бьется и не может почему-то подняться. Мне жалко бедняжку, и я пытаюсь подвесить ее обратно. Она моментально цепляется когтями за стену и, как только отнимаю руку, сразу же улетает. Два-три взмаха крыльев, и все летучие мыши тоже взлетают. За несколько секунд зал стал похож на взбудораженный пчелиный улей. Шандор прикрывается рукой. Что будет? Но скоро мы убеждаемся, что причин для волнения нет. Мыши не только не нападают, а спасаются от нас. На дне этого небольшого зала есть глубокий и узкий колодец, в нем они исчезают одна за другой. Прошло всего две-три минуты, а уже откуда-то издалека доносится их резкий писк. Тем временем свеча догорает. Пламя жжет ногти.

- Шандор, нужно спешить, если карта правильна, то мы на половине дороги.

Но куда идти? Кроме колодца, в котором исчезли летучие мыши, нет других ходов дальше. Придется следовать за ними. На дне колодца находим небольшой лаз, наполовину заполненный водой, но настолько узкий, что пролезть через него можно только ползком, вытеснив своим телом воду. Весьма неприятное дело, но иного выхода нет. Костюмы наши уже и так пропали. Продвигаемся вперед опять-таки намного медленнее, чем предполагали.

- Мы должны экономить свечи, Шандор! Две уже сгорели! Оставшиеся нельзя зажигать одновременно! Я зажгу одну, вторая пусть остается в сумке про запас, она нам еще пригодится. Я буду освещать дорогу, а ты возьми сумку!

На скале висят странные "сушеные черносливы"

Тяжело дыша, пробираемся по коридору, сплошь покрытому известковыми натеками. От того, что приходится почти все время ползти, болят колени, локти и спина. Инстинктивно чувствуем, что нужно спешить: не очень-то у нас много времени все рассматривать. Ведь нам еще нужно вернуться обратно!

- Послушай, нам ведь все равно возвращаться этим путем. Так зачем же тогда таскать за собой сумку? Давай оставим ее здесь! - вносит Шандор рационализаторское предложение, и я, как сторонник всего нового и прогрессивного, одобряю его решение.

В сумке, подвешенной на один из сталагмитов Сталактитового коридора, осталась наша последняя четвертая свеча. Ей было, наверное, неплохо рядом с бутербродами. А мы поползли дальше. Из Зала гуано мы смогли подняться в следующий небольшой грот пещеры, только применив альпинистские приемы скалолазания. К счастью, на почти отвесной скале мы нашли закрепленный стальной крюк, который послужил нам хорошей опорой при подъеме. Но вот перед нами снова отвесная стена, однако на ней железного крюка не оказалось. Я подсаживаю Шандора, потом он, свесив ногу, подтягивает меня. Дышим как паровозы, работать приходится крепко, но все же понемногу продвигаемся. Перед нами два круглых отверстия. Куда они ведут? Не знаем. Как глазные впадины великана смотрят на нас эти дыры. На карте они не обозначены. Где мы сейчас находимся? Смотрим схему. На ней здесь развилка, но идет она как раз в противоположном направлении.

- Может быть, обозначенная развилка будет где-то дальше? Пошли вперед, Шандор!

Опускаемся вниз по крутому, скользкому глинистому скату. Снова находим закрепленный крюк, при помощи которого спускаться значительно легче. Да, положение не из приятных. Лежа на боку и прижимаясь спиной к стене, ползем по узкому каменному карнизу. Ширина его немногим больше тридцати сантиметров, а прямо под нами зияет широкая и глубокая пропасть.

- Ну, стоит здесь поскользнуться - и конец!

Я такого же мнения, но молчу, потому что Шандор не прошел еще самый трудный участок.

- Чепуха все это, иди смелей, Шандорка! Я даже вижу дно пропасти, и вообще не так уж глубоко!

И этот участок наконец успешно преодолели. Скатившись на спине по глинистому склону, мы сравнительно легко достигли его подножия. Места было достаточно, мы могли спокойно встать в полный рост. Между тем уже и эта свеча начала жечь ногти. Фитилек скривился, и, вспыхнув в последний раз, огонек погас. Мы стояли с Шандором в крошечной темноте. Как выяснилось позднее, находились мы в Волчьей пасти.

- Ну, вынимай последнюю свечу, Шандор! Дальше идти нельзя. С этой последней свечой, зная дорогу, еще можно успеть вернуться к выходу, если поторопиться, - говорю я и жду, что Шандор протянет мне руку со свечой.

Я мог, конечно, ждать сколько угодно! Шандор ждал от меня того же самого... Через несколько минут мы вспомнили, где осталась наша последняя свеча. Но даже спичек было у нас только штук пять. Друг друга мы не видели.

Освещая себе дорогу оставшимися спичками, мы прошли наугад метров десять или двадцать, потом остановились на краю новой пропасти. Усиленно напрягали зрение, но ничего не видели. Решили отдохнуть. Устроились относительно удобно на нагроможденных камнях. Прошли многие минуты, а может быть и часы. Мы начали мерзнуть и дрожать от холода. Потом прижались друг к другу спинами, но от этого не стало ни теплее, ни светлее...

* * *

Дядюшка Плухар, сидя на пороге своего домика, любовался огненным закатом солнца.

- Мать, иди-ка сюда, у тебя глаза лучше, чем у меня! Посмотри на тех людей, не к нам ли они идут?

Тетушка Плухар выпрямилась и подняла руку к глазам:

- Кажется, две женщины и один мужчина... с рюк заками. Смотри, старый, не проболтайся, если они оста новятся у нас! Ты мог бы уже знать, что эти будапештские пьют только коровье молоко. Запри козу побыстрее!

- Далеко еще до трамвайной остановки? - спросил мужчина, идя по дороге на Пилишверешвар.

- Бог в помощь! - и тетушка Плухар поправила передник. - Какую остановку изволите спрашивать?

- Ну конечно остановку восемьдесят третьего!

Обе женщины были явно утомлены. Волосы их растрепались, косметика на лицах размазалась. Одна, очевидно, очень хотела пить и сразу же спросила, можно ли достать свежей воды.

- Заходите, пожалуйста, далеко вы забрели, мои бедненькие.

Тем временем и дядюшка Плухар вернулся из хлева. Три будапештских экскурсанта остались ночевать в лесной сторожке.

Надо сказать, что они остановились не в плохом месте! Если до сих пор они не знали, что значит веселиться, то, выпив шоймарского вина в доме дядюшки Плухара, это скоро усвоили. Хозяин оказался на высоте. Хотя он и не выдал секрет жениной "коровы", то все же не позволил обмануть столь милых и усталых гостей, поставив перед ними на стол пятилитровую бутыл, наполненную по самое горлышко палинкой⁶.

* * *

Руки и ноги коченели от холода. Время от времени я вставал, совершал те разогревающие движения, которые можно было применить в этих условиях без опасности потерять равновесие и упасть, но напрасно - согреться не смог. Шандор тоже стучал зубами. Немного спустя он даже потерял всякое желание разговаривать. Только теперь начал доходить до сознания весь ужас нашего положения. Никто на свете не знал о том, что мы были здесь. Ожидание неизвестно чего в этом глубоком мраке, холоде, сырости и тишине вызывало у нас жуткое чувство. В пещере когда-то протекала вода. А если она сейчас снова зальет ее? Я думаю, что наше положение намного бы не ухудшилось.

То здесь, то там слышен стук падающих капель. Слушаю, как они отсчитывают течение времени, которое здесь человеческие органы чувств не способны воспринимать. Меня клонит ко сну. Кажется, Шандор уже уснул от изнеможения.

Возможно, мы больше уже не проснемся?..

Но что это такое!? Я сразу ожил. Издали донесся звук, похожий на протяжный демонический смех. Может быть, мне мерещится? Нет... может быть... Шандор, оказывается, тоже не спит и хватает меня за руку.

- Ты тоже слышал? Тс-с!

Протяжный гул заполняет зал. Шум все усиливается, приближаясь к нам. Мы словно камеем, затаив дыхание и стараясь даже приглушить удары сердца, впиваемся глазами в мрак. Подобный гул слышишь обычно в закрытых бассейнах или в бассейнах водолечебницы Геллерт, где вода и высокие своды делают звуки неразборчивыми и протяжными, сливая последующие с эхом предыдущих. По спине пробегают мурашки. Люди! Вот сейчас можно разобрать женский голос. Гудит, шумит вся пещера.

- Шандор! Поют!

И действительно, старик Плухар и его новые гости во все горло распевают песенку: "Пил я красное вино, нас, моя звезда, веселит оно..."

Прошло еще две минуты - и мы были спасены. В зале Цирк голос четверых веселых посетителей пещеры осекся.

Из непроглядной тьмы появились два взъерошенных призрака.

Этой ночью дядюшке Плухару еще не раз пришлось ходить в подвал за вином...

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОВЕРХНОСТИ

Мысли о пещерах не покидают меня ни на минуту. Даже ночью во сне я вижу каменные котлованы, глубокие пропасти, затаенливо ведущие вверх или вниз узкие ходы. Целыми днями думаю только об одном. Эта Шоймарская пещера, находящаяся глубоко в горе Жирошхедь, похожа на голландский сыр. Всю хаотическую систему ходов, то суживающихся, то расширяющихся, залов, колодцев и тупиков можно сравнить только с ним. По-моему, сравнение удачное. Человек в этой пещере похож на муравья, заблудившегося в дырках сыра. Можешь часами пробираться вперед, тебе кажется, что прошел много километров, и вдруг ты сам не знаешь, как очутился на том самом месте, откуда ушел. Какой же чародей трудился под землей, сотворив такой причудливый лабиринт ходов?

Читаю специальную литературу, научные журналы. Меня очень интересует, как объясняют ученые возникновение пещер? Известный специалист Ене Холноки все приписывает действию воды. Мнения ученых на этом в основном сходятся. Попытаюсь разобраться в их объяснениях.

Эти водопоглощающие поноры создают ведущую в глубину почти вертикальную сеть полостей

Дождь падает на поверхность горы. Что происходит потом с дождевой водой? Это зависит от пород, из которых сложена гора. В большинстве случаев вода собирается в ручейки и стекает по склонам. В других местах вся влага впитывается почвой. Вода заполняет свободные промежутки и, просочившись, спустя некоторое время выходит в ключах, собирается в колодцах или всасывается корнями деревьев и растений.

Но есть одна горная порода, у которой особые отношения с водой. Речь идет об известняке⁷.

Несмотря на то что известняк является твердой и прочной породой, он поглощает воду, так как пронизан трещинами⁸. Вода, попавшая в трещины, просачиваясь все глубже и глубже, постепенно расширяет их. Происходит это вследствие растворимости известняка в дождевой воде. Проникшая в глубину недр, она в течение сотен тысяч лет промывает себе дорогу, образуя каналы и колодцы (поноры), которые создают ведущую в глубину почти вертикальную сеть полостей. А что же происходит с водой дальше? Куда она течет, где собираются ее огромные массы, которые тысячелетиями скапливаются на глубине? Ученые дают ответ и на этот вопрос.

Когда вода уже не в состоянии углубляться внутрь гор потому, что достигла водонепроницаемой горной породы, или потому, что расселины, находящиеся еще глубже, уже заполнены водой, ранее попавшей туда, она скапливается и промывает себе путь под большим или меньшим уклоном. Скоро из вод многих расселин образуется ручей, а затем целые подземные реки, текущие там до тех пор, пока где-нибудь на склоне горы или в глубокой долине не появятся на поверхности в виде больших ключей.

Такая подземная река представляет грозную силу. Повсюду, где она протекает, создаются широкие тоннели, громадные гrotы. Эти в основном горизонтальные галереи, соединяющие все естественные колодцы и расселины, собирают их в единую пещерную систему.

Ученые приводят примеры, когда по подземным рекам исследователь может проплыть на лодке не один километр. В некоторых местах подземные реки со временем меняют русло и прокладывают себе новый путь. В таких случаях идти по старому руслу уже легко - это сухие пещеры.

Все это я понимаю и даже ясно представляю, хотя еще не видел такой пещеры. Но что шоймарская Чертова дыра, да и пещера Семи дыр образовались иным путем, в этом я уверен. И, кажется, уверенность моя не без оснований.

Что я видел в Шоймаре? Давайте-ка вспомним! Просторные камины, возвышающиеся на десять-двадцать метров вверх над галереей, из которых вода не только не течет вниз, но даже, очевидно, не могла течь и не текла никогда. Каминьы заканчиваются куполообразно, и по направлению к поверхности на них нельзя обнаружить ни малейшей трещинки.

Исследователь может проплыть на лодке не один километр

Происхождение пещеры не дает мне покоя. Ищу, роюсь в книгах, но о Чертовой дыре нигде ни слова. Почему, ведь она довольно большая пещера?

Интересно, что наши ученые нигде не упоминают о ней, даже когда говорят о разных способах возникновения и процессах образования пещер. Не теряю надежды, что все же сумею найти какое-то объяснение этого явления.

Продолжаю рыться на библиотечных полках. В руки попадает вышедший в 1930 году "Гидрологический вестник". Просматриваю содержание журнала. Одна из статей называется: "Роль горячих растворов, паров и газов в образовании пещер". Автор статьи доктор Ференц Паваи-Вайна. Кажется, это нечто другое, чем все предыдущее.

"Известно, что через трещины и расселины известняков просачивается дождевая вода и постепенно вымывает полости огромных объемов протяженностью во много километров. Просочившаяся вода собирается в ручей, который, растворяя стенки этих полостей, тем самым все время расширяет их и углубляет". Вот в нескольких словах теория образования пещер, принятая ныне.

Когда я ходил по пещерам, у меня создалось впечатление, что не в каждой пещере протекала когда-то вода. Я много занимался этим вопросом, но разрешить его не мог, так как не знал, что и сегодня есть еще места, где можно наблюдать другой вид образования пещер.

Я уже знаю, что иногда поблизости горячих источников из расщелин известняка вырывается на поверхность смесь газов и паров. "Эти газы и пары, - пишет Паваи-Вайна, - и образуют в известняках пустоты. На внутреннюю поверхность пустот капли воды не могли попасть, и все же они имеют вид, как будто их создала постепенно стекающая по стенам вода. Очевидно, что эти пустоты образовала прорывающаяся снизу смесь паров и газов. На основании этого мы делаем вывод, что в известняковых массивах, особенно в наших, подверженных интенсивным тектоническим движениям, существуют такие пустоты и даже большие пещерные системы, образование которых в основном произошло не столько под воздействием просочившейся сверху воды, сколько под воздействием поднимающихся вверх горячих растворов и сопутствующих им паров и газов".

Статья Паваи-Вайны меня очень заинтересовала, хотя приводимые в ней для доказательства гипотезы происхождения пещер (Селета, Палвельд, Иштвана) тогда мне еще не были известны.

Возможно, что шоймарская Чертова дыра образовалась таким же путем? Надо обязательно проверить! Завтра же еду в Шоймар. К счастью, вчера на толкучке удалось купить карбидную лампу. Только вот кого мне удастся уговорить пойти со мной? Не думаю, чтобы Шандор сейчас согласился...

ПОД ЗЕМЛЕЙ

27 апреля 1946 года я снова побывал в Шоймаре, на этот раз с Кальманом Уйлаки. Кальман никогда не был в пещерах, а после посещения сказал, что и не пойдет больше никогда. Странные люди! Ведь в этом походе с нами ничего страшного не произошло.

Дядюшка Плухар посоветовал найти ход, ведущий из Зала гуано налево, если идти по главному тоннелю.

- Самые интересные места находятся в той части пещеры! Стоит потрудиться!

Следуя его совету, мы вскоре нашли узкий коридор. Здесь начинался длинный лабиринт, пробравшись через который мы вышли к страшному колодцу Белого зала - совершенно круглому отверстию диаметром в полтора и глубиной в двадцать метров. Спуститься в него, а также и подняться можно было только при помощи веревки. Но веревки у нас не было, и мы решили обойтись без нее. Было немного опасно, но зато захватывающе интересно. Кальман лазил по скалам и держался гораздо уверенней, чем я ожидал. В Белом зале мы нашли в жестяной коробке книгу с записями туристов, посетивших пещеру.

Можно ли нанести на карту такой лабиринт? Ведь здесь галереи расположены на разных уровнях одна над другой в удивительном беспорядке.

Теперь я уже ни на минуту не сомневаюсь, что Шоймарская пещера - результат работы термальных вод.

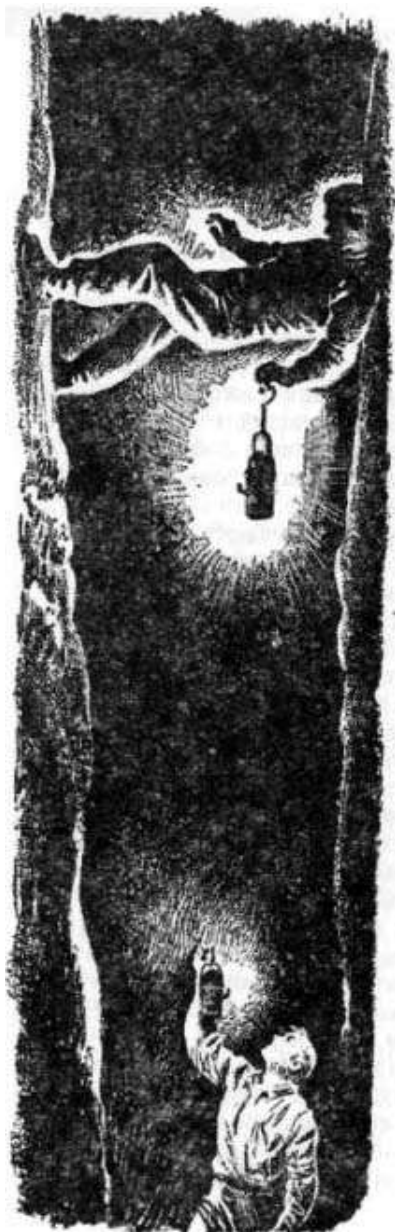
Поднимающаяся снизу под давлением горячая минеральная вода искала выхода на поверхность. Выщелачивая породу, она превратила всю гору в огромную губку. В одном из коридоров Белого зала мы нашли кристаллический гипс. Его образовала когда-то из известняка горячая вода, содержащая серную кислоту⁹. Слой гипса толщиной в восемь-десять сантиметров покрывал все стены этого коридора.

Возвращаясь из Белого зала в Зал гуано через Волчью пасть, мы спустились и в Красный зал. Стены его покрыты известковыми натечными образованиями величиной с горошек. Здесь мы встретили множество высоких расселин, широких слепых каминов и узких ходов. Попадались настолько узкие лазейки, что приходилось пробираться по ним, предварительно выдохнув из легких весь воздух. А через несколько шагов уже нужно было думать, каким же образом спуститься на дно просторного и высокого зала? Упираясь ногами в одну стену камина, а затылком в другую, выгибая тело таким мостом над пропастью, опускаемся сантиметр за сантиметром все ниже и ниже.

Эх, а с какой легкостью преодолевают все эти препятствия летучие мыши!

- Вот были бы у нас крылья, и мы могли бы летать!

- Ты уж лучше не лети! - предупреждает меня Кальман. - Полетишь, так и костей твоих никто отсюда не вынесет. Да и сам я не выберусь на поверхность.

И хотя мы очень устали, но решили осмотреть еще два ответвления. Сначала спускаемся без веревки в Ад, а потом в Гигантский зал, чуть не сорвавшись с крутого склона. Ровно двадцать часов ходили по пещере без еды и отдыха. Одежда висела на нас клочьями, и дядюшка Плухар не хотел даже поверить, что мы действительно, не имея с собой веревки, осмотрели все. Карбидная лампа - отличная штука! Запаса карбида, которыми были набиты карманы, хватило до самого конца похода.

На пути к трамваю Кальман хромает, у меня болят ноги и шея будто не своя - видимо, от перенапряжения.

* * *

В следующие дни я ознакомился еще с пещерой Палвельдь и с Сомовой

Упираясь ногами в одну стену камина, а затылком в другую...

пастью (Харчасай), а немного подальше от них с Матяшхедским лазом. Затем осмотрел арагонитовые пещеры гор Ференцхедь и Семлехедь.

ВСТРЕЧА С БОРОДАТЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Припекает майское солнышко...

Об археологе Вертеше я знал только по рассказам дядюшки Плухара, что это какой-то чудаковатый преподаватель, который часто приходит в Шоймар и что-то ищет в земле.

Не удивительно, что после такой характеристики я с любопытством смотрел на этого по пояс голого человека, который то и дело вытирал запачканные глиной руки о свою бороду. На половине дороги между входами в Чертову дыру он вместе с несколькими рабочими рыл глубокую яму. Медленно, с некоторой опаской я стал приближаться к ним. Он заметил меня, но не обратил ни малейшего внимания.

- Добрый день!

- Добрый день! - пробормотал он в бороду.

- Извините, пожалуйста, что помешал вам. Вы профессор Вертеш?

- Не "профессор" и не "вы", а попросту "ты", - отрезал он жестко. Я совсем испугался.

Хм! Очевидно, это какой-то серьезный ученый, которого нельзя так просто беспокоить во время его важной работы. Страшно смущенный, продолжаю молча стоять и смотрю, как рабочие орудуют лопатами. Вертеш каждую найденную кость стремительно выхватывает у них из рук, тщательно вытирает от грязи и облизывает. Я еще не решил, что собой представляет Вертеш, но это он делает хорошо. Набравшись храбрости, я снова спрашиваю:

- А что вы делаете?

- Разве не видите? Кости облизываю. Но я уже го ворил, как ко мне обращаться!

Да, тяжелый случай. С подобным типом я еще не встречался.

- Послушайте! Обращаться так к почтенным людям я не привык, предложите что-нибудь другое.

Вертеш долго и пристально рассматривает меня и наконец подходит, приветливо улыбаясь.

- Ты тот несчастный Якуч, о котором старик Плухар рассказывал? Здравствуй, я Вертеш, - и протянул мне испачканную глиной руку.

Знакомились мы еще с неопределенными чувствами друг к другу, но через несколько минут я уже искренне был рад этому знакомству. Вертеш, по всему чувствуется, настоящий специалист-археолог.

Сначала осмотрели места раскопок, а немногим позже спустились в пещеру и там продолжали начатый разговор.

Все то, что я узнал сегодня от Вертеша, о его специальности и работе в шоймарской Чертовой дыре, привожу ниже, немного освежив память главами из замечательной работы Кальмана Ламбрехта на эту же тему.

Археология не относится к древним наукам, особенно в Венгрии. Датой создания венгерской археологии считается 19 февраля 1893 года, когда Отто Герман на заседании секции Общества естествоиспытателей прочитал доклад о кремневых рубилах, найденных в городе Мишкольце. Позже он на страницах "Археологического вестника" высказал мнение, что на "территории сегодняшней Венгрии в четвертичном периоде жил человек".

Ввиду особой примечательности этих находок о них писали очень много, но всегда относились с некоторой сдержанностью к гипотезе о существовании в окрестностях Мишкольца палеолитических стоянок. Большинство венгерских геологов считало сомнительным существование близ Мишкольца дилювиальных 10 слоев, а иногда и отрицали их. Это привело к полемике, продолжавшейся 15 лет. Спор был разрешен только в 1906 году, когда близкий друг Отто Германа Игнац Дарани, будучи министром сельского хозяйства, распорядился провести в окрестностях Мишкольца стратиграфические исследования. Работа была поручена известному геологу Карой Папп.

Карой Папп обнаружил, что "окрестность Мишкольца исключительно богата дилювиальными отложениями, а что же касается отпечатков ног первобытного человека, то Отто Герман правильно установил это еще полтора десятилетия тому назад".

В то время как Карой Папп на месте доказал, что найденные Отто Германом предметы были действительно сделаны руками первобытного человека, геолог Оттокар Кадич приступил к систематическим раскопкам пещер в окрестностях Мишкольца.

Лучшего кандидата и нельзя было найти для такой работы. Кадич с нечеловеческим упорством и педантичностью буквально по кубическим дециметрам извлекал глину, в которой встречались каменные орудия доисторического периода. Очень тщательно изучал он материалы каждого пласта культурного слоя. Сначала провел раскопки в пещере Селета, а затем подряд исследовал другие пещеры и скальные ниши района Бюккских гор.

Если мы 19 февраля 1893 года назвали днем рождения венгерской археологии, то 14 ноября 1906 года, когда начались первые раскопки в пещере Селета, можно назвать крестинами. Раскопки здесь вскоре дали свои результаты: в мощных наносных слоях ледникового периода были найдены места доисторических очагов, вблизи которых вместе с костями пещерных медведей, гиен, львов, диких лошадей, носорогов и мамонтов сотнями лежали очень красивые, похожие по форме на лавровый лист, каменные острия копий.

Эти прекрасно выделанные из халцедона древние орудия ничем не уступали французским образцам и бесспорно доказывали, что человек ледникового периода и в Венгрии занимался прежде всего охотой.

Раскопками в пещере Селета, которые окончательно доказали существование первобытного человека на территории Венгрии, начался новый значительный этап в изучении древней истории страны.

С тех пор изучение пещерных находок значительно продвинулось вперед. Молодые ученые, приходящие на смену старшему поколению, все в новых и новых пещерах изучали красноречивые остатки костей и каменных орудий, которые "рассказали" о первобытных людях. Появились такие признанные знатоки вымершей пещерной фауны, как Иштван Гаал, а немногим позже - Миклош Кретцой. Одну за другой раскапывали они пещеры, и перед ними раскрывалась полная картина фауны ледникового периода. Вместе с тем собиралось все больше данных об образе жизни первобытного человека, его обычаях, орудиях труда. Вертеш тоже пришел в Шоймар, чтобы учинить "допрос" бурой глине Чертовой дыры.

Шоймарская пещера очень интересна в археологическом отношении, несмотря на то что систематические раскопки в ней еще не проводились.

Карой Будински нашел здесь полностью сохранившиеся кости конечностей пещерного льва. Имре Бекеи и другие отмечают, что в наносных слоях малого кольца найдена берцовая кость древнего зубра. В Зале летучих мышей и в Грязевом горле Янош Еллинек выкопал кости древних животных, но его находки никем не были исследованы. Со своими добровольными помощниками Вертеш уже с 1939 года проводил раскопки в бурых наносах Зала летучих мышей, отыскивая в течение двух лет палеофауну ледникового периода. Часть этих костей была определена в Институте геологии. Кроме того, Вертеш рассказал, что девяносто восемь процентов покрытых толстым слоем извести костей принадлежит пещерному медведю; большинство - самкам и только некоторые - медвежатам и новорожденным. Можно предполагать, что пещера была обитаема медведями.

Вертеш нашел в Чертовой дыре и останки пещерного льва.

- Вот когда рассматриваю эти зубы, - говорит он, почесывая трубкой свою бороду, - представляю себе, каким же огромным должен был быть их хозяин. Потом . перечисляет другие находки:

- Довольно часто встречаются кости оленей, а кости волков, лисиц, горных коз и сусликов, напротив, крайне редко. О существовании пещерной гиены я узнал только по кусочку окаменевшего кала (капролит). Это очень характерный красивый кусочек. Если зайдешь как-нибудь ко мне, покажу. Встретил я и дикую лошадь *Equus woldrichi*, а также лошадь меньших размеров иного вида, но что это за вид, мне еще определить не удалось.

Вертеш также рассказал, что после раскопок в Зале летучих мышей он исследовал всю прилегающую к входу часть пещеры и в нетронутой темно-красной глине Малого кольца нашел полностью сохранившиеся скелеты марала и многих мелких животных, а также весьма интересную микрофауну.

Возвращаясь домой, я думал о страстной влюбленности Вертеша в свою профессию и восхищался им.

МАСТЕРСКАЯ НАУКИ

Прошел месяц с тех пор, как я познакомился с бородатым человеком.

Вертеш встречает меня в своей квартире, ворча на хозяина: тот случайно выпустил хорька из садка.

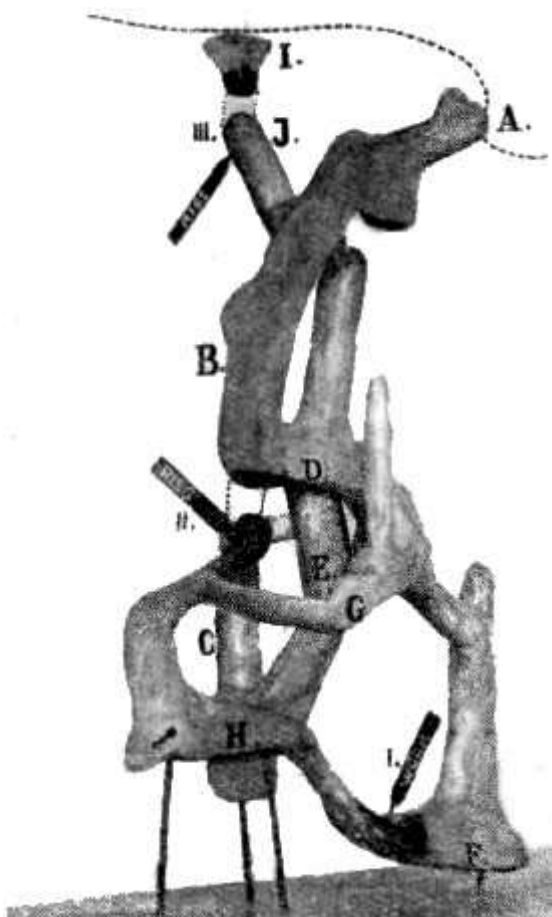
- А жаль, уже стал приручаться, - говорит он.

В комнате везде гипс: в кресле - гипсовая пыль, в воздухе - гипсовая пыль, в стакане - тоже гипсовая пыль. На диване красуется какой-то странный гипсовый предмет из причудливо перепутанных трубок. Вертеш убирает с одного из стульев клетку с соями и предлагает мне сесть.

- Уже во время раскопок я ломал голову над тем, как марал, найденный в пещере, мог пройти через входное отверстие шириной всего в полметра. Непонятным оставалось и то обстоятельство, почему наносы глины рисского оледенения лежат на много метров выше наносов более молодого, вюрмского оледенения. У меня возникло предположение о существовании в то время другого входа в пещеру. Его я и начал искать в 1943 году. Тогда мы с Пиштой Венковичем обследовали камин, который тянется почти до поверхности над местом, где был найден скелет марала.

Я утвердительно кивнул головой в знак того, что знаю этот камин, так как всего месяц назад лазил в нем.

- Ну, тогда помнишь. Может быть, я рассказывал уже, что в конце слепого камина мы нашли с Пиштой темно-красную глину и кости, точно характеризующие эпоху. Но во время мировой войны было не до исследований. После Освобождения руководство Пилишсентиванского каменноугольного акционерного общества отнеслось ко мне весьма благосклонно. Дали в мое распоряжение необходимый инвентарь и рабочих, и я мог продолжить выяснение нерешенных проблем. Сейчас я снова приступил к работе. С инженером шахты мы прежде всего составили точную карту прилегающего к входу участка пещеры. На ее основании я изготовил дома вот эту гипсовую модель. Работа была немного грязная, но жене полезно: есть что убирать, - говорит он и тянет меня к модели. Потом все разъясняет уже на ней.

Потом Вертеш все разъясняет мне на модели

- Видишь, здесь ясно видно, что **Н** - место находки, к которому сейчас можно попасть только через **Д**. Малое кольцо лежит в прямом продолжении камина **В** и под острым углом выходящего камина **Ж**. По моим измерениям, верхнюю точку камина **Ж** отделяет от поверхности слой в два - два с половиной метра. Но на поверхности нет даже следа какого-нибудь оседания или провала почвы. Я отметил нужную мне на поверхности точку и вырыл яму **И**. В ней нашел слой красной глины и огромные остатки породы, которые под землей, плотно сгрудившись в бывшем входе пещеры, закрыли его. Они-то и поддерживали поверхностный слой и не позволили почве осесть. Рассказывая, Вертеш так увлекся, что остановить его было невозможно.

- На основании этого происхождение и расположение наносов доледникового периода, в которых был найден скелет марала, я объясняю следующим образом: современный вход **А** еще не существовал. Вместо него была воронка на вершине горы, в которую попадало много животных и разных обломков породы. Со временем воронка заполнилась до краев, а бывшее отверстие оказалось закрытым большими камнями. Данный процесс протекал еще при рисском оледенении, потому что в этом месте мы нашли наносы доледникового периода. Вплоть до вюрмского оледенения пещера не имела никакого сообщения с внешним миром. Современный вход открылся лишь в вюрмский период. Характер наносов и расположение найденных в них костей доказывают, что пещера не однократно заливалась водой. Красная глина, нагроможденная в камине **В**, была смыта через **Д** и **Е** в более глубокие части пещеры. На дне камина, то есть на месте находок **Н**, остался лишь небольшой слой глины. Обнаруженные здесь кости медведей, повидимому, находятся на своем первоначальном месте.

- Нельзя себе представить, - говорит дальше Вертеш, - чтобы медведи спускались вниз по отвесному камину на двадцать метров до **Н** - зала Купол. Вероятнее, что медведи жили где-то вблизи входа. Там они погибали, а вода смывала кости в конец слепого камина.

- На сегодня, кажется, хватит? - прерываю я его. - Извини, Лаци, мне уже надоело следить за твоими мыслями. У тебя прекрасная профессия, но не для меня. Сейчас очень тороплюсь. Завтра экзамен, а я еще ничего не знаю. Нужно что-нибудь подучить, хотя от всех этих "рисе", "вюрм", "доледниковье", от **А**, от **В**, от **Д** у меня и так голова кругом идет.

ШКОЛА РАЗВЕДКИ ПЕЩЕР И СКАЛОЛАЗАНИЯ

Этой главой я несколько нарушу ход быстро меняющихся событий и ознакомлю читателя с такими сведениями, которые выяснил уже значительно позже и главным образом на своем горьком опыте. Мой рассказ поможет тем, кто захочет узнать мир пещер не по книгам.

Препятствия при исследовании пещер бывают в основном двух видов. В одном случае препятствием является вода. В другом - и это бывает гораздо чаще - трудные задачи ставят перед спелеологом вертикальные стены, отвесные камины, скользкие скаты или узкие лазейки.

Кроме того, осложняет и без того тяжелую работу в подземелье глубокая мгла, над которой мы тоже должны одержать победу. Взобраться на каменную стену в горах не представляет особой трудности, в пещере же это требует огромного напряжения сил, так как порода там мокрая, скользкая и от каменных нагромождений легко отрываются отдельные глыбы. Под землей нет ни деревьев, ни кустов, так помогающих при преодолении крутых склонов на поверхности.

Освоение лучших приемов скалолазания в пещерах - целая наука, которая спелеологам чаще всего дается ценой долгой практики, неудач и, к сожалению, нередко несчастных случаев. Сначала я изучал азы этой науки один. Позже мне повезло принять участие в экспедициях, где я мог наблюдать и изучать приемы опытных спелеологов. Больше всего я почерпнул от наших замечательных скалолазов: Лайоша Пушкаша и Имре Гайдаша. И все же мой путь освоения техники скалолазания был довольно долг и тернист.

Самый важный вопрос - освещение. Насколько он значителен, лучше всего знают те, кто уже не раз бывали в пещерах и ощутили на себе, что значит плохое освещение. У нас в Венгрии наиболее подходящим источником света спелеологи считают простую карбидную лампу шахтеров. Обращение с ней не требует никакой специальной подготовки. Она проста по своему устройству, а самое главное - очень надежна. Пока в лампе имеется запас карбида и мы добавляем в него воду, газ беспрерывно выделяется, и свет лампы дает возможность спокойно работать и созерцать созданные природой красоты пещеры. Двести пятьдесят - триста граммов карбида, который вмещается в резервуар такой небольшой лампы, обеспечивают нас хорошим светом приблизительно в течение шести часов. Если поход планируется длительным, то в водонепроницаемом пакете, легко помещающемся в кармане, можно захватить с собой столько карбида, сколько необходимо.

Некоторые исследователи предпочитают пользоваться ацетиленовой лампой, укрепив ее по-шахтерски на лбу. В этом случае корпус лампы с карбидом и водой носится в мешке на боку или прикрепляется к поясу, а выделяющийся газ подводится через тонкий резиновый шланг к прикрепленному на голове фонарику с горелкой. Такой способ, безусловно, имеет свои плюсы и минусы. Одно из основных преимуществ ацетиленовой лампы в том, что руки совершенно свободны и свет падает всегда в том направлении, куда смотришь. При подъеме по веревке или веревочной лестнице это очень удобно. Иногда бывает выгодно и при скалолазании. Но нельзя забывать, что лампочка, прикрепленная к голове, часто сковывает спелеолога: во-первых, вниз ее свет почти не попадает и в узких местах она может быть препятствием для прохождения; во-вторых, резиновый шланг легко растягивается и может быть причиной повреждения лампы даже тогда, когда он проведен под одеждой.

Принцип работы с электрической шахтерской лампочкой не отличается от работы с карбидной - батарейки прикреплены к поясу. Но такой фонарик дает слишком узкий луч света, и всегда, как назло, в самый ответственный момент замыкаются провода или кончается батарейка.

Однако при выполнении некоторых работ эта лампа является единственно подходящей, например, при измере-

Дающие яркий свет лампы, работающие на парах бензина или керосина...

ниях или при плавании, хотя полагаться целиком и полностью на нее - преступное легкомыслие.

В кармане или под шапкой у спелеолога всегда должны быть свечка и хорошо упакованные защищенные от сырости спички. При работе с карбидной лампой зажигалка лучше, чем спички. Чтобы зажечь ацетилен, достаточно той искры, которую она высекает, даже побывав в воде.

Дающие яркий свет лампы, работающие на парах бензина или керосина, можно использовать только в таких пещерах, где продвижение не встречает препятствий. От простых электрических карманных фонариков лучше совсем отказаться: при подземных походах они, как правило, портятся.

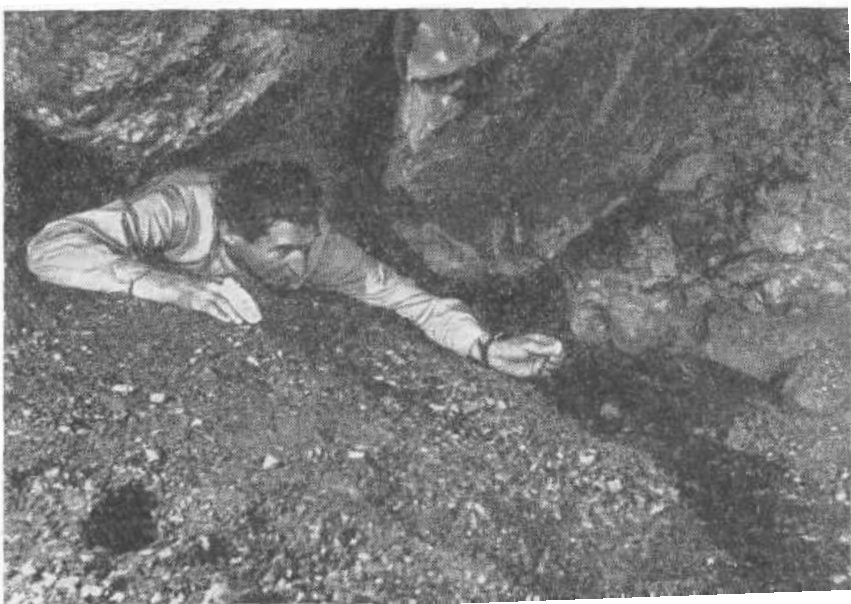
После того как я превратил в клочья несколько костюмов в пещерах Будайских гор, я понял, что дешевле и целесообразнее сшить для похода специальный костюм. Но каким он должен быть?

Прежде всего одежда должна допускать полную свободу движений. Спелеологу приходится ползти то вперед, то назад по узким и извилистым ходам, подниматься и опускаться то головой, то ногами вперед. Нужно учитывать также, что при напряженной работе человек сильно потеет. Когда по условиям работы в пещере требуется резиновый костюм, то его надо надевать так, чтобы резина нигде не соприкасалась с телом. Мы знаем - этим правилом нельзя пренебрегать, если хочешь избежать тяжелых последствий.

Что касается нижнего белья, то предпочтение нужно отдать шерстяному, которое, даже намочнув, удерживает тепло и не препятствует свободному выделению пота.

В сухих пещерах вполне достаточны длинные брюки, рубашка и надетый поверх них комбинезон. Комбинезон, позволяющий свободно двигаться даже в самых узких местах, нужно считать для спелеолога обязательным. Костюм, состоящий из брюк с пиджаком или рубашкой, может, если ползти назад, закрутиться и, собравшись у плеч, зажать исследователя в узком лазе. Комбинезон должен быть крепким, но нельзя, чтобы вода его делала жестким. По возможности лучше, если он застегивается на молнию.

Когда приходится нырять под воду или продолжительное время идти, скажем, по грудь в воде, то под комбинезон необходимо надеть резиновый костюм. Получается совершенно герметичный скафандр, но его опасно оставлять на себе несколько часов. Некоторые мои товарищи считают удобным применение простого купального костюма, даже если температура воды не превышает пяти-шести градусов. После исследования, одевшись в сухую и теплую одежду, они чувствуют себя отлично. Я со своей стороны не рекомендовал бы данный способ при многочасовых походах в воде.

Спелеологу приходится ползти по узким и извилистым ходам

В таких случаях даже выпитый крепкий допинг не в состоянии помочь организму восполнить потерю тепла. Через несколько часов температура тела сильно понизится, и сопровождается это весьма опасными явлениями (боли в спине, общая слабость, понижение волевых качеств и даже потеря инстинкта самосохранения).

Обувью для сухих пещер могут служить простые подбитые гвоздями крепкие ботинки, хотя они значительно сильнее изнашивают веревочные лестницы, чем резиновые сапоги. При спуске по веревке или веревочной лестнице на подошвах ботинок не должно быть триконей ¹¹, так как они будут цепляться за волокна веревки.

Есть много сторонников резиновых сапог. Они не скользят на влажных поверхностях скал и весьма удобны при спусках по лестнице. Здесь я напомним одну мелочь: в подземный поход необходимо надевать всегда новые резиновые сапоги, на подошве которых еще не стерлись бугорки. Сапоги лучше короткие, до колен, не мешающие свободно сгибать ноги, а если в них наберется вода, то одним движением можно ее оттуда вылить. Некоторые предпочитают сапогам спортивные тапочки или кеды.

Головной убор спелеолога зависит от условий его работы. Простой берет или старая шляпа без полей вполне подходят для похода в сравнительно легко проходимую пещеру. Но если подземный поход обещает быть более трудным и можно ожидать падения камней, необходимо надевать шлем. Шлем не должен иметь широких краев, так как они легко могут за что-нибудь зацепиться, а в узких лазах будут мешать не только видеть, но и двигаться.

По мнению одного французского специалиста, по-видимому, хорошо разбирающегося в этом вопросе, каждому члену спелеологической экспедиции необходимо взять с собой следующие вещи:

"Кроме основной лампы, у каждого должен быть запасной источник света (несколько коробок спичек и зажигалка), запасы продуктов, молоток, отвертка, плоскогубцы, ружье, нож, водонепроницаемые часы, свисток, компас, запасной свитер, рулетка, носки, носовые платки, фотоаппарат, магний, записная книжка, спиртовая горелка, кастрюля, чай, бутылка с вином, алюминиевый бидон, веревки, веревочная лестница,

При спуске по веревочной лестнице на подошвах ботинок
не должно быть триконей

карандаш, бинты, вата, йод, ртутно-хромовая мазь, чистые тряпки, термометр, треножник для фотоаппарата, манометр, краска для окрашивания воды, банки со спиртом для сбора коллекции насекомых, шпагат, иголка, нитки и резиновый клей".

К этому перечню я бы еще обязательно добавил гроб. Его очень целесообразно захватить с собой: если бедняга спелеолог не надорвется под тяжестью описанной выше ноши, то гроб с успехом можно применить вместо резиновой надувной лодки.

Конечно, смеяться легче всего. Но попробуйте-ка отправиться хотя бы в сорокачасовой подземный поход, как сразу выяснится, что все описанное очень нужно. И как вам еще будет не хватать забытых дома вещей!

После того как вы приблизительно уточнили, что надо брать из одежды, снаряжения и средств освещения, рассмотрим некоторые вопросы техники передвижения.

В неглубокие, до двадцати метров, колодцы можно смело спускаться без веревочной лестницы при помощи одной веревки. Для этого поступают следующим образом: прежде всего веревку одним концом крепко завязывают за какой-нибудь прочно стоящий поблизости предмет, а другой конец опускают в колодец, пока не убедятся, что он достиг дна. Проверить глубину колодца можно двумя способами: бросить камень и точно засечь время его падения или, привязав концом веревки большой камень, прощупать им дно. Второй способ наиболее надежен, но он не всегда применим, потому что веревка иногда не достигает дна.

Кажется, излишне напоминать о том, почему не рекомендуется спускаться на неведомую глубину. Прежде всего необходимо измерить глубину провала, бросив на дно камень и заметив продолжительность его падения. Это не сложно сделать по приводимой ниже таблице, наблюдая время падения по часам. Правильный результат, с нашей точки зрения, указывается в последней графе.

Наблюдаемое время падения (сек.)	Теоретическая глубина при свободном па- дении в без- воздушном пространстве (м)	Приблизительная глубина при сво- бодном падении в воздухе	Глубина с уче- том скорости звука в воздухе (м)
1	4,90	4	4
2	19,60	18	18
3	44,15	40	40
4	78,50	65	60
5	122,60	93	85
6	176,60	123	112
7	240,30	154	142
8	313,90	185	170

Удостоверившись, что веревка достигла дна, делают так: встают лицом к предмету, где закреплена веревка, и ее свободный конец пропускают между ногами. За тем перебрасывают

Спуск по одинарной веревке
при помощи "сидячей" петли
(рис. автора)

его сзади через левое плечо и, снова пропустив между ногами, опускают в глубину. Получается петля, в которую садятся. Потом одной рукой сжимают перед собой петлю и ее нижнюю часть подводят под правое бедро, спокойно садятся и, сжимая петлю с разной силой, регулируют скорость спуска. Чтобы остановить движение, нужно крепко сжать обе веревки.

Есть другой способ спуска с одной веревкой, но он требует большей натренированности, чем вышеописанный способ "сидя в петле" (по Дюльферу). При втором способе петлю помещают между бедром и голенью и скорость спуска регулируют с разной силой, сжимая вытянутые ноги. Я

считаю более подходящим спуск по Дюльферу, в этом случае свободны ноги, а это весьма важно при спусках вдоль не очень отвесных стен, чтобы держать от них тело подальше. Кроме того, здесь свободна также одна из рук и в ней можно держать лампу. У бедренной петли и руки и ноги заняты. При спусках на глубину больше двадцати метров не стоит применять ни один из этих способов, так как веревка невыносимо режет тело.

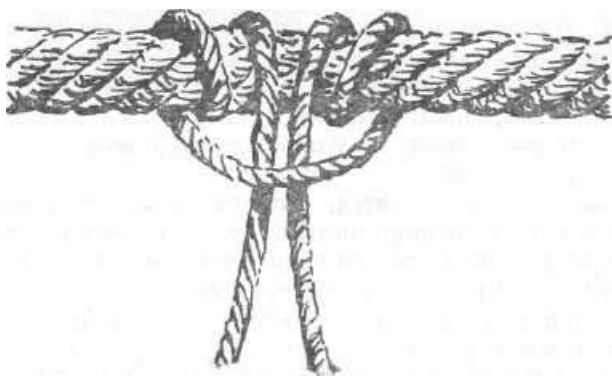
При подъемах по одной веревке употребляется еще и петля пруссик. Речь идет о трех коротких петлях, которые прикрепляются одна под другой двойной петлей к висящему в камине главному канату.

Верхняя петля пруссик проходит под мышками, а две нижние придерживают ступни ног. Процесс подъема осуществляется следующим образом: по очереди освобождаем от ног нижние петли и поднимаем вверх по главному канату то одну, то другую петлю. Рука у нас свободна, и мы без особого усилия можем расслаблять натяжение петель и поднимать их по очереди. Таким образом, мы медленно, но вполне надежно собираемся все выше и выше, пока не достигнем цели.

Единственный недостаток этого способа - медлительность, да и под мышкой тоже довольно ощутимо режет веревка. Группа из пяти человек, пользуясь этим способом, приблизительно за два часа в состоянии подняться лишь на двадцать метров. Но если в распоряжении исследователей нет веревочной лестницы, приходится прибегать к этому способу, иначе на поверхность не выбраться.

Когда речь идет о более глубоких пещерах и колодцах, веревочная лестница является неотъемлемой частью снаряжения спелеолога. Она должна быть, прежде всего, прочной и легкой.

Один мой приятель обещал мне подарить в день рождения такую лестницу. Он сдержал слово, и у меня появилась крепкая десятиметровая веревочная лестница весом в пятьдесят пять килограммов. Дареному коню в зубы не смотрят, но я все же с завистью думаю о тех счастливицах французах, которые в последнее время имеют десятиметровые лестницы весом всего в один килограмм¹².

Закрепление петли пруссик на главном канате
(рис. автора)

Подъем по веревке
с помощью петли прусик
(рис. автора)

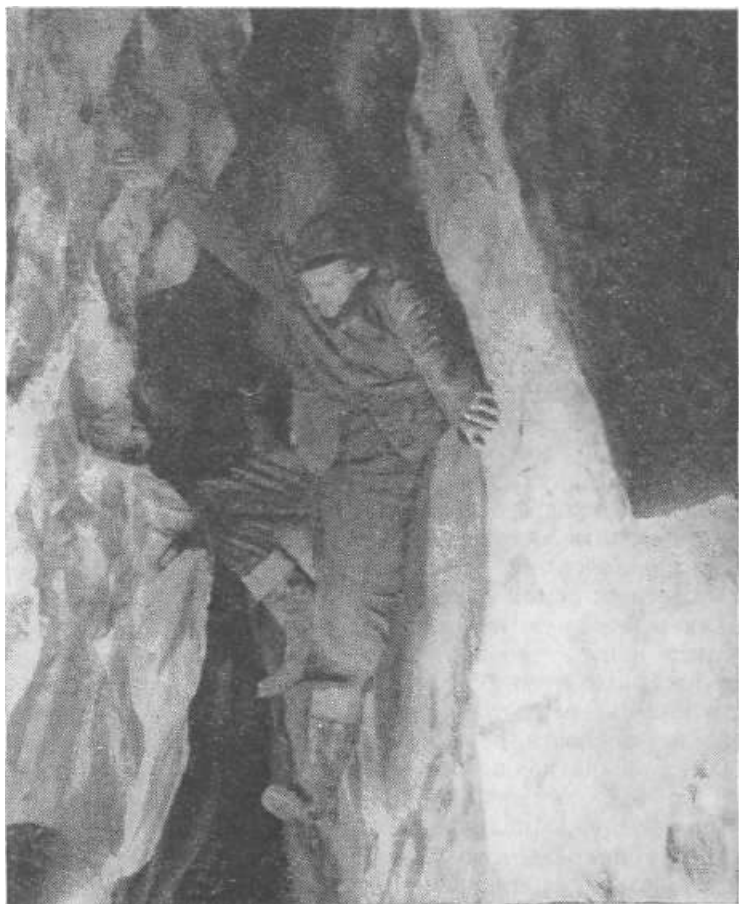
Правила пользования веревочными лестницами уже настолько подробно описаны в литературе, что я не вижу надобности их повторять, и лишь вкратце ознакомлю с весьма распространенной за границей техникой скалолазания с шестами.

При помощи специальных шестов можно преодолеть такие стены и камины, которые классическими приемами скалолазания по веревке, лестнице ¹³ даже по веревке с карабином почти непреодолимы. Эти шесты чаще всего представляют собой стальные двухметровые трубки, скрепляемые одна с другой винтами и зажимами. Уже на месте собирают шест длиной до восемнадцати метров, но подъем по нему никогда не производится: шест служит только для того,

чтобы держать на его верхнем конце веревочную лестницу в нужном спелеологу направлении. Шевалье называл данный способ "лазанием на мачту" и достиг в нем совершенства. В системе пустот пещеры Тру де Глас, настоящем лабиринте пещер и пропастей головокружительной высоты, он поднялся выше чем на двести метров.

Само собой разумеется, что для достижения этих кажущихся почти неповторимыми результатов он применял все приемы опытных альпинистов-скалолазов, начиная от переброски веревки на выступы скал, постройки моста из шестов для лазания и кончая смелыми прыжками с качающейся веревки.

При исследованиях пещер спелеологи нередко сталкиваются с такими трудностями, для преодоления которых нужно не только собрать все душевные и физические силы, но и проявить находчивость и смекалку в выборе средств и приемов скалолазания.

Он применял все приемы опытных альпинистов-скалолазов

Примером может служить поход Тромба, весьма оригинально проникшего вместе со своими товарищами в пещеру Мурэтер, вход в которую находился на высоте восьмидесяти метров над уровнем реки Бурн в совершенно скалистом берегу высотой в двести метров.

"В 1937 году, - пишет Тромб, - вместе с Анрэ Буржинелем, Густавом Буассьером, Анрэ Турноном и другими членами Парижского клуба спелеологов я находился в Веркоре, в долине реки Бурн. Река Бурн проложила себе русло среди огромного известнякового массива, на котором явно вырисовывались горизонтальные линии постепенного понижения уровня реки. Нам вместе с Р. Гахе, пользуясь веревкой с карабином, удалось приблизиться к входу пещеры, расположенной значительно ниже, но впереди еще оставался заманчивый и многообещающий вестибюль пещеры Мурэтер, как бы врезанный в нависающий скалистый берег реки Бурн на уровне восьмидесяти метров от воды и на сто двадцать метров ниже прибрежного плато. Мы решили, что наверху этого скалистого берега, то есть на высоте двухсот метров, точно над входом пещеры установим лебедку и спустим через кустарник по стене двухсотметровый основной канат. Но вход в пещеру Мурэтер оказался на расстоянии двадцати метров от вертикально висящего каната. Нам пришлось спуститься по канату на дно этой страшной пропасти, к самой реке. Там к концу каната мы прикрепили веревочную лестницу и жестами дали знать оставшимся наверху товарищам, чтобы они подтянули канат на восемьдесят метров вверх. Воды Бурн неслись таким стремительным потоком и с таким шумом, что он лишал нас возможности перекикиваться с ними, а порой не было слышно даже собственного голоса.

Но наверху нас, очевидно, поняли, так как канат начал медленно подниматься, увлекая за собой все выше и выше привязанную к нему веревочную лестницу.

Полез по уходящей вверх лестнице на головокружительную высоту Турнон. Когда он достиг уровня пещеры, мы начали раскачивать лестницу. Турнон провел на лестнице, находясь на стометровой высоте и раскачиваясь все время на двадцать-тридцать метров, несколько часов. Но все его попытки "пришвартоваться" к входу пещеры кончались неудачей. Его каждый раз оттягивала назад увлекаемая раскачивающимся основным канатом и лестницей страшущая веревка.

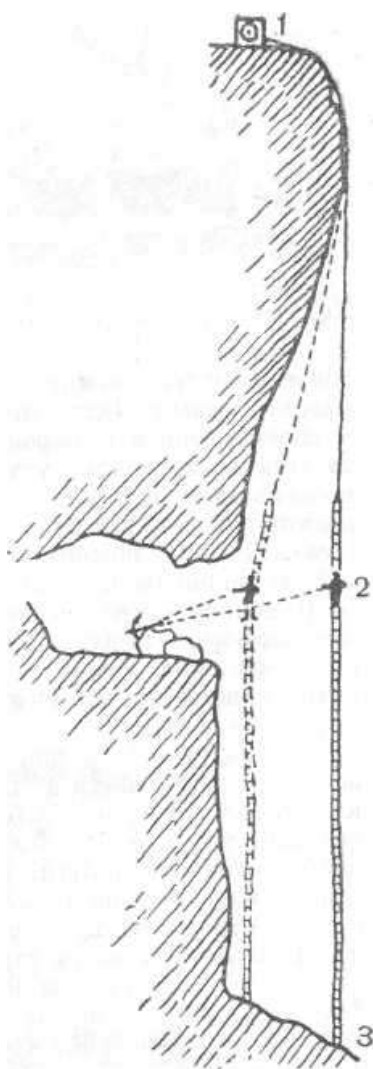
Вечером после долгих споров мы решили, что завтра я попытаюсь достичь входа пещеры. Делать это я буду несколько иначе, чем мой предшественник: приблизившись к входу не при помощи раскачивания, а метнув в него гарпун.

Вместе с сельским кузнецом мы сделали из старых вил гарпун с четырьмя зубцами, которым я и хотел зацепиться за камни или кусты, находящиеся у входа пещеры.

Веревочную лестницу при помощи лебедки подняли так, что я оказался на высоте десяти метров над входом пещеры и на девяносто метров над уровнем реки. С этой высоты я начал на следующий день забрасывать свой гарпун. Стоя на качающейся лестнице, я кинул гарпун по возможности дальше во входное отверстие. Если удастся зацепиться, то я опущусь немного ниже и буду осторожно подтягиваться при помощи веревки, привязанной к гарпуну. Таким образом, лестница вместе со мной приблизится к входу настолько, что я смогу перепрыгнуть в пещеру.

Расчеты мои оправдались. Все я проделал благополучно и уже через несколько минут был там..."

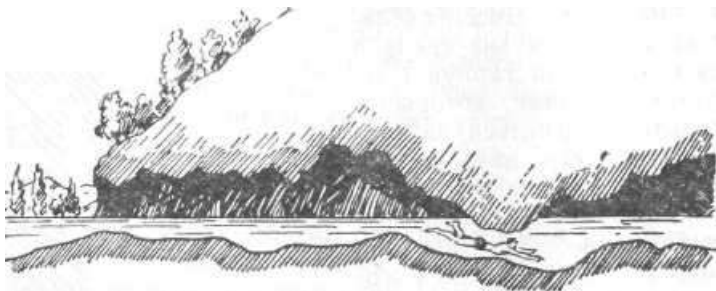
Для спелеолога пропасти, камины, колодцы и высокие скользкие отвесные стены представляют только один вид препятствий. Еще труднее приходится ему, когда попадаетея участок пещеры, заполненный до потолка водой, так называемый сифон. Надо идти дальше; все говорит о том, что

Попытаюсь достичь входа пещеры не при помощи раскачивания, а метнув в него гарпун.

1 - Лебедка; 2 - Исследователь; 3 -

Начало подъема

Еще труднее приходится, когда попадаетесь участок пещеры, заполненный до потолка водой

впереди следуют новые, может быть, наиболее красивые участки пещеры. Идти, но как?

Если подойти к сифону снизу, идя против течения, то есть возможность, углубив русло кайлом, понизить уровень воды, и тогда, если нам, как говорится, повезет, вода потечет, не достигая потолка, то есть сифон "откроется". Но если подойти к сифону по течению, то этот способ неприемлем.

В данном случае нужно тщательно осмотреть близлежащую часть пещеры, и, если окажется, что даже путем разборки стены нельзя найти верхний старый обходной путь, ничего не остается, как попытаться переплыть сифон.

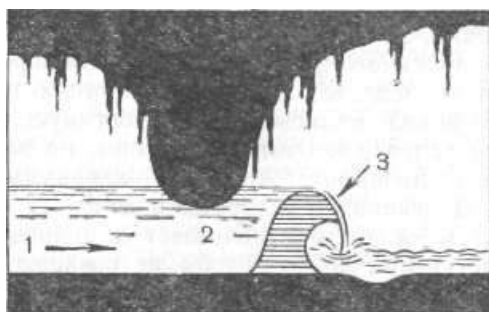
Аппараты, работающие на кислороде или на сжатом воздухе, появившиеся в последнее время в Венгрии в качестве снаряжения легких водолазов-амфибий, безусловно, могут оказать исследователям в подобных случаях неоценимые услуги. Но наши спелеологи, к сожалению, пока еще не имеют таких дорогостоящих аппаратов. Остается брать на ура, плывя под водой с одной, прикрепленной к поясу страхующей веревкой.

Преодолевать сифоны не рекомендуется в одиночку. Тот, кто берется переплыть сифон, должен сначала сделать несколько пробных спусков, чтобы определить время возможного пребывания под водой (при данной температуре воды и в данных условиях). Только после этого можно дать разрешение на спуск. Один и тот же человек при одинаковой температуре воды в зависимости от состояния своего организма совершенно по-разному переносит пребывание под водой.

Самые ничтожные мелочи (например, сыт исследователь или голоден) влияют на то, сколько он может вобрать воздуха в легкие. Момент спуска засекается секундомером, и страхующие опускают веревку с плывущим товарищем. По истечении двух третей выверенного времени, если только не получен условный знак выхода на поверхность, они безотлагательно вытягивают пловца.

Чаше всего на практике при первой попытке не удастся переплыть сифон. В дальнейшем пловец уже лучше ориентируется под водой, конечно, только на ощупь, так как во взбуряженной воде ничего не видно. В дальнейшем открыватель, все лучше и лучше ориентируясь среди подводных скал, плывет дальше и дальше, пока наконец не достигает конца сифона и не выходит на поверхность. Об этом он дает знать своим товарищам при помощи условленного знака: наиболее целесообразно это делать ритмическим подергиванием страхующей веревки.

Однако такая переправа небезопасна даже тогда, когда она проводится хорошо сработавшейся и дисциплинированной группой. Насколько же больше эти опасности, если сами исследователи не принимают всех мер предосторожности! Поэтому "смельчака", который отправляется один в неразведанные глубины или, еще хуже, переplывает неизвестный сифон и хвастается своими достижениями, мы считаем не героем, а человеком безответственным и легкомысленным.

Сифон, образовавшийся путем поднятия воды известково-туфовой плотиной, можно открыть снизу, разобрав плотину.

1 - Направление подземного ручья, 2 - Сифон 3 - Туфовая плотина

(рис. автора)

К этому выводу пришел и сам первый "покоритель" сифонов Норберт Кастере. В своих описаниях он неоднократно подчеркивал, какое важное значение имеют в подобных случаях совместные действия хорошо тренированного и сплоченного коллектива.

Да, человек очень многое начинает понимать, пока изучает и познает подземный мир. Между прочим, и то, что одной карбидной лампы недостаточно, когда вдвоем отправляешься даже в знакомую пещеру...

ШОЙМАРСКИЙ ПОХОД СМЕРТИ

Все еще шел 1946 год. Был жаркий июльский день. Проделав путь от конечной остановки трамвая в Будапеште до Шоймара, мы совсем выбились из сил. Имре Гайдаш, несмотря на свой небольшой рост, все время шел со мной в ногу. Если бы со стороны посмотреть на нас, так можно было бы подумать, что соревнуются два сумасшедших: "пожарная каланча" и "плоскогубцы". Имре уже четвертый день обучает меня скалолазанию, и очень умело! Он считает меня успевающим учеником и поэтому согласился пойти сегодня в шоймарскую Чертову дыру.

Эта пещера стала уже моим вторым домом. В последние месяцы я проводил в ней все свободное время. Пока шли занятия и экзамены в университете, приходил сюда вечерами, производил измерения и составлял план. Частенько до самого рассвета один-одинешенек работал в мрачном подземелье, проклиная летучих мышей, которые без конца вились вокруг растянутых рулеток. Тогда я не успел закончить измерения, но зато хорошо изучил весь лабиринт. А сейчас каникулы - полная свобода!.. Дядюшка Плухар еще несколько дней назад уговаривал меня зайти в сельсовет и попросить какой-нибудь пустующий домик, чтобы не возвращаться каждый вечер в пыльный, покрытый копотью Будапешт.

Целью сегодняшнего похода мы наметили с Гайдашем Красный зал. Моя карбидная лампа прошлый раз испортилась, и можно было пользоваться только лампой Имре. Пыль столбом стояла в пещере, так бодро и быстро мы продвигались по знакомым лазам вверх и вниз, стараясь показать друг другу свою ловкость и проворство под землей.

В Волчьем горле, находящемся ниже Зала гуано, Имре зацепился за острый выступ скалы и отломал у лампы горелку.

Для меня уже, собственно говоря, не являлось новостью остаться без света в пустотах Чертовой дыры, но данное положение несколько иное: во-первых, со мной не Шандор, а Имре Гайдаш; во-вторых, и это беспокоило меня больше всего, забравшись в Волчье горло, мы были намного дальше от входа и вряд ли в ближайшие часы могли рассчитывать на веселую компанию, подобную той, которая в прошлый раз спасла нас с Шандором.

Имре в течение получаса не хотел верить, что отломанная горелка окончательно пропала. Через зияющую круглую дырку лампы выходил ацетилен, и мы чувствовали его резкий неприятный запах. Надеюсь получить хоть какой-нибудь плохонький свет, Имре со спокойствием бывалого исследователя зажег спичку и поднес к отверстию. Неожиданный взрыв выбил лампу у него из рук. Снова неудача! Однако Имре невозмутимо заявил о необходимости продолжать поиски не только горелки, но и лампы.

- Потом привяжем шпагатом горелку к отверстию, и, пока доберемся до поверхности, какой-нибудь свет она нам все-таки даст...

Но напрасно он спускался не менее пяти раз в узкий колодец, теперь даже лампа потерялась! Я терпеливо стоял и ждал результатов поисков, которые Гайдаш сопровождал тихими сквозь зубы ругательствами. Мне не хотелось уходить с хорошо знакомого места из боязни потерять ориентировку. Здесь в Волчьем горле это грозило нам слишком серьезными последствиями. Когда Гайдаш сжег последнюю спичку и наконец прекратил поиски, мы, ощупью выбирая и подолгу испытывая каждую точку опоры, начали подниматься в Зал гуано.

Интересно, насколько быстрее теряет человек чувство равновесия в абсолютной темноте, чем на свету. Имре, тяжело дыша, путался где-то у меня под ногами, а я объяснял ему, какие точки опоры нужно искать. Мы продвигались здесь страшно медленно. Правда, из Волчьего горла даже при свете довольно трудно выбраться.

В Зале гуано нам нужно было снова точно и безошибочно выбрать направление. Для этого пять или шесть

Вместо того чтобы уцепиться за трещину в скале, я тут же полетел

раз мы облазили весь зал на четвереньках, докладывая друг другу о своих наблюдениях, сделанных, конечно, вслепую. Наконец определили путь. Я осторожно взялся за прикрепленный здесь стальной канат. Гайдаш руками нащупал щель в стене и пристроил туда мою ногу. Сначала раз десять мысленно я проделал то движение, которым привык отсюда выбираться, думая, какой рукой и за что схвачусь. Потом размахнулся, протянул руку, но, вместо того чтобы уцепиться за искомую трещину в скале, влип в скользкую, смешанную с помесом глину и тут же полетел.

Однако мой друг сумел меня снизу немного поддержать, и я не расшибся, а, откатившись в сторону, уперся лицом в грунт. О, благословенные летучие мыши! Только благодаря вам я не разбил себе лицо о каменный пол пещеры. Мягкий, рыхлый и "душистый" помёт нежно принял мою голову в свои объятия.

Наспех очистившись, я снова повторил попытку подняться. На этот раз удачно, хотя рука и соскользнула с камня, за который держался, но Имре удалось, схватив меня за ноги, спасти от нового падения. В следующем зале в первую очередь опять надо было определить, куда идти. Какое счастье, что я так много лазил в Чертовой дыре. Почти каждый камень мне здесь знаком. Этот верхний зал имеет три отвесные стены, и только с одной стороны глубокая пропасть, через нее мы сейчас и выбрались из Зала гуано. Глаза уже не болят от едкой жидкости свежего помета, и я в состоянии их открыть. Но напрасно вглядываюсь в крошечную тьму, ничего не вижу, только желтые круги танцуют перед глазами.

Осторожно по-пластунски отползаю обратно к краю провала - помочь подняться Имре. Лежу ничком на краю ущелья, свесив ноги, и минут пять жду, пока он их находит. Все время говорю, чтобы он мог ориентироваться по голосу. Когда Имре наконец схватился за ногу, я в тот же миг почувствовал, как сползаю вниз. И как ни стремился зацепиться хотя бы ногтями за скользкую глину, все было напрасно.

Теперь свалились вместе. Я здорово ушиб колено и в течение нескольких минут был не в состоянии вымолвить ни слова, только, согнувшись в три погибели, с присвистом вбирал воздух. Имре повезло, он упал удачно. Немного передохнув, мы опять принялись за новую, кажущуюся уже почти безнадёжной, попытку подняться в следующий зал. Я посадил себе на шею своего низкорослого товарища, и таким образом ему удалось успешно туда перебраться. Затем под лозунгом "пропади все пропадом" я снял с себя спецовку и, скрутив ее наподобие веревки, бросил конец Гайдашу. Все остальное шло просто И вот я уже наверху. Так как этот способ оправдал себя, его с успехом применяли в дальнейшем. Ощупью удалось найти лазы Глазной впадины. Они служили хорошим ориентиром для выбора направления нашего дальнейшего продвижения. Но вся беда заключалась в том, что только сейчас начинался самый сложный участок пути. Нужно было пройти по наклонному узкому тридцатисантиметровому карнизу, под которым зияла глубокая пропасть. Даже когда я проходил здесь при свете, и то возникало неприятное чувство, хотя вдоль карниза протянут стальной канат для страховки. Поскольку это место я знал лучше, чем Гайдаш, снова пришлось идти первым.

Я очень устал. Имре тоже еле держался. Ноги у меня дрожали, но не от холода, пот лил ручьями, хотя на мне, кроме рубашки, ничего не было. Продвигался я на спине ногами вперед, по сантиметрам, одной рукой, как щупальцами, все время описывая перед собой широкие круги. Я прекрасно понимал, что подо мной глубина не менее трех этажей. Одно неосторожное движение... Но нет, об этом и думать нельзя! Мы должны благополучно выбраться отсюда!

Имре я попросил двигаться за мной вплотную. Лежа на спине, пусть прижимается к правой стороне карниза так, чтобы его ноги были все время у моей шеи.

Я уже начал терять надежду выбраться живым. Вот и последний поход в подземное царство, подумал я про себя. Поход смерти, после которого не будет уже ничего, кроме вечной тьмы... По правде сказать, меня ничуть не утешала мысль, что я не один, что судьбу мою разделяет и Гайдаш. Но свои тяжелые мысли я перед ним ничем не выдал. Может быть, и он тоже так думает? Нет, Имре ни одним словом не выразил сомнения в том, что я его выведу на поверхность. Ну и хорошо, пусть верит! Это придает мне силы.

Только бы еще немножечко продержаться! Уже по крайней мере полдня твержу себе это. Подбадриваем друг друга, но слова звучат с каждой минутой менее убедительно. И все же надо действовать, хотя и нет надежды, напрягая силы, внимание, медленно, медленно продвигаться вперед...

Все больше вокруг нас кружится летучих мышей. Наверное, вечереет. Сейчас они отправятся за добычей в лунную летнюю ночь. Мы останемся совсем одни. Вот покинули нас и эти стражи подземного мира, покинули в каменном склепе вечной ночи, на краю пропасти. Но снова выручила моя превращенная в веревку спецовка. Мы благополучно добрались до конца каменного карниза. Однако здесь сделали одно неосторожное движение, оступились, и один за другим скатились в колодезобразную яму. Сначала упал я. Ударившись о что-то твердое, тут же покатился дальше по скату и потом, очевидно в Волчьей яме, на относительно ровном месте остановился. Сразу же крикнул Имре, чтобы он не совершил той же ошибки, но не успел закончить фразу, как услышал, что и он рухнул вниз.

Спустя несколько секунд мы сидели рядом на земле, обсуждая создавшееся положение. На этот раз отделались легким испугом, но сейчас уже представления не имеем, куда идти дальше? Эта Волчья яма, пожалуй, самый запутанный лабиринт во всей пещере. Коридоры из него уходят в шести направлениях. Но я помнил совершенно точно: нужный нам ход, ведущий через Цирк к входу, начинается прямо напротив камина, через который мы сюда попали, в противоположном конце зала. Однако, свалившись, мы уже окончательно потеряли способность ориентироваться и, хоть убей, не знали, с какой стороны камин. А силы уходили. Нас начало одолевать чувство беспомощности и полного отчаяния. Интересно, что человек даже в крошечной тьме никогда не закрывает глаза. Одержимые страхом, мы еще упорнее, чем прежде, старались хоть что-нибудь разглядеть в абсолютной темноте.

Тщательно ощупываем почву. Ищем следы своих ног, ведь по ним можно определить, где находимся. Направление, в сторону которого пол понижается, исключили, не катились же мы вверх!

В одном месте мы действительно нащупали идущий вверх глинистый скос. На нем удалось найти следы гвоздей наших ботинок и одну полусгоревшую спичку. Я попросил Гайдаша лечь в этом месте, предполагая, что именно отсюда свалились мы в Волчью яму, а сам, ориентируясь на его голос, направился искать нужный нам коридор.

Полз я сначала на четвереньках, потом стал передвигаться сидя. Еле хватало сил поднять руки, настолько они болели от постоянного ощупывания в темноте. Сначала, направляемый голосом Гайдаша, я спустился в самую нижнюю точку зала, зная, что оттуда ведет вверх крутой каменный желоб, по которому нужно подняться метра на три. Найденные точки опоры оказались мне знакомыми, подъем удался. Здесь наверху пол был покрыт мелкими камушками, больно впивающимися в колени. Да, узкий ход, соединяющий Цирк и Волчью яму, именно такой. Я с облегчением крикнул Имре, чтобы он шел за мной, ощупал все вокруг себя и прилег на камень отдохнуть.

Ждал я очень долго и настолько раскис, что уже совершенно не был в состоянии продвигаться дальше. Объясняю Гайдашу, что он должен опуститься ниже по глинистому склону, и потом, держась все время правой стены, обойти кругом Цирк.

- Осторожно, Имре, не поскользнься! Под тобой пропасть!

Еще два, три метра я все-таки ползу за ним, но потом окончательно сдаюсь.

Каким безнадежным ни было наше положение, я не переставал восхищаться хладнокровием Гайдаша, верящего до сих пор, что нам удастся выбраться отсюда живыми.

В этой крошечной темноте у меня выработалось нечто вроде седьмого чувства. Чувствую перед собой скалу, уже на расстоянии тридцати сантиметров чувствую. Протягиваю вперед руку и действительно упираюсь в стену. Медленно касаюсь ее твердой, сырой и гладкой поверхности. Снизу, приблизительно на расстоянии двух метров от меня, слышится голос Гайдаша.

Держась рукой за скалу, пытаюсь подняться на четвереньки. Затылком крепко ударяюсь о потолок и снова ложусь. По лицу текут ручейки пота, солоно во рту. Значит, я все же ошибся? Если мы в Цирке, я не должен был, даже стоя в полный рост, доставать головой потолок. Не понимаю. Ничего не понимаю! Как я мог так просчитаться?! Снова ощупываю глинистый пол. Да, это бесспорно следы моих ног! Робко миллиметр за миллиметром ощупываю в глине дырочки от гвоздей ботинок. Вдруг слышу странный звук, потом на мгновение снова наступает абсолютная тишина, и затем покой вечной ночи нарушает глухой удар. Гайдаш сорвался! Куда? Понятия не имею. Напряженно вслушиваюсь, не слышно ли чего-нибудь. Но в пещере царит безмолвие, только слышу, как громко бьется сердце да стучит в висках ..

Наконец после трехминутной жуткой тишины раздаются стоны Имре. Значит, жив! Слава богу, словно гора с плеч свалилась...

- Ой, нога! - стонет он где-то внизу. Потом затихает, а затем уже спокойно говорит, что, очевидно, перелома нет, ему удалось встать на ушибленную ногу. Только на месте ушиба она сильно распухла и кровотоцит. Я его все подбадриваю, чтобы он попытался выбраться.

По характерному шороху спецовки и звуку покотившихся мелких камешков мне удастся определить, что Гайдаш начинает двигаться. Он не слишком глубоко. Голос его постепенно приближается. Кроме как словами, помочь ему ничем не могу. Наконец Имре сообщает, что обошел кругом весь зал, но выхода не нашел ни в одну сторону разве только спуститься снова вниз.

- Не спускайся! - кричу я. - По всему видно, что ты все же попал в Цирк! Здесь я не знаю другого такого глубокого зала. Если ты в Цирке, то поднимись по противоположной от меня стене на три метра! Сможешь - тогда мы спасены! Там должна быть лестница, ведущая на поверхность!

В одно мгновение я снова ожил: значит, шоймарский поход не последний в моей жизни? Если и это препятствие удастся преодолеть, жизнь снова будет улыбаться нам.

Гайдаш старается изо всех сил, но снова падает. Опять начинает все сначала. Я же громко кричу, чтобы по моему голосу он нашел нужное направление.

- Лаци, подожди немного, кажется, тут можно зацепиться!

Снова шорох спецовки, тяжелое отрывистое дыхание, и затем мертвая тишина. Но она длится недолго. Вот уже издалека слышу голос Имре. Возбужденный, он во все горло кричит лишь два слова:

- Лестница! Лестница здесь!

Мы спасены! Взобраться по ступенькам для Гайдаша не представляло никаких трудностей. На полчаса я остался один. Волнуюсь, жду его возвращения. И вот наконец золотистый свет лампы, которую он одолжил у дядюшки Плухара, осветил мое полуголое черное от грязи тело.

ПЕЩЕРА ЧУДЕС В ШАТОРКЕПУСТА

Еще в июне 1946 года в самый летний зной на очередном заседании Общества друзей природы, которые проходили обычно по средам в вечерние часы, я заинтересовался одним из писем, прочитанных нам Иштваном Венковичем. Письмо пришло из Дорога незнакомые молодые шахтеры. Оно состояло всего из нескольких строк:

"Уважаемые разведчики подземелья, товарищи по профессии! Мы тоже очень любим наши горы, проводя в них весь свой досуг. К сожалению, у нас очень мало времени для походов. Интересуемся мы и пещерами, хотя не во всем там разбираемся. Просим вас, если найдется какое-нибудь лишнее снаряжение, пришлите его. Заранее очень благодарны! На прошлой неделе мы с младшим братом взрывали мины у подножия горы Штражахедь. После войны их еще очень много в лесах. Делали мы это просто ради своего удовольствия. Во время войны немцы на склоне горы Штражахедь начали разработку нового известнякового карьера, вывозя отсюда камень на постройку дотов. В одной из стен карьера мы обнаружили небольшую расселину, ведущую в пещеру. Нам бы хотелось пройти в нее, так как брошенный туда камень катился очень долго. Если вас интересует эта пещера, приезжайте, посмотрите. Будет у нас время, мы с удовольствием вам поможем. Желаем удачи.

Братья Вархиди (Вончина) из Дорога".

Я попросил письмо у Венковича, который уже тогда был признанным спелеологом, и решил, что еще до начала занятий в университете выкрою время осмотреть упомянутую скальную нишу. Правда, многого я не ожидал от этого сообщения, ведь мы очень часто получали от восторженных любителей подобные письма о новых "чудесных пещерах", и каждый раз оказывалось, что речь идет или об известной уже пещере, или о скальных нишах, которые только фантазия их "открывателей" возвела в категорию пещер.

* * *

Район Дорога, который находится в сорока с лишним километрах от Будапешта, я еще совсем не знал. А поскольку мне, как будущему геологу, надо было бы познакомиться с одним из самых больших угольных бассейнов страны, я решил знойным утром 28 августа отправиться пешком из Будапешта в дальний путь на Дорог.

Уже смеркалось, когда я дошел до села Кестельц. Отсюда, судя по карте, до горы оставалось всего четыре километра. В селе я немного отдохнул. Теперь дорогу к карьеру мне освещал месяц.

Наконец я подошел к горе Штражахедь. Ее отвесные стены, по всей вероятности, образовались в геологическом прошлом по линиям разломов во время поднятия известнякового массива, сложившегося в третичный период. Когда-то по глубоким трещинам поднималась из недр горячая вода, она и могла образовать пустоты в известняке. Пещеру иного происхождения здесь трудно себе представить.

Вот и вся теория. А какова действительность? Это сейчас предстоит разведать.

Колени подгибались от усталости, безбожно мучила жажда, но последние капли воды из своей фляги я вылил в карбидную лампу у скальной ниши, которую отыскал довольно быстро.

Заглядываю через узкую щель хода и рассматриваю при свете лампы небольшую, диаметром, может быть, в два метра, шарообразную пустоту. Внизу я вижу узкий, не шире человеческого тела, лаз. Залезаю в нишу и с недоумением смотрю вокруг. Она словно большой пузырь, а вогнутые стенки, к моему удивлению, совершенно мягкие, палец свободно входит в похожий на глину известняк. Странное явление. Продвигаюсь дальше. Пришлось снять намотанную на тело веревку, чтобы протиснуться в узкий лаз, ведущий вниз. Но это сужение имело длину не больше метра. Ноги болтаются под потолком какой-то более значительной пустоты. Освещаю лампой пространство под собой и вижу: до пола не больше двух метров. Спрыгиваю. Вокруг меня поднимается облако пыли. Здесь сухо, как на шоссе.

Любопытное зрелище: нигде ни одного ребра, ни одного угла. Все круглое. Пораженный, продолжаю разведку. Из одного пузыря перелезаю в другой. Я еще ничего подобного не видел! Или это только игра воображения? Создается впечатление, будто таинственная рука залила гипсом огромную виноградную кисть. Виноград уже давно сопреп, и только шаровидные оболочки свидетельствуют о когда-то налитых "гроздьях".

"Гроздья винограда" должны были быть действительно гигантскими! Диаметры многих шарообразных

пустот не менее одного метра, а некоторые доходят до четырех. Стенки сухие, нигде ни капли воды. В каком бы месте я ни дотрагивался до них, они настолько мягкие, что рука оставляет след. Присматриваюсь к стенкам, особенно внимательно в тех местах, где они еще не тронуты. Ничто не указывает на причину мягкости породы. Точно такой же плотный, почти белый известняк, который наш профессор Элемер Вадас называл дахштейнским известняком. Замечаю в известняке извилистые кристаллические жилы, наполненные кальцитом, какие я видел неоднократно и на поверхности. Разница лишь в том, что там порода настолько твердая, что при ударах по ней молотком только искры сыпались, а здесь мягкая масса. Что за колдовство?

Из последнего огромного "шара" нет дальше хода, приходится возвращаться. Отправляюсь теперь по этому сказочному лабиринту шарообразных пустот в другом направлении.

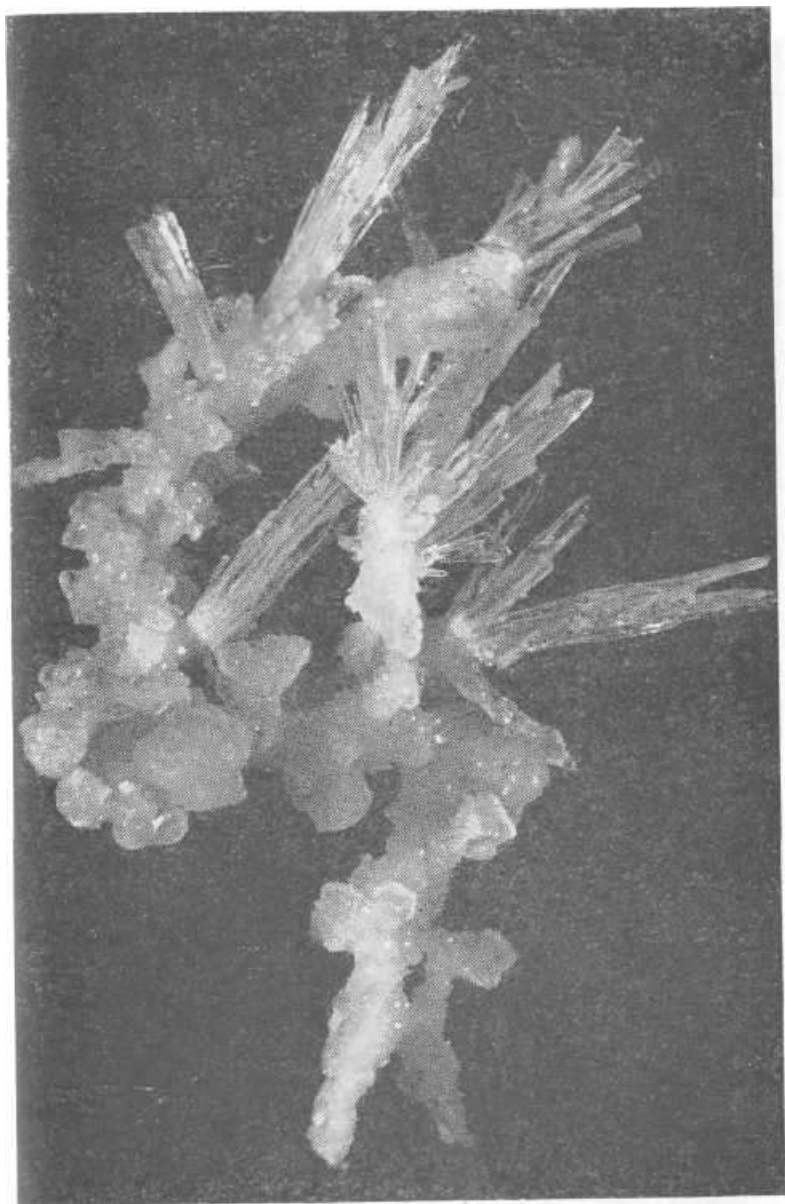
Подхожу к совершенно круглой трубе. Освещаю ее и вижу, что осторожно по ней можно спуститься. Но замечаю еще и другое: на стенках тут и там белые кисточки, напоминающие свежавывающий снег, блестящие пятна.

- Вот, чудеса! - восторгаюсь я, - вот удача!

Чем ниже спускаюсь, тем больше удивляюсь. Облик пещеры, состоящей и здесь из нагромождения огромных шарообразных пустот, увлекающих меня все дальше и дальше, совершенно преобразается. Стены покрыты белыми, искрящимися в свете лампы игольчатыми кристаллами настолько густо, что их собственной поверхности уже совсем не видно от этих переливающихся всеми цветами радуги "алмазов".

Девственная, похожая на сновидение, красота пещеры меня совершенно покоряет. Ее широкие, неведомой глубины камины в любую минуту могут меня поглотить, но сейчас я не замечаю опасности, а только смотрю, смотрю, восторгаясь до слез.

В пещере горы Семлехедь я тоже видел на стенках белые гипсовые кристаллы. Там было действительно очень красиво. Совершенно прав ее открыватель Кесслер, когда, восхищенный увиденным, назвал ее подземным цветником. Но как далеко ей до красот пещеры Штражахедь!

Стены покрыты белыми, искрящимися в свете лампы игольчатыми кристаллами

Пытаюсь с чем-то сравнить покрытие стен: с кисточками для бритья, с ежами. Но нет, ни с чем не сравнимы эти состоящие из шести-восьмисантиметровых кристаллических иголок пушистые образования! Под ногами со звуком, похожим на звон стеклянного колокольчика, ломаются тысячи кристаллов, напоминая мне о том, что я хожу по нетронутой целине святая святых природы.

К сожалению, у меня нет другого выбора: куда бы я ни ступил, все равно что-то ломаю.

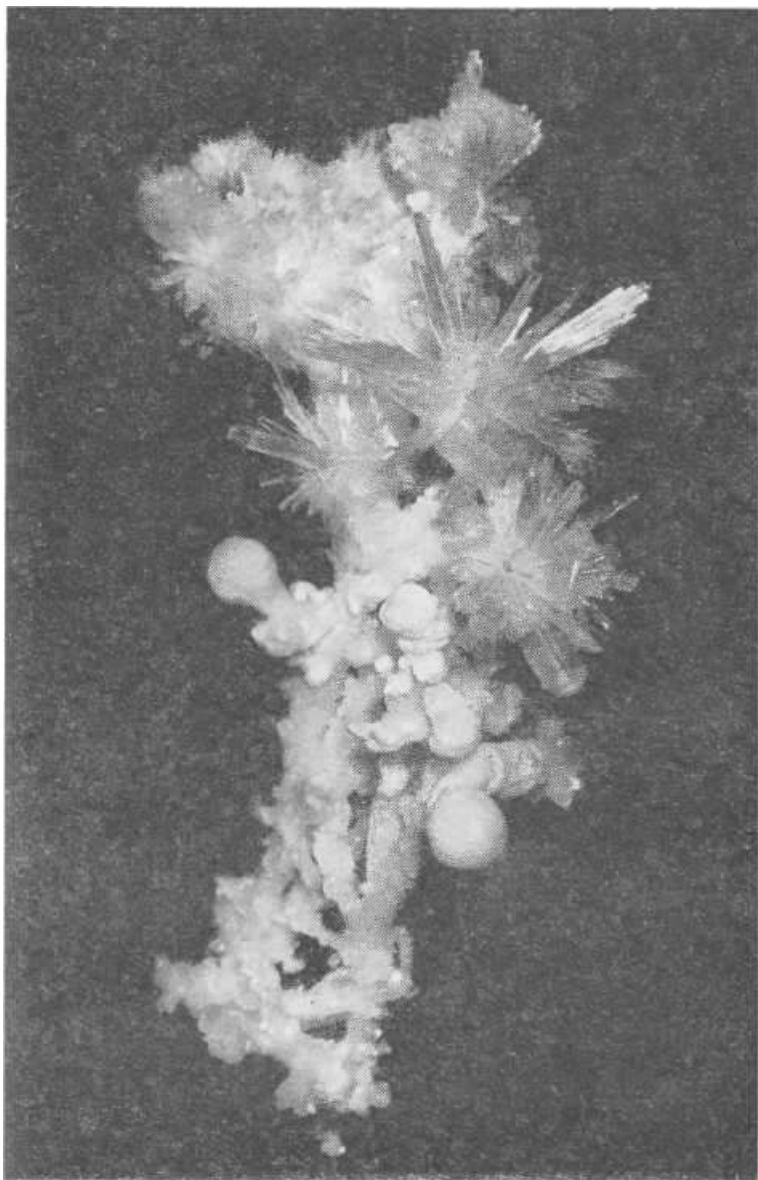
Находясь под впечатлением увиденного, забываю о времени, об усталости. Снова спускаюсь в более опасный и глубокий колодец. Впрочем, совершенно наугад, с таким же успехом я мог бы пойти в одном из трех других направлений. Здесь столько ходов, сводчатых залов и каморок, сплошь покрытых кристаллами, что нет сомнения: я обязательно заблужусь. Однако этот необыкновенной красоты брильянтовый лабиринт стоит риска. Да, ради таких впечатлений стоило родиться на свет, стоит преодолевать трудности, отдать жизнь!

Зал, в который я сейчас попал, отличается от предыдущих. Создается впечатление, что находишься в беседке, увитой розовыми и кремовыми гроздьями винограда. Нет слов, чтобы описать красоту хрупких каменных цветков, арагонитовых роз.

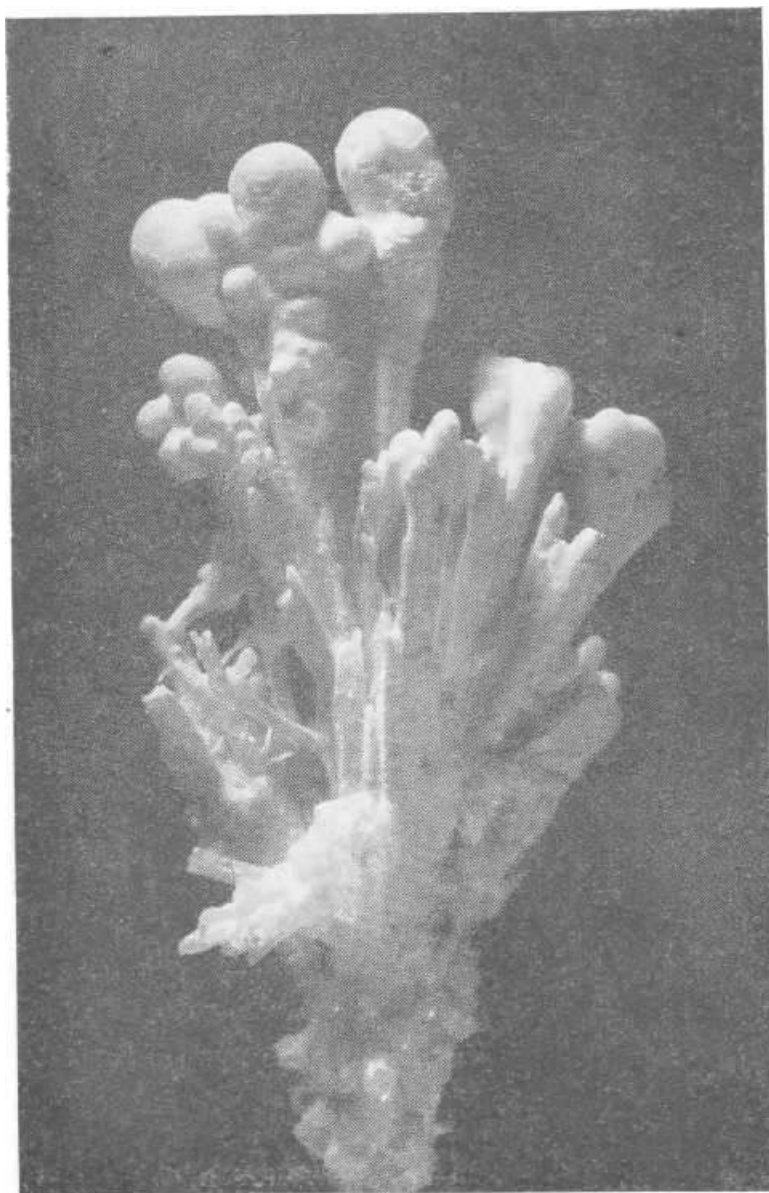
В то время я был уверен, что это самая красивая пещера нашей страны, но как мало знал я, имея двадцать один год от роду, о созданных природой красотах Венгрии! А сегодня уже мои знания и опыт разрешают сказать другое: я ошибся тогда в своих суждениях. Пещера Шаторкепушта, образованная поднимающимися из глубоких недр земной коры горячими минерализованными растворами, является уникальной по своей красоте!

Я осветил лампой идущий из Розового зала каменных цветов глубокий, довольно широкий и, как я заметил, расширяющийся книзу колодец. В него, однако, без веревочной лестницы я уже спуститься не мог.

Наверное, долго бродил я в этой подземной сокровищнице чудес. Очень долго. Потому что, когда вылез через неказистый вход пещеры на поверхность, солнце стояло уже высоко, бросая на землю яркие, ослепительные лучи. Всевидящее солнце приятно согревало мое уставшее тело, и я был очень счастлив, ведь даже оно не знало тайны, которой поделилась со мной этой ночью молчаливая Штражахедь.

Ни с чем не сравнимы эти пушистые образования!

Создается впечатление, что находишься в беседке, увитой розовыми
и кремовыми гроздьями винограда

Прибыв в Будапешт и горя нетерпением, я не смог дожидаться вечера следующей среды и, отыскав Венковича в Институте геологии, рассказал ему свои впечатления о пещере Штражахедь. Иштван слушал мой восторженный рассказ несколько сдержанно. Я видел, что половине он не верит. Но даже и половины было достаточно для того, чтобы он пообещал: в воскресенье вместе поедем в Дорог поездом, а оттуда пешком пойдем к пещере.

В воскресенье ранним утром Пишта¹⁴ вместе с Матильдой Никкл действительно был у Будайской железнодорожной станции. На станции Дорог наша маленькая экспедиция собралась в полном составе. Прежде всего мы отыскиали братьев Вархиди, приславших нам письмо. Пишта хотел, чтобы они тоже пошли вместе с нами. В случае если пещера действительно представляет какой-то интерес, то им сразу на месте, как наиболее правомочным, он расскажет, как ее охранять. Семью Вархиди мы нашли легко. Их небольшая бакалейная лавка стояла на берегу речушки. К счастью, братья были дома: жизнерадостные Карчи и Руди, ставшие потом моими товарищами, были, однако, заняты и не смогли идти с нами. Но они рассказали, что на днях были в пещере и спустились при помощи троса в тот колодец, перед которым я остановился. Они считали, что нижние участки пещеры гораздо красивее разведанных мною верхних.

- Надо спуститься на десять-одиннадцать метров, - сказали они, - может быть, попозже и мы пойдем вслед за вами.

Погода не была такой чудесной, как пять дней тому назад: грязные серые тучи заволокли небо, и тихо по-осеннему накрапывал дождь. В двух километрах от Дорога мы миновали ферму Шаторкепуста (по этому месту мы и назвали впоследствии пещеру) и отсюда уже напрямик направились к виднеющемуся сквозь туман восточному склону горы Штражахедь. Поля, по которым мы проходили, были обезображены дотами, разбитыми огневыми точками и траншеями - печальными свидетелями недавно прошедшего мирового пожара.

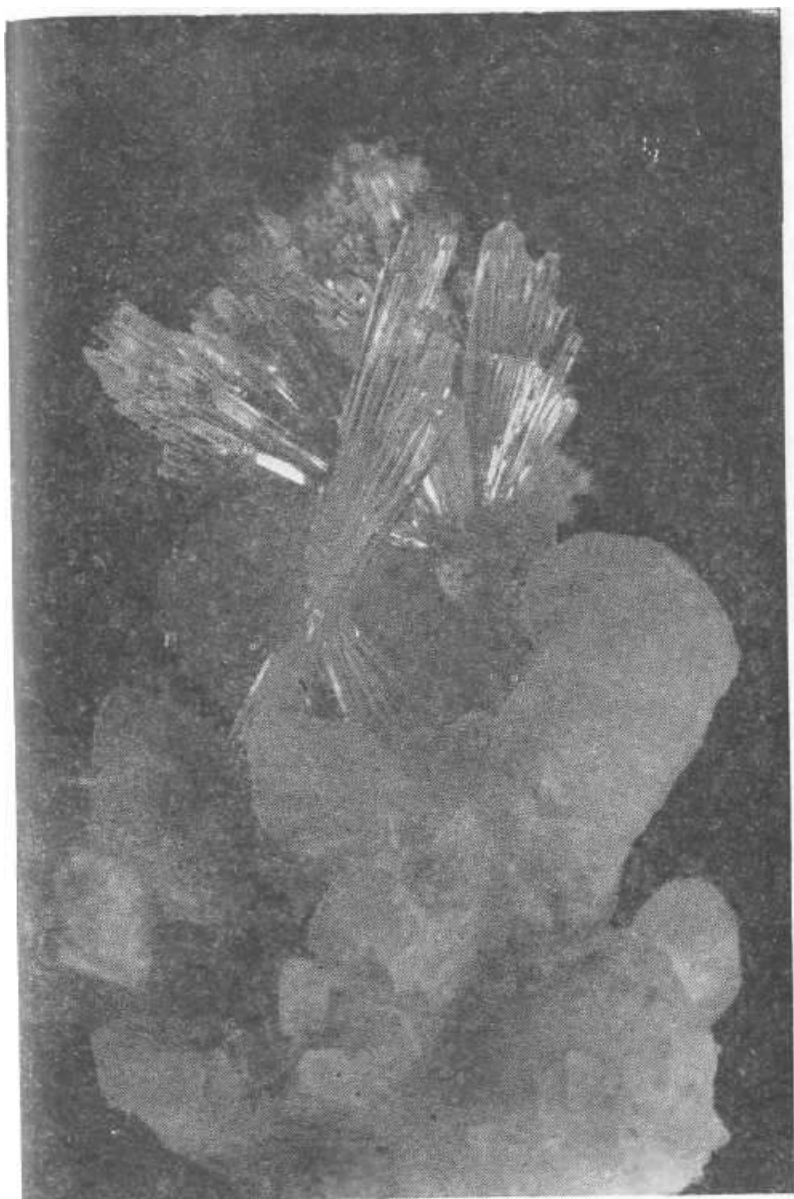
В пещере я с волнением следил за выражением лица Венковича и его знакомой. Я был необычайно рад, видя их восхищение и удивление. Все-таки это большое дело, когда простой студент показывает известному спелеологу, и даже больше - заместителю директора Государственного института геологии, - такую пещеру и тот не находит слов для выражения своего восторга.

- Теперь, ты веришь, Пишта, что перед нами одна из красивейших пещер, образованная горячими источниками?

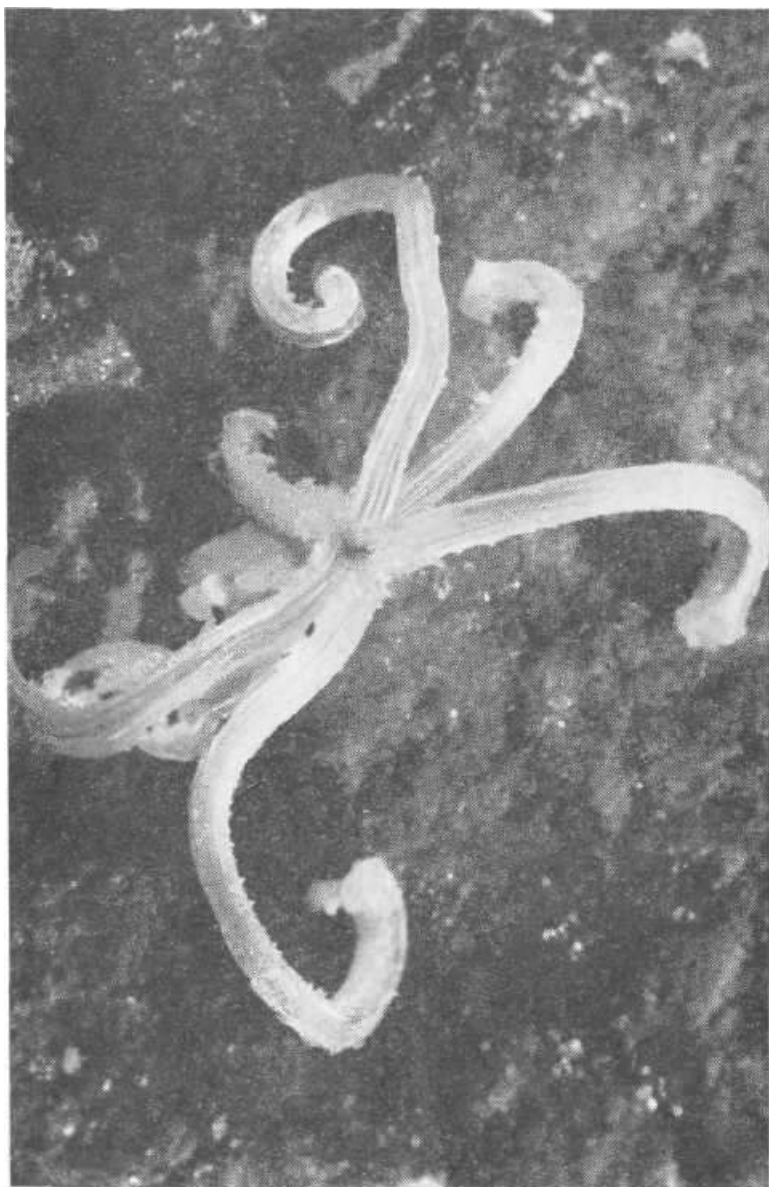
Да, Венкович верил, и, когда, пройдя первые шарообразные пустоты, мы попали в мир чудесных кристаллов, блестящих, как брильянты, его с трудом можно было уговорить идти дальше. Наметанным глазом специалиста он сразу определил, что мы имеем дело с гипсовыми образованиями особой кристаллографической структуры и арагонитовыми иглами. С первого взгляда он узнал в белых, похожих на вату образованиях, покрывающих стены, разновидность кальцита, называемую люблинитом. Я с благоговением слушал его, впитывая новые познания.

- Воды гейзера, образовавшие эту пещеру, очевидно, были сернокислые. Серная кислота, содержащаяся в горячей воде, вступила в реакцию с известняком, образуя на стенах пустот гипс¹⁵. И сначала, наверное, безводный гипс - ангидрит. Присмотрись к штопорообразным белым кристаллам. Сначала это бы ли, вероятно, кристаллы ангидрита, и только позже ангидрит, вступая в реакцию с водой, превратился в кристалл гипса. Последнее преобразование внутренней структуры происходило с увеличением объема; кристалл, набухая, скривился.

Я слушал и, действительно, все больше и полнее представлял себе историю образования пещеры. Когда я первый раз был здесь, то даже не заметил прозрачных, как капля воды, ромбических кристаллов кальцита, перемежающихся с гипсом. По мнению Пишты, возможно, что и твердая порода стала столь мягкой под действием горячей воды, содержавшей серную кислоту. Можно предположить, что она проникла в структуру известняка и там выделялся ангидрит.

Мы имеем дело с гипсовыми образованиями особой кристаллографической структуры и арагонитовыми иглами

Это образование может быть только кристаллом ангидрита

Позже, при образовании из него гипса, увеличение объема разрушало структуру породы, и поэтому так мягок здесь обычно плотный известняк.

- Но все это только предположения, а их необ ходимо еще доказать. Возьмем потом образцы породы со стен и в институте проведем их анализ. Если мои пред положения правильны, то в образцах еще и сейчас мы должны найти гипс.

Так обменивались мы мнениями, впрочем, ни на минуту не переставая восхищаться и удивляться, ибо этим сказочным подземным белоснежным миром нельзя было налюбоваться досыта. В Розовом зале виноградных беседок Пишта, задумавшись, почесал затылок.

- Да, ты прав. Нужно было захватить с собой веревочную лестницу!

- Если братья Вархиди опустились при помощи веревки, то надо и нам попытаться, - начинаю беспокоиться я, боясь, что опять не пойдем дальше. Но Венкович разумен и осторожен. Он не разрешает спускаться по одной веревке в темный колодец неизвестной глубины. Мы с ним чуть не поссорились из-за этого. Я готов был заплакать от чувства своего бессилия. Пишту тоже разье дает любопытство. В конце концов приходим к соглашению: Матильду обяжем вокруг поясицы веревкой и вдвоем опустим ее вниз. Из нас троих она самая легкая, и двое сильных мужчин смогут ее вытащить обратно. Матильда с удовольствием соглашается с таким решением вопроса. Мне нравится смелая молодая женщина.

- О, если бы моя мама все видела! Наверное, закричала бы от испуга и поскорее утащила бы меня отсюда, - говорит она.

Матильду без особого труда опускаем вниз. Отсчитываем метры по веревке, уходящей в колодец. На одиннадцатом де-вушка достигает дна и кричит нам голосом, дрожащим от волнения, что попала в самый рай. Мы с Пиштой около получаса сидим на краю колодца, покусывая от нетерпения губы. Матильда ушла на разведку сказочного Зала каменных цветов.

Все же те удивительные красоты, которые она там видела, нам посмотреть на этот раз не удалось. А чего только стоило поднять Матильду наверх!

Я разговаривал по телефону с Венковичем. Он сообщил радостную весть.

- Мне удалось договориться с директором Института геологии товарищем Салаи, чтобы меня командировали для научного исследования и составления плана пещеры. Тебя могу взять с собой в качестве рабочего, это будет достаточно для того, чтобы покрыть твои расходы по переезду и прочим мелочам. Работа рассчитана на четыре воскресенья. Значит, в следующее воскресенье приступаем! Конечно, мы захватим с собой веревочную лестницу и разные приборы для проведения измерений. Стекланные баночки и коробки с ватой для образцов пород я уже приготовил. В институте все очень заинтересовались нашей пещерой, потому что мы встретились с действительно незаурядным явлением природы. Открывателем пещеры будет считаться тот, кто проведет ее научное исследование. Но мы сделаем так, чтобы и ты принял участие в публикации материалов. Таким образом, всем будет ясно, что не я один имею отношение к пещере горы Штражахедь.

Я был страшно рад, ведь все идет как по маслу! Да, еще вдобавок ко всему иметь возможность написать реферат об образовании пещеры. Как счастлива будет моя мать, когда увидит в печати научную работу сына! Не зря шагал я голодным от Будапешта до Дорога. А Пишта Венкович - настоящий друг!

Самая красивая часть пещеры действительно нижняя - Зал каменных цветов. После спуска через одиннадцатиметровый главный камин мы измерили этот наибольший зал пещеры. Длина его тридцать четыре метра, ширина - двадцать семь, а высота меняется от двух до шести метров.

Пришли к выводу, что здесь была горизонтальная расселина, полость которой под влиянием выщелачивающего действия термальной воды расширилась и изменила свой вид.

Покоря великолепием и разнообразием форм, в этом зале царствует гипс: вытянулись от пола до потолка имеющие несколько метров в поперечнике, сверкающие белизной натечные гипсовые колонны и гипсовые деревья; стоят

друг подле друга у главного камина три восьмиметровых арагонитовых столба; серебрятся покрытые двадцатисантиметровым слоем кристаллов арагонита и гипса стены, пол и потолок. Тут виднеются заросли извивающихся штопором гипсовых прутиков, там - сверкающие, подобно брильянтам, и напоминающие ежой скопления кристаллов арагонита. Измеряем самую длинную кристаллическую иглу: семьдесят сантиметров. Настоящая рапира. Все блестит, и при каждом движении карбидной лампы играют всеми цветами радуги мириады кристаллов. В одном месте на свешивающемся с потолка гипсовом занавесе можно, как на золотых звоночках, выстукивать целые мелодии. Сказочная картина!

Только спустя несколько часов приступаем к работе по составлению плана. В этом нам помогают пришедшие братья Вархиди. А помощь очень нужна, ведь необходимо провести измерения даже самых мелких деталей: направления скатов, углов возвышения пола и все время меняющихся сечений. Блокноты заполняются тысячами цифровых данных, и в лихорадочной работе мы не замечаем, что наше время истекло и нужно бежать к поезду.

Расстаемся с братьями Вархиди с тем, что они общими силами дорожных любителей природы приделают к входу пещеры крепкую железную дверь, ограждающую сокровище от посторонних лиц.

- На следующей неделе привезем к пещере крепкую, в два сантиметра толщины, стальную дверь от дота и хорошо зацементируем ее, - сложив руки рупором, кричит нам вдогонку Руди, когда из окон уходящего поезда мы машем им на прощание платками.

* * *

К 6 октября план был готов. Вернее, были проведены необходимые для его составления топографические работы. Вычерчивание самого плана и перенесение на нее цифровых данных можно уже делать сидя за письменным столом.

Братья Вархиди собрали из молодежи Дорога целую гвардию, которая с воодушевлением охраняла пещеру. Забетонировали закрывающую ее стальную дверь. Это было нелегкое дело! Дверь, которая весила два центнера, необходимо было установить в том месте пещеры, где один-единственный камин соединяет все ходы верхнего лабиринта. Но они сделали здесь настолько массивные ворота, что мы были совершенно спокойны: их не разломают.

Установка двери была работой, которую невозможно оценить никакими денежными вознаграждениями. Только подлинная любовь к природе своего края придавала молодым энтузиастам силы и выдержку для такого труда!

Слава о сказочной гипсовой пещере распространилась с быстротой молнии. Почти все наши специалисты побывали здесь, чтобы своими глазами посмотреть эти уникальные пустоты. Однако ни они, ни многочисленные местные жители не

могли удержаться, чтобы не взять с собой что-нибудь на память. Каждый раз мы замечали или нам с прискорбием сообщали братья Вархиди о новых опустошениях и пропажах.

Стальная дверь была сделана очень вовремя!

* * *

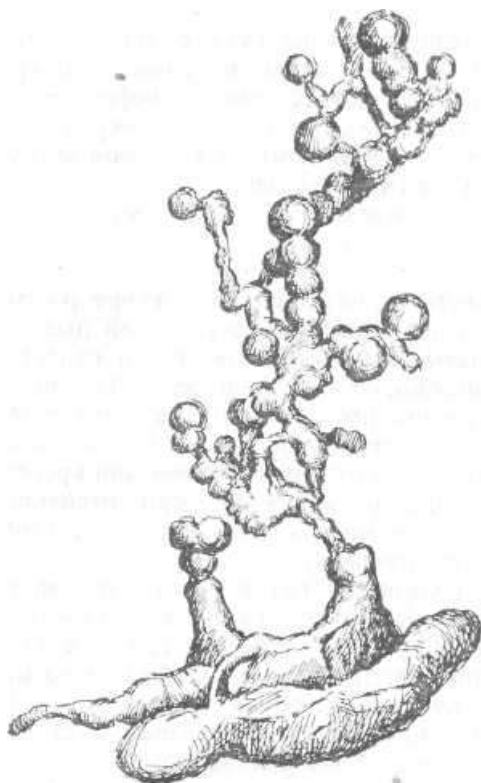
К концу ноября мы закончили вычерчивание плана. Это оказалось делом не особенно простым. Трудность задачи заключалась в изображении расположенных по всем трем измерениям разветвленных лабиринтов.

И что вы думаете - и ее взломали! Взорвали ручными гранатами.

Из-за неимоверной путаницы линий схема пещеры в Шаторкепуста стала походить на выкройку.

- 1 - Проекция каминов; 2 - Открытые участки пещеры; 3 - Гипсовые или арагонитовые столбы; 4 - Разность уровней между двумя поверхностями
(рис. автора)

Гипсовая модель пещеры кристаллов в Шаторкепуста
(рис. автора)

Камины и ходы мы могли изобразить в проекции только так, что линии, обозначающие их различные уровни, пересекались, а местами ложились одна на другую. Получалась невероятная путаница, словно выкройка, какую вычерчивает портной. Не прояснилась картина даже тогда, когда линии, обозначающие разные уровни, мы нанесли неодинаковыми цветами. По этому плану мы порой и сами не очень-то уверенно ориентировались. Поэтому я решил во время зимних каникул дома в Дебрецене сделать гипсовую модель всей системы пустот - конечно, с пропорциональным уменьшением. С Венковичем мы договорились о том, что морфологию и историю образования пещеры Суду описывать я, а он займется самыми интересными пустотами пещеры с точки зрения минералогии.

К моему реферату желательно было показать объемные формы пещеры, а что лучше всего это сделать при помощи гипсовой модели и фотоснимков, я узнал от Вертеша.

* * *

В рождественские каникулы квартира моих роди телей в Дебрецене была полна гипсовой пыли, как в свое время комнаты Лаци Вертеша. Но я относился к себе менее критически, чем тогда к нему. Три недели подряд с утра до вечера работал я над изготовлением модели. Сначала сделал основной остов из дерева, потом из проволоки и бумаги столярным клеем прикреплял к нему соответствующих размеров и форм отдельные детали. Гипсом покрывал модель только сверху, чтобы сделать ровной ее поверхность.

Какими полезными оказались сейчас данные многочисленных измерений ее различных участков! Модель была готова. Странное ветвистое гипсовое чудо высотой в сто девяносто сантиметров заполнило всю мою маленькую комнатку. Уменьшенные в двенадцать раз стояли передо мной знакомые шарообразные пустоты, широкие камины, Зал каменных цветов.

В двухстах шестидесяти километрах от горы Штражахедь - точная копия пещеры Шаторкепуста; пока это мой первый значительный труд.

НАВОДНЕНИЕ В БАРАДЛЕ

Это случилось 15 марта 1947 года. До сих пор считаю его самым ужасным днем в моей жизни.

С Изабеллой и антропологом Яношем Немешкери, очень интересующимся костями первобытного человека, мы отправились из Йошвафе в пещеру Аггтелек¹⁶. Параллельно с прогулкой по пещере мы намеревались также провести некоторые ее исследования. Было разрешено спуститься с нами в подземелье девятилетнему Ечи и тринадцатилетней Клари. Впрочем, они чувствовали себя в пещере как дома, да и не мудрено ведь их отец, Лайош Ревес, был ее директором.

Итак, впятером мы отправились в семикилометровую подземную экспедицию При нормальных условиях такое путешествие под громадными скалистыми сводами пещеры Барадла обычно длилось пять часов.

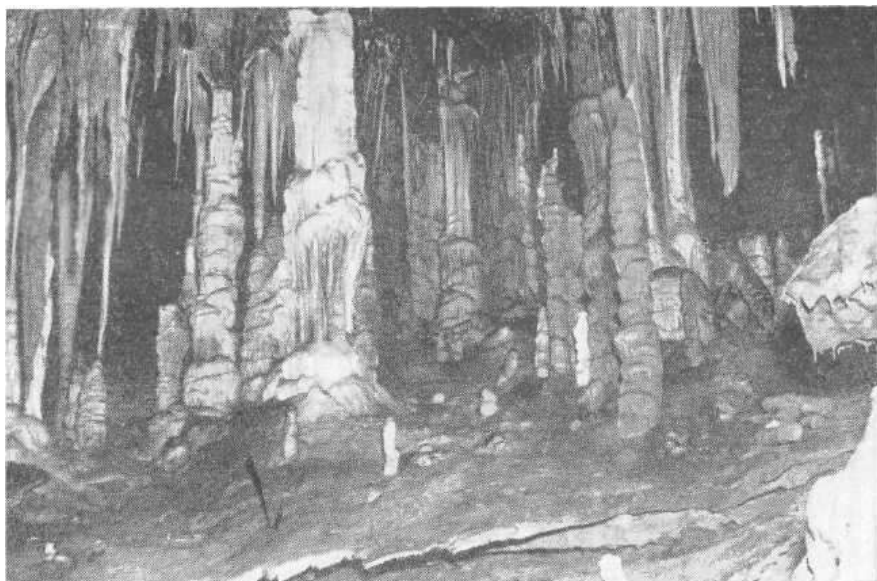
Мы двинулись в 9 часов утра. Землю еще покрывал толстый, сантиметров в пятнадцать слой снега. Перед выходом Немешкери тщательно измерил температуру воздуха. Я думаю, просто по привычке.

- Минус четыре градуса, - заявил он и стал упаковывать свой маленький термометр в вещевой мешок. Я еще сказал ему тогда, чтобы он не измерял температуру на солнце, так как результат будет неправильный.

- Не пригревает еще солнце утром, да в марте оно вообще мало влияет на ртутный столбик, - последовал его оптимистический ответ. В руках у нас три лампы: две карбидные и большая газонакальная, на бензине. С грохотом закрываются за нами толстые бревенчатые двери пещеры.

Идем по громадной темной пещере не спеша, разговариваем. Мы в мире тьмы и безмолвия. Нескончаемые коридоры, наступающие на нас спереди, сзади, и вызывающие гнетущее чувство мрачные и таинственные залы. Эти подземные пустоты с "фонтонами"-сталактитами поражают своими гигантскими размерами. Они словно плачут, и капли воды падают с потолка, как маленькие алмазы, сверкнут в пространстве и рассыпаются. Как образовалась Аггтелекская пещера, мне непонятно, но не думаю, что она результат действия термальных вод. Ведь нигде не видно ни шарообразных ниш, ни гипсовых кристаллов, ни арагонитовых роз. Разве могли создать ее те попавшие сюда несколько капель воды, которые на моих глазах лепят сталактиты. Нет, невозможно. Видимо, давно, еще в ледниковом периоде, бурные потоки несли свои воды к неведомым целям сквозь эти просторные тоннели. Только они могли быть ваятелями такой сводчатой долины, о чем свидетельствует и изобилие гальки в русле бывшей реки. Ну и жизнь была здесь, наверное, в то время! Не очень-то приятная! А если бы нам пришлось изучать пещеры во время таяния ледников, когда несутся с гор в каменные пустоты потоки растаявшего снега!

Мы дошли до бокового тоннеля пещеры, ведущего к выходу от Красного озера, и решили сделать привал.

Эти подземные пустоты с "фонтонами"-сталактитами поражают своими гигантскими размерами

У входа в тоннель стояла покрытая плесенью одинокая скамейка, пригодная как раз для того, чтобы разложить на ней еду. Кушали с большим аппетитом, ведь прошло больше двух часов, как мы простились с внешним миром. Кончив трапезу, мы двинулись дальше. Клари Ревес уже немножечко надоела экскурсия. Лучше было бы ей остаться дома, тринадцатилетнюю девочку не волнуют вопросы, о которых мы ведем с Немешкери "ученый" спор. Но Изабелла, ставшая в последнее время верной спутницей моих поисков, с интересом следит за рассуждениями Яноша. Конечно, попутно мы не забываем любоваться прекрасными сталактитами. Фантастические формы и придуманные игрой воображения их меткие наименования: "Гати"¹⁷ Шандора Рожи", "Хижина негра", "Шлем Минервы", "Булава", "Сто сборок на юбке" и так далее одно за другим.

Около "Упавшего столба прошлого" мы остановились немного отдохнуть. Ствол сталактита лежал погребенным в гальке. Древние потоки выломали его где-то и принесли сюда. Стоим, смотрим на дело рук разбушевавшейся когда-то стихии. Вдруг пещера заговорила. Да, именно заговорила!

Первый ее звук - словно вздох. По мнению Ечи, это гудит ветер или гуляет сквозняк. Странно, до сих пор мы ничего не замечали.

Гул не утихает. Он усиливается, становится все слышней, уже можно различить, что он приближается со стороны Аггтелека, куда мы идем. Воздух как будто дрожит. Густой рой летучих мышей с писком пролетает над нами. Пламя карбидных ламп начинает беспокойно плясать. Похолодало. Нас начинает знобить. Гул переходит в завывание. Все звуки представлены в нем: от высокого "ля" до низкого "до". Словно мы слышим шум приближающегося поезда. Даже дух захватывает. Беспомощно останавливаемся, устремив взгляды в темноту, но ничего не видно. Может быть, где-то обрушивается пещера?

Земля дрожит. Даже не дрожит, а трясется, как и мы сами. Звуковой ураган неистовствует все сильнее, все безумнее. Он словно раскаты грома, и нам кажется, что видим вспышки молнии. Стены скал как бы подхватывают и вторят гневу титана. Ечи заплакал и порывается бежать. Клари стоит, широко раскрыв глаза, не в состоянии произнести ни звука.

Пенистый вал - это олицетворение смерти - уже метрах в двадцати от нас

Во мне в эту минуту все замерло. Хватаю за руку Изабеллу, и что есть сил все бежим обратно в направлении к Йошвафе. Вздывается метровой высоты пенящийся вал и, грохоча, с диким ревом устремляется вслед за нами. Мы бежим как безумные. Дети громко плачут, они не могут выдержать темп бега. Да и мы выбились из сил. Мощный поток воды двигается быстро. Пенистый вал - это олицетворение смерти - уже метрах в двадцати от нас покрывает все выступы, скамейки и мостки пещеры. Нет другого спасения, как на что-то взобраться. Но на что? Только трехметровый остроконечный известковый монолит возвышается посредине русла. Размышлять некогда. Бросаемся к нему.

Завывая, пенится грязный поток. Вот он уже в десяти метрах. Ечи падает. Разбиваю о сталагмит фонарь. Хватаю мальчика и подбрасываю его на монолит. Ему удастся удержаться. Янош помогает Клари, Изабелла справляется сама. Наверху нет больше места, там и троим тесно. Напрасно стараюсь подняться выше, ноги соскальзывают. Немешкери пытается взобраться на еще более неудачном месте. Спасения нет! С ревом вздымающаяся волна обрушивается на нас.

Спасения нет! С ревом вздымающаяся волна обрушивается на нас

Пальцы судорожно цепляются за скалу. В следующую минуту вода попадает в рот, еще мгновение и захлестывает с головой... Меня беспощадно всасывает леденящий ад...

Лайош Ревес, директор пещеры, - человек сильный и закаленный с мужественным лицом и суровым выражением глаз.

Поцеловав на прощание своих милых ребят и закрыв за ушедшей группой ворота пещеры, он вспомнил, что еще не завтракал, и поспешил домой. Жена встретила его без улыбки.

— Как ты можешь быть таким легкомысленным, Лайош! Разве можно было отпускать Ечи! Ведь ты хорошо знаешь, что вечером у него была температура.

— По-твоему, лучше, если бы он весь день возился в снегу? - возразил муж.

Но в этом он был неправ, хотя бы потому, что весь снег к обеду растаял.

Около десяти часов с юго-запада пришли необычные для марта свинцовые дождевые тучи. Начался весенний проливной дождь. Сквозь его густую завесу не было видно дальше пятидесяти-шестидесяти метров. Снег сначала осел, а потом превратился в грязное месиво. Скоро повсюду зажурчали ручьи. Ливень длился полтора часа, но так, словно это было в тропиках. Снег как рукой сняло. А к 12 часам уже и солнце выглянуло из-за туч. Зима кончилась, пришла весна.

Когда Ревес вышел во двор полюбоваться пришедшей весной, ручейки журчали лишь на дне глубоких овражков, вырытых буквально за какие-то минуты потоками бегущей воды. Сразу стало настолько тепло, что он даже шапку не надел. Неожиданный ранний дождь и быстрое таяние снега принесли немало бед. На шоссе местами не было видно асфальта от толстого слоя ила, нанесенного со склонов гор. Ревес решил посмотреть, набухли ли почки на кустах. Притянув к себе ветку сирени, он смахнул рукой с ее коричневой коры блестящие капли воды, и в эту минуту он вдруг услышал странный гул.

Было похоже, что в долине начался обвал. Ревес отпустил ветку и прислушался. Звук шел будто бы из-под земли, гудела вся долина Морской Глазок (Тенгерсемвельдь). Ревес понял, что гул, который буквально за несколько секунд перерос в громовой рев, идет от источника. Он стоял перед гостиницей, откуда хорошо виднелось озеро. Онемев от ужаса, наблюдал он за тем, как на его глазах зеленая вода озера за полминуты превратилась в коричневую. Ревесу не была присуща медлительность соображения. Хотя он никогда не видел такого, но все же моментально понял, что это означает.

Источник Йошва берет начало в пещере. Раз он сейчас в течение минуты из ручейка превратился в бурную реку, то значит, в пещере тоже беда. Страшная беда: внезапное наводнение в недрах земли. Подземные воды могут иногда полностью заполнить пустоты гор. Вдруг мелькнула мысль: в Югославии во время наводнений в пещере Шкоцияни уровень воды поднимается на восемьдесят метров. Это воды Реки. А дети его в пещере... Они пошли с Якучем посмотреть большой канал для отвода воды.

Каким спокойным и хладнокровным ни был Ревес, сейчас он обезумев побежал домой. Схватил лампу и, ни словом не ответив на испуганный взгляд жены, помчался к пещере. Жена еще не знает о случившемся, но материнское сердце предчувствует несчастье. Полная отчаяния, она закричала вслед мужу:

- Лайош, куда бежишь? О боже, что произошло!?

Ей никто не ответил, собственно, некому было отвечать. Ревес уже исчез в пещере.

Что может думать в таких случаях мать? Вот и она слышит, вот и она видит подножие горы, с ревом извергающее из себя пенящуюся реку.

Ревес стремглав побежал вниз. Ему не хватало воздуха, он почти задышался. Воды нигде не видно, он спускался все ниже и ниже. Только в Зале великанов он услышал гул.

По ступенькам вбежал в коридор, по которому должны были идти его дети. Оттуда доносился мощный рев от большого понора. И здесь Ревес остановился. Огромный коридор был до половины заполнен шумящей, бешено крутящейся водой. А все новые и новые массы этого коричневого потока мчатся вниз, где огромная шестиметровая воронка проглатывает их в свой гигантский желудок. Ревес в ужасе. Здесь уж ничем нельзя помочь. Когда бушует стихия, спасайся, человек! Ты - ничтожная букашка! Спасайся, как можешь! Беги по крайней мере отсюда сам! Если хватит сил, если хватит времени...

* * *

Руками все еще судорожно держусь за скалу. Вода не отнесла меня, а только накрыла. Изабелла, нагнувшись, хватается за волосы. Лишь с ее помощью я наконец взбираюсь на монолит. Янош Немешкери тоже наверху. Наш маленький островок лишь на метр поднимается из-под воды. Его поверхности хватает для троих, причем, если они не будут шевелиться. Я стою по колено в воде на боковом выступе. Немешкери с трудом удерживается, вцепившись в ребят. У нас осталось две лампы, обе карбидные. Уровень воды все повышается. В мерцающем тусклом свете, лишь едва рассеивающем густой мрак, жутко смотреть на kloкочущий грязный поток, который увлекает за собой гнилые бревна и желтые клочья пены.

Кажется, не вода несется, а мы летим в маленькой лодке против течения!

Но "лодка" наша тонет! Вода поднимается все выше и выше. Теперь я уже стою в ней по бедра. Она с ожесточением бьет по ногам, еще немного - и я рухну вниз. В мокрой одежде замерз настолько, что зуб на зуб не попадает. Но вот гул воды как будто немного утихает. Теперь уже слышу, как плачут дети. Время от времени слышатся удары по скале - это, очевидно, перекатываются по дну каменные глыбы. Да, неистовый шум воды постепенно стихает. Яростное клокотание сменяется спокойными всплесками. Теперь она словно мурлычет. Все разборчивее слышится еще одна мелодия: тихое потрескивание на дне - это движется галька, издавая скрипучие и глухие звуки, словно под водой работает камнедробилка. Вода строит, расширяет коридор. Тысячи зубил вгрызаются в стены. Сейчас я понимаю, как образовались эти огромные пустоты. Воды наводнений миллионами лет выдалбливали здесь, в недрах горы, свое русло.

Приблизительно полчаса я еще в состоянии сопротивляться ледяной реке. Постепенно теряю силы. Вода все прибывает: уже доходит до пояса. Скалу целиком захлестывает волной. Дети теперь не плачут. Не двигаясь, в каком-то оцепенении смотрят они в лицо смерти - желтому потоку, kloкочущему у их ног. Я больше не в состоянии держаться на выступе. Заявляю: с одной лампой спущусь в воду и попытаюсь вплавь выбраться из пещеры.

Я понимал, на что иду. С маленькой лампой в руках, еле излучающей мерцающий свет, проплыть три километра в двух-трехградусной воде этой бурной с водоворотами подземной реки - равносильно верной смерти. Но погибнуть там, пожалуй, лучше, чем обречь себя на медленную и мучительную смерть здесь, на скале. Не-мешкери изъявляет желание плыть вместе со мной, он тоже не может стоять без движения в промокшей одежде и дрожать от холода.

Янош плавает хорошо, да и я не раз переплывал Дунай. Почему бы не попытаться? Утопающий всегда хватается за соломинку. Изабелла должна остаться с детьми. Мы оставим им одну лампу. Она умеет плавать, но дети нет. Сердце разрывается глядя на них. Мы впадаем в отчаяние, нервничаем, и от этого нам кажется, что воды вокруг нас больше, чем на самом деле.

Мы с Яношем спускаемся одновременно. Единственная сухая коробка спичек находится у меня под шапкой. В ледяном потоке даже плыть не надо, только лежать на спине и держать лампу. Поток сам несет нас по темному коридору.

Интересно, чувствую себя лучше, чем ожидал. Оглядываясь назад. Три человеческие фигурки быстро удаляются. Через десять секунд уже их не различаю, вижу только маленькую светящуюся точку, танцующую на воде, тонкий золотистый мостик. Как на озере Балатон во время заката солнца.

Обо что-то больно ударяюсь ногами. Переворачиваюсь - скала. Вода захлестывает с головой. Из всех сил работаю ногами в ледяном месиве, чтобы всплыть на поверхность. Но пока это мне удалось, спички промокли, а лампа, конечно, погасла. В непроглядной темноте поток несет меня дальше, неизвестно куда, к чему. Немешкери где-то рядом, слышу его жалобные причитания:

- О господи милосердный!.. до чего дожил... отец троих детей... как крыса... как утопающая жалкая крыса... помогите! Ой... крыса...

Пытаюсь перекричать его полусумасшедшие стоны.

- Янош, плыви вправо, мы должны выбраться из воды! Вон там можно! Там есть карниз!

Да, тогда еще был, когда я видел. Но как далеко были мы уже от него! Вода со скоростью примерно пятнадцать километров в час мчала свои беспомощные жертвы. Черные невидимые водовороты то захлестывают нас, прибивают к скалам, то выбрасывают снова на поверхность. Перед глазами танцуют желтые круги. Хочется откашляться, но не могу. Словно клещами сжимает горло. Стучит в висках, голова чуть не раскалывается, гудит, как перегретый паровой котел. Я захлебываюсь, становится ясно, что дальше уже ничего нет, что это конец...

И вдруг под ногами чувствую почву. Ноги вязнут в глинистом дне какого-то островка. Водой прибило ко мне Немешкери. Мы причалили. Снова заработал инстинкт самосохранения. Ногтями, зубами цепляемся за землю, всеми силами стараясь выбраться из воды.

Вот и стоим. Тянусь за спичками, но вся коробка разлезлась. Все кончено. Мы пропали в этом воющем черном аду.

Дрожим так, что только зубы стучат. Произносить членораздельные звуки не в состоянии. Резкие судороги ежеминутно сковывают все тело.

* * *

Понимая свое бессилие, Лайош Ревес вернулся на поверхность и побежал в село Аггтелек, находящееся в семи километрах. Он хотел пробраться к нам с другого конца пещеры. Вода текла от Аггтелека к Йошвафе. А если попытаться на лодке? Течение понесет ее в нужном направлении. Долго пришлось ему искать, пока нашелся смельчак, согласившийся за хорошую плату и за литр рому предпринять опасную для жизни спасательную экспедицию. К этому времени вода немного спала.

Они отправились в путь на старой, но крепкой дубовой лодке, которая хранилась в пещере. В некоторых местах, например у Мореахедь и у Железных ворот, лодка застревала среди нагромождений каменных глыб. Тогда приходилось перетаскивать ее на себе. Ревес очень опасался водопада Турецкой бани и Трудной дороги. Здесь даже самая крепкая лодка могла не выдержать разломаться и затонуть. Поэтому Ревес вылез из лодки и побежал вперед по верхнему коридору Дороги Мюнниха, сквозь Гору Либанон к нижнему концу Трудной дороги.

Они договорились, что его товарищ пустит лодку порожняком через участок опасных порогов приблизительно к тому времени, когда Ревес успеет обойти эти места и подойти туда, где подземная река снова течет широко и спокойно.

Все вышло так, как они рассчитали. Идущую порожняком лодку Лайошу удалось поймать при помощи длинной палки с крючком у Трудной дороги. Скоро ушедший вслед за ним товарищ догнал его, и они снова могли продолжать свой опасный путь по воде.

Грести не было надобности, и так слишком быстро неслись они среди остроконечных сталагмитов. А управлять лодкой необходимо было только при приближении торчащих из-под воды огромных скал, чтобы не разбиться о них. Эту работу всю дорогу проделывал Ревес, пока его товарищ вычерпывал засаленной шляпой воду из лодки, которую все-таки пробило.

Грести не было надобности, и так слишком быстро неслись они среди остро-
конечных сталагмитов

Наконец они достигли на своем необузданном "коне" монолита, где в полной темноте, тесно прижавшись друг к другу, стояли связанные шарфом дети: тринадцатилетняя Клари и девятилетний Ечи. Ревес направил лодку к маленькому скалистому острову и одним движением втащил в нее своих полуживых ребят. Изабеллы и карбидной лампы там не было.

Несколькими часами раньше она спустилась в воду, заметив, что наша лампа погасла и нас увлек в темноту подземный поток.

Да, Изабелла, увидев, что с нами случилась беда, без единой спички отправилась вслед.

С тех пор прошло тридцать часов. Мы все уже немного отдохнули, не так ноют ушибы, нанесенные острыми подводными скалами.

Сейчас мы сидим на кровати в моей теплой уютной комнате. Изабелла всех заразила своим молодым задором, когда, сверкнув глазами и встряхнув копной густых волос, смеясь, сказала:

- Почему я должна была бояться? Если бы вы погибли, нам бы тоже не спастись Откуда я могла знать, до каких пор будет длиться наводнение? Ведь нужно было выбраться на поверхность и сообщить о бедствии! Что Ревес сам заметит и отправится на помощь, этого я не могла даже предполагать. Я думала, если догоню вас и от моей лампы зажжем и вашу, то с двумя лампами безопаснее плыть дальше. Если одна потухнет, будет гореть другая. Разве я не была права?

Да, она была права. Изабелла поступила правильно. Только она забыла подумать о том, что случится, если ее лампа потухнет раньше, чем она нас догонит? Или она и это учла и все же пошла за нами. Освещая себе путь, мы, наконец, добрались до знакомой скамейки, от которой шел тоннель к выходу близ Красного озера (Вереште). Отсюда нам уже не составляло трудности выбраться по ступенькам на поверхность.

* * *

Я никогда не забуду, как испугался старик крестьянин, встретившийся нам вечером на берегу Красного озера Увидев окровавленных, грязных, в мокрой разорванной одежде людей, он так гаркнул на своих кляч, что те сразу пустились галопом.

Подобное зрелище, наверное, даже выдавшим виды и имевшим крепкие нервы жителям Аггтелека было непривычным.

Я РАБОТАЮ НАД РЕФЕРАТОМ ПО СПЕЛЕОЛОГИИ

Со времени моих первых экспедиций и знакомства с миром пещер прошло много лет. И вот теперь, уже более зрело, но с такой же любовью, подходя к милым моему сердцу подземным пустотам, я решил рассказать о своих наблюдениях широкому кругу читателей.

Мне казалось, что в спелеологии нет вопроса более важного, чем классификация пещер. Да и их образование тоже проблема не менее значительная. Но по этим вопросам литературы на венгерском языке я еще не встречал. Так я приступил к работе и долгие месяцы мучился над своим любимым детищем. Однако закончить этот большой реферат мне так и не удалось, потому что меня постоянно отвлекали. С разрешения читателя я привожу здесь небольшие отрывки из этого незаконченного труда - реферата "Об образовании пещер".

Пещерами называются все образованные естественным путем каменные пустоты, размеры которых достаточны для того, чтобы в них мог продвигаться человек.

Понятие "пещера" объединяет самые различные пустоты, то есть мы должны рассматривать как пещеру и скальную нишу длиной в пять-шесть метров, и Мамонтову пещеру, тоннели которой, говорят, составляют двухсоткилометровую подземную сеть. Однако никак нельзя назвать пещерой пустоты, созданные руками человека, даже если по своим формам и расположению они совершенно пещерообразны. Я имею в виду огромные подземные залы соляных копей (Фертеракош) и известняковых карьеров или весьма распространенные по всему земному шару подземные жилища, вырытые в земле или в лёссе. Эти лёссовые пещерные жилища, особенно распространенные в Китае, так же далеки от естественных пещер, как, например, далеки от них наши токайские винные погреба. Хотя несомненно последние могут привести не случайно попавшего в них спелеолога в столь же приятное расположение духа, как и настоящая сталактитовая пещера.

В мире очень много различных пещер Поэтому появилась необходимость их каким-то образом классифицировать. Некоторые ученые при классификации брали за основу только размеры пустот и поэтому говорили о норах барсука, чертовых дырах, пещерах, каналах и о тоннелях.

Другие принимали во внимание только породы, в которых они образовались: появились названия базальтовых, гранитных, доломитовых, гипсовых и карстовых (известняковых) пещер¹⁸. Третьи руководствовались формами пещер и создали понятия: каменная ниша, естественная шахта, пещера-понор и пещера с источником.

Каждая из этих классификаций по-своему правильна, но, исходя из них, мы, в сущности, получаем о пещерах лишь одностороннее представление.

Более разумно систематизировать пещеры на основе способа их образования. Мысли о такой систематизации появились не у меня. Теперь почти каждый спелеолог придерживается этой точки зрения.

Самые большие и известные пещеры земного шара относятся к числу так называемых карстовых явлений известняковых гор и образовались в основном из-за выщелачивания породы водами подземных ручьев и рек. Но имеется очень много пещер, возникших иначе. Например, нередко пещеры, образование которых проходило параллельно с образованием пород, в которых они находятся.

Пустоты в породе, если они достаточно велики для того, чтобы подойти под понятие пещеры, мы называем первичными пустотами или первичными пещерами. К ним относятся так называемые кристаллические камеры (вулканические пузыри), пещеры в лавовой коре, некоторые из пещер в известковых туфах и пустоты в коралловых рифах. Ознакомимся подробнее с ними.

Ученые заметили, что лавовые потоки, извергаемые некоторыми вулканами, содержат в себе исключительно большое количество газов. Эти газы до тех пор, пока лава не вытекла на поверхность и не начала остывать, удерживаются ею. Газы, содержащиеся в магме и находящиеся в глубоких недрах земли под огромным давлением, как только магма вырывается на поверхность, стараются освободиться из ее пут. Этим объясняется, почему в кратерах некоторых действующих вулканов огненно-жидкая лава в буквальном смысле слова "кипит". Иногда "кипение" бывает настолько сильным, что газы, удаляющиеся из клокочущего потока лавы, захватывают с собой и жидкую лавовую массу, которая, охлаждаясь в воздухе, образует капли, иглы или тончайшие, зачастую сплетенные нити, похожие на капли дождя или волосинки.

Иногда занесенные ветрами довольно далеко, они выпадают на землю в твердом состоянии. На Гавайских островах знаменитое Гилемаумау - озеро кипящей лавы в кратере вулкана Килауэа - до сих пор разбрасывает такие капли. Местные жители называют их слезами богини Пэле.

Часты случаи, когда лава, извергающаяся на поверхность, представляет собой не жидкую, легко растекающуюся массу, а вязкую тестообразную. Из этой лавы газы не в состоянии так легко удалиться, как из лавы Гилемаумау. Лава вспучивается, и газы остаются "запертыми" внутри затвердевшей породы.

Если в породе много мелких газовых пузырей, то она по своей структуре напоминает губку и может стать настолько легкой, что не тонет в воде. Такую пузыристую затвердевшую лаву называют пемзой, и ее успешно применяют в хозяйстве для чистки различных изделий. Иногда мелкие пузырьки газа, скапливаясь в одном месте, оставляют в застывшей лаве шарообразные пустоты, величиной с комнату. На стенках этих пустот - кристаллических камер - из затвердевшей лавы образуются кристаллические иглы, бывающие иногда больших размеров и исключительной красоты. Собиратели минералов, которым удается найти подобный образец, совершенно вправе гордятся им.

Эти "дворцы" не имеют никакого сообщения с поверхностью. Известны из них очень немногие, да и те открыты случайно, главным образом во время работ в каменоломнях. Сколько еще по всему свету таких замечательных "спящих красавиц" ждет, когда придет принц-человек и увидит их в царстве тьмы!

В вязких потоках лавы образуются и так называемые лавовые каналы. Извергающаяся из кратера лава, стекая по склонам вулкана, образует настоящую реку - лавовый поток, текущий очень медленно. Иногда для его продвижения на один километр требуется несколько дней. Обычно он не продвигается дальше нескольких километров, создавая длинную реку с выпуклой поверхностью, похожей на спекшийся шлак, которая затвердевает настолько быстро, что человек может спокойно по ней расхаживать, в то время как под ним движется поток магмы. Многие трещины в коре светятся красным светом: это виднеется еще не остывшая огненно-жидкая масса.

Вокруг лавового потока создается кора - своеобразная броня, которая со временем постепенно утолщается. В период покоя она затвердевает, и новые извержения не в состоянии привести ее в движение. Но часто она прорывается, и находящаяся внутри нее все еще жидкая и горячая масса вытекает. Таким образом может образоваться сводчатый коридор, называемый пещерой лавовой коры (лавовый канал).

Если такой канал пройти до конца - конечно, только после полного его охлаждения, - он производит весьма интересное впечатление. Его черные стены местами покрыты образованиями лавы, напоминающими известковые сталактиты. Теряющийся в темноте овальный полый каменный коридор - не слишком веселое зрелище, особенно когда вспомнишь о том, что в нем можно встретиться с потоком огненно-жидкой лавы, текущей из мрачного неведомого. Некоторые лавовые каналы довольно длинны и достигают нескольких сотен метров. Но образованные так пещеры, к сожалению, очень недолговечны. Иногда их разрушает новый, еще не остывший поток магмы, которая, заполнив пустоты, застывает в них. Бывает также, что потолок таких пустот со временем проваливается, и только корытообразное углубление свидетельствует о когда-то существовавшей пещере.

Об образовании далеко не всех пещер мы можем рассказать с такой уверенностью, как о возникновении пустот лавовых потоков. О первичных известково-туфовых пещерах даже в настоящее время в научном мире существуют самые различные мнения. Это, вероятно, объясняется тем, что таких пещер в мире очень немного, а без возможности достаточного количества сопоставлений их трудно изучать. Но мы в Венгрии находимся в весьма благоприятных условиях, потому что у нас имеется одна из самых больших первичных известково-туфовых пещер мира.

Где? В самом известном месте Бюккских гор - в Лиллафюреде. Посетители знают ее как пещеру Анны или Известково-туфовую пещеру четырех источников. Выходя из нее, они зачастую и понятия не имеют о том, что смогли любоваться редчайшим и удивительнейшим творением природы.

Пещера, образовавшаяся при застывании лавы, и
следы после ее разрушения - лавовая ложбина
(по Шафферу)

Я разговаривал со многими опытными туристами о сталактитовой пещере Иштвана и о пещере Анны, подготовленных для посещения иностранцев. Они обязательно восхищались первой из них, рассказывая о прекрасных сталактитах и огромных залах, но о пещере Анны лишь вскользь замечали: "Ничего особенного". Однако я, не умаляя достоинств пещеры Иштвана, хочу шкалу их оценки повернуть на сто восемьдесят градусов. Осмеливаюсь это сделать потому, что пещер, подобных сталактитовой пещера Иштвана, известно в Европе не меньше двух дюжин, а о пещере, подобной Анне, я еще нигде не читал и не слышал.

Эта пещера не имеет огромных залов, и даже ее сталактитовые образования весьма скромны. Почти все ходы в ней - искусственно выкопанные коридоры, которые связывают отдельные пустоты, не имевшие между собой сообщения. И все же пещера Анны - самый сказочный подземный музей.

Жаль, что экскурсоводы не обращают внимание посетителей как раз на самое интересное в ней¹⁹. Постараемся восполнить этот пробел.

Курортное местечко Лиллафюред расположено на огромном известково-туфовом плато, образовавшемся на стыке двух долин гор Бюкка: долины реки Гарадны и долины реки Синвы. Составляющие его рыхлые известково-туфовые отложения образовывались в течение сотен тысячелетий водопадами Синвы.

Воды Синвы представляют так называемую карстовую воду, исключительно богатую растворенной в ней известью. Такая вода имеет одну особенность: в тех местах, где она почему-то ускоряет свое течение и даже образует водопады, часть из растворимой в ней извести выпадает в осадок. Почему это так? Чтобы вода могла иметь некоторое количество извести в растворенном состоянии, необходимо определенное содержание в ней углекислоты.

В некоторых местах образование известково-туфовых холмов имеет более выраженный характер, чем в Лиллафюреде (колодец Клеопатры в Йеллоустонском парке США)

Оказывается, что поглощенный водой углекислый газ чувствует себя лучше в спокойной воде, так как в тех местах, где вода хоть немного разбрызгивается, например, у порогов или где течение ее вследствие более выпуклого и более покатого русла ускоряется, углекислый газ, хотя и частично, тут же улетучивается. Именно здесь часть растворенной извести и выпадает в виде осадка²⁰.

Выделение извести ускоряется и становится более обильным в том случае, если в воде живут зеленые растения, например мхи. Они, как известно, для своей жизнедеятельности поглощают из окружающей среды много углекислого газа, который при помощи солнечного света превращается частью в кислород, частью в углерод, необходимый для строения растительных клеток. То, что эти зеленые растения от выпадающего на них осадка извести заживо каменеют и гибнут, печально только для них самих.

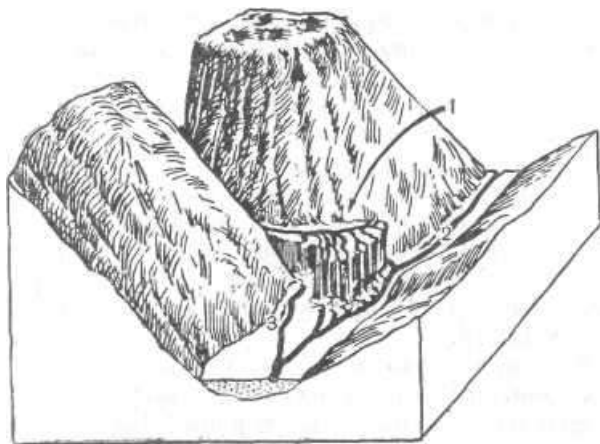
У Лиллафюреда происходило именно это и происходит до сих пор. В долине Синвы ручей еще со времени ледникового периода у своего водопада строил и создал на миллиардах окаменевших зеленых водорослей, на мхах, елках

и травах известково-туфовое плато сорокаметровой высоты - своеобразное хранилище многочисленных и разнообразных представителей растительного мира этой местности.

Ручей Синва продолжает свою работу и в наши дни. У его водопадов мы можем воочию наблюдать, как отчаянно борется за существование обреченная на смерть свежая трава, постепенно покрывающаяся все более толстой известковой коркой.

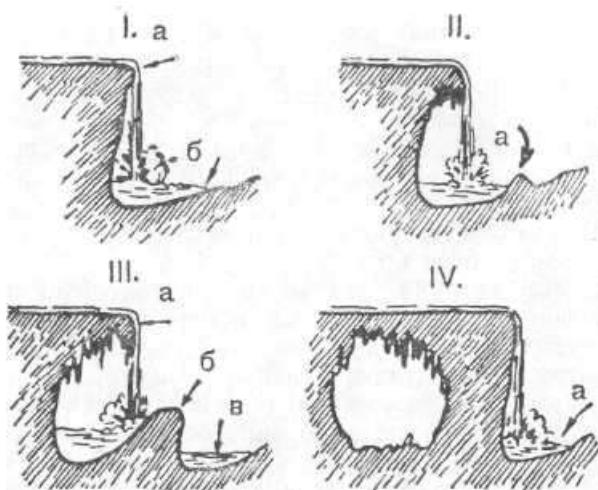
Подобные явления, то есть выпадение осадка в виде известкового туфа из карстовых источников, ручьев или водопадов, известны во многих местах, где протекают карстовые воды. Есть образования туфа гораздо значительнее, чем лиллафюредские, но нигде в них не встречаются такие исключительно интересные пустоты, как в пещере Анны. Образование их можно объяснить особыми условиями откладывания известкового туфа в данной местности.

В обычных условиях выпадающий осадок извести из карстовых вод ручьев строит плато маленьких или больших размеров, фронт и боковые стороны которых имеют красиво выгнутые ступенчатые скаты. Постоянно откладывающаяся известь равномерно наращивает каждую ступень такого известково-туфового холма.

Ручей Синва строил известково-туфовое плато, а Гарадна разрушала его основание.

1 - Лиллафюредское известково-туфовое плато; 2 - Гарадна, 3 - Синва
(рис. автора)

Из извести, выделяемой при стоке Синвы, росла завеса - так возникала новая пустота.

I. а - Синва, б - Гарадна. II. а - известково туфовая плотина; III. а - известково туфовый нарост, б - известково туфовая плотина в - Гарадна IV. а - Гарадна
(рис автора)

Но лиллафюредский известково-туфовый холм не мог развиваться нормально. Ему мешал протекающий у подножия ручей Гарадна, постоянно подмывающий основание холма.

С давних времен шла борьба между двумя ручьями. Ручей Синва строил туфовую плотину, а Гарадна разрушала ее основание. Эта борьба привела к тому, что ручей Синва, падая с нависающей стены, мог откладывать новые массы туфа только в верхнем участке. Так водопады образовали и построили выступающие навесы, с краев которых вода свободно падала в глубину. Падающая и разбрызгивающаяся вода еще более подмывала и без того нависающую стену плато.

Со временем образовавшиеся у подножия водопадов туфовые плотины отвели воды Гарадны от основания плато, но образованные глубокие раны Синва уже не была в состоянии залечить. С краев сводчатого потолка длинными "бородами" свисали корни водяных растений, а также растения, принесенные сюда водой и застрявшие у порога водопада. Стекающая вода постепенно покрывала их известковой оболочкой.

Это происходило до тех пор, пока постоянно нарастающий занавес достигал поднимающейся снизу бассейна туфовой плотины и образовывалась пустота. Рядом с закрывшимися пустотами водопад Синвы создавал новые.

У водопада Синвы и сегодня можно наблюдать процесс непрерывного образования навесов, который мы восстанавливаем только путем изучения пустот в известково-туфовых отложениях. А древние мхи, растения и корни, свисавшие в свое время с краев водопада, окаменев, соткали под сводами пещеры Анны тончайшие кружева, рассказывающие о прошлом земли.

Однако моя гипотеза образования пещер в известковых туфах принимается не всеми учеными. Например, один из наших лучших исследователей карста Хуберт Кесслер объясняет образование первичных пустот в Лил-лафюредском плато по-иному. По его мнению, эти пустоты образовались следующим образом: "Вода, содержащая известь в растворенном состоянии, не выделяет ее в тех местах, где имеется возможность увеличения содержания углекислоты. Такими являются места, где гниют растения или деревья. Процесс распада и гниения происходит с выделением углекислого газа, поэтому гниющие на земле листья и ветки выделяют его в большом количестве. Углекислый газ тяжелее воздуха, следовательно, он стелется по земле; вода, попадающая в такие места поглощает его, препятствуя таким образом выделению извести. Поэтому в глухих болотах попадают участки, где (например, благодаря упавшим друг на друга деревьям или торфу) не будет откладываться известковый туф или, наоборот, где живая растительность будет способствовать выделению извести. Сгнившие части позже исчезнут, вымытые почвенными водами, а на их месте останутся в толстом слое известкового туфа причудливой формы изолированные пустоты".

С мнением Кесслера я могу согласиться только частично. Безусловно, пустоты могут образоваться и вышеупомянутым способом; больше того, в лиллафюредском известковом туфе известно несколько таких маленьких "щелей", например, оставшиеся после распада деревьев прямые "Пушечные стволы". Однако так, как это делает цитируемый автор, нельзя всесторонне и удовлетворительно объяснить образование тех пустот, о которых идет речь.

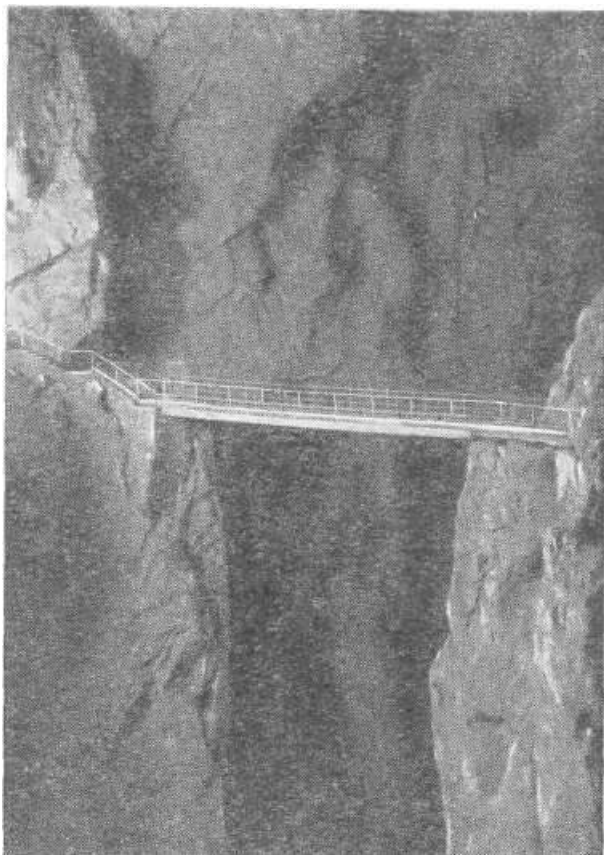
Ведь тогда и в других местах, например в известковых туфах ледникового периода огромной долины Салайка, тоже должны были быть известково-туфовые пещеры. Этот туфовый холм образовался в те же годы, в тот же период, среди такого же девственного леса, из отложений карстовой воды ручья, подобного Синве, и все же он не имеет первичных пустот. Но тогда в конце концов чем можно объяснить в пещере Анны образование "Северного сияния" или "Кружевного занавеса", где тысячи покрытых известью пучков мха совершенно свободно свисают со свода, напоминая бороды?

Эти растения, еще будучи живыми, свисали с образовавшегося тогда свода и остались в том же положении до сегодняшнего дня, в каком жили и окаменели, быть может, сто тысяч лет тому назад. Следов гниения или вымывания сгнивших растений в этих пустотах нет.

Говоря о первичных пустотах, обычно упоминают и о коралловых пещерах. О них я скажу очень мало, ибо в мире пещер они играют совсем незначительную роль. Живущие на дне морей кораллы "строят" из своих известковых отложений "дворцы", вырастающие потом в целые коралловые рифы. В их лабиринтах часто образуются пустоты: интересные, но малоизвестные небольшие пещеры.

Все упомянутые виды первичных пустот, возникшие одновременно с образованием породы, в которой они находятся, - это лишь небольшие пещеры, недостаточно изученные. В противоположность им пещеры, состоящие из пустот, образовавшиеся после возникновения заключающей их породы, то есть из пустот вторичного происхождения, имеют гораздо большее распространение, и среди них находим много пещер довольно значительных размеров. К этой второй основной группе пещер, называемой системой карстовых пещер, относятся вторичные пустоты, вымытые подземными реками в глубине карстовых гор и представляющие собой огромные многокилометровые подземные русла рек. Но раньше чем приступить к рассмотрению карстовых пещер, необходимо еще кратко ознакомиться с некоторыми типами пещер, которые были образованы не работой подземных вод, а другими силами, участвующими в формировании земной коры.

Среди них в первую очередь должны упомянуть о тектонических пещерах. Общеизвестно, что твердая земная кора, особенно в тех местах, где ее образуют мало-пластичные

Эти расселины иногда могут быть шириной в несколько метров, а глубиной и длиной до нескольких сотен метров

породы, как, например, известняк или гранит, вдоль и поперек пересечена маленькими и большими трещинами и расселинами. Эти расселины иногда могут быть шириной в несколько метров, а глубиной и длиной до нескольких сотен метров. Часто они, сливаясь и пересекаясь, образуют сложные лабиринты тектонических пещер. Их создают силы, формирующие твердую земную кору, так называемые горообразовательные или тектонические силы, чаще всего при значительных землетрясениях.

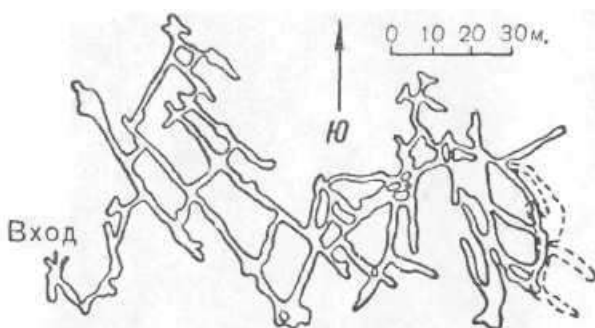

Схема Ференцхедьской пещеры указывает на ее тектоническое происхождение

Такого рода пещеры могут возникать в любой твердой породе, но они наиболее неизменяемы и долговечны в открытой форме только в известняке. Это объясняется тем, что известняк слабо разрушается механически, а нерастворимый остаток настолько незначителен, что попадающие в расселины с поверхности почвенные воды долгое время не закупоривают, не сравнивают расселины. В некоторые наиболее глубокие расселины могут попасть поднимающиеся из глубоких недр земли термальные воды. Под их растворяющим действием тектонические пустоты еще больше расширяются, образуя пещеры термальных вод. Иногда попадающая туда с поверхности холодная вода может значительно изменить вид таких пещер, но и в этих случаях опытный глаз сразу определит их тектоническое происхождение²¹.

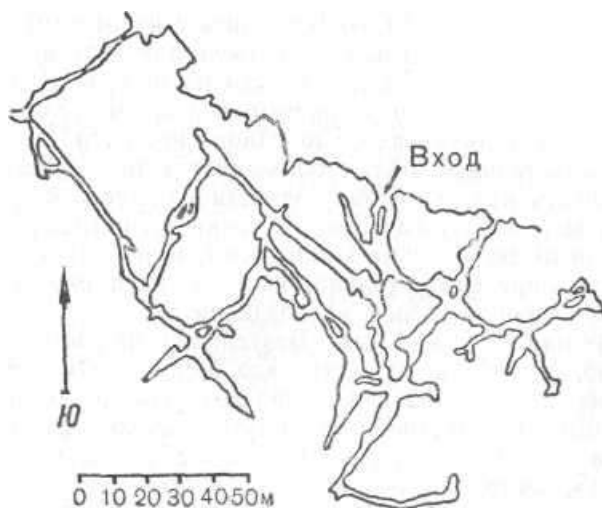
В горах Буды имеется значительное количество систем тектонических пещер, которые были своеобразно расширены термальными водами. Так сложились Ференцхедьская, Семлехедьская, Матяшхедьская и Палвельдская пещеры. Основные направления их решетчатой системы (в горизонтальном сечении) совпадают с главными линиями разломов современного строения гор.

Коридоры типичных тектонических пещер чаще всего представляют собой вертикальные отверстия в горе: узкие, высокие камины. Однако иногда в горизонтально расположенной системе пещер в четко расслоенном известняке вследствие отслоения друг от друга геологических пластов в горизонтальной или почти горизонтальной плоскости возникают низкие, но широкие пустоты.

Эта пустоты производят угнетающее впечатление на исследователя, часто только лежа помещающегося в них и хорошо сознающего опасность положения, потому что чем шире пласт породы, образующей потолок, тем больше опасность обвала.

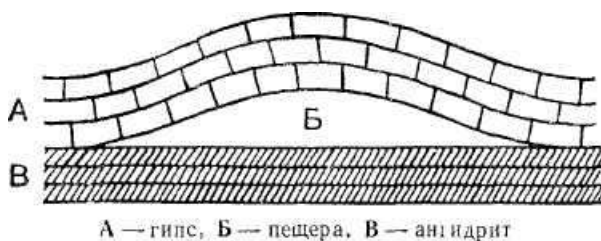
Чтобы наш обзор пещер был по возможности полным, отметим еще два способа образования пустот (подземных).

Оловые гроты, образованные путем выветривания породы, характерны в основном для пустынь. Они и гипсовые пещеры заканчивают более или менее полный перечень вторичных пещер (то есть из пустот вторичного происхождения).

Основные направления схемы Палвельдской пещеры совпадают с главными линиями разломов современного строения гор

Образованные путем выветривания песчаника пустоты совсем незначительны по величине, в то время как подземные гипсовые залы бывают довольно больших размеров. Пещеры такого рода очень интересны. Например, в Германии вблизи Уфтрунгена находится огромная пещера Хеймкеле, а поблизости Захса - пещеры Гномов.

Схема, объясняющая возникновение гипсовой пещеры (по Буллу)

Эти пещеры возникли в результате реакции безводного сернистого кальция с водой, когда, как известно, образуется гипс. С поглощением воды объем породы увеличивается до тридцати трех процентов, а ранее устойчивые ангидридные слои вследствие набухания значительно вспучиваются. Шарообразно поднимающиеся своды таких пустот поэтому всегда состоят из содержащего большое количество воды гипса, а основания - из ангидрита.

После того как мы ознакомились с некоторыми способами образования пещер, я должен признаться, что все это так просто происходит только на бумаге. В природе исключительно редко встречаются пещеры, созданные в результате только какого-то одного процесса.

Окончательный облик большинства пещер надо рассматривать как результат совместного действия нескольких пещеорообразующих сил. С точки зрения своего образования пещеры весьма комплексны, и зачастую мы в состоянии определить только, какие силы и процессы сыграли основную роль в их создании.

Так оно и должно быть. Безусловно, на свете было бы скучно, если бы не существовало бесконечных вариаций, которые делают явления природы неповторимо многообразными. Это многообразие внутри всякой классификации и дает возможность ставить бесчисленные "почему" и "как", постоянно искать ответы на эти вопросы.

Попытаемся и мы ответить на них.

До сих пор мы знакомились с пещерами Золушками, теперь нам предстоит познакомиться с пещерами Спящими красавицами.

Бесспорно, что основной пещерообразующей силой является работа воды. Эта вода, будь она термальной водой глубинного источника, водой моря, водой тающего глетчера, водой ручейка или титанической подземной реки, она всегда и везде делает свою удивительную работу. В течение миллионов лет то строя то разрушая, вода создает по всему земному шару свои исполинские величественные подземные храмы.

Начнем с термальных вод.

То обстоятельство, что горячая вода в состоянии образовывать в известковых породах совершенно исключительные пещеры, доказал впервые и намного раньше зарубежных спелеологов наш соотечественник - известный геолог доктор Ференц Паваи-Вайна. Он обнаружил действие термальных вод в той лиллафюредской сталактитовой пещере Иштвана, о которой другие специалисты по сей день придерживаются мнения, что в ней никогда не было даже капли теплой воды. Ференц Паваи-Вайна на основании своих наблюдений, сделанных в пещере Иштвана, точно и правильно описал и даже обобщил морфологические элементы форм, которые в любой части земного шара являются доказательством того, что пещера образована термальными водами.

Короче говоря, сегодня уже известно, что пещеры, образованные термальными водами, действительно существуют, причем в довольно большом количестве. Правда, очень редки случаи, когда пустоты были разработаны в плотной породе одним только растворяющим действием горячих вод. Большинство термальных пещер создавалось, очевидно, расширением уже существующих тектонических пустот.

Те термальные пещеры, с которыми я ознакомился у нас и за границей, за исключением гипсовой пещеры Шаторкепушта (Венгрия, Задунайщина), которую можно рассматривать как прототип чисто термальной пещеры, все представляют собой смешанные по происхождению формы. Пещера Шаторкепушта при ее тщательном обследовании и изучении дала ключ к правильному объяснению происхождения и других пещер, образовавшихся термальным путем. Из этой пещеры...

Прошу прощения у читателя. Реферат был написан только до сих пор...

МОСКОВСКИЙ ЭКЗАМЕН

Летом 1949 года я окончил университет и получил диплом геолога. Как молодого специалиста меня взяли в Государственный геологический институт на должность научного сотрудника. В конце этого же года я попросил направить меня в Советский Союз для специального изучения карстовых явлений.

Вот и Москва. Сначала пришлось учить русский язык, а затем знакомиться с научной литературой, с передовыми принципами и методами работы советских ученых.

Я узнал и полюбил эту совершенно новую для меня страну и ее замечательный народ. Здесь я научился применять на практике теоретические знания, почерпнутые из книг и лекций, научился правильно оценивать полученные результаты своих исследований.

Волнуясь, готовился к решающему экзамену. Считут ли достаточными мои почтенные научные руководители приобретенные мною знания? Да, в таких случаях даже в Москве человеку становится жарко в мае!

* * *

- Я прошу ответить еще на один вопрос, - - оторвав шись от своих записей, произнес профессор Каменский, заведующий кафедрой гидрогеологии Московского геологоразведочного института имени Орджоникидзе. - В каком случае при исследовании карста вы будете при менять для окрашивания воды флуоресцеин и в каком случае фуксин?

В зале все насторожились. У меня было две минуты на то, чтобы собраться с мыслями. Тогда я еще и не предполагал, какую важную роль будет играть в моей дальнейшей исследовательской работе именно этот вопрос. Уже готовый отвечать, я немного растерялся, боясь, что не смогу по-русски достаточно ясно выразить свою мысль. И тут я заметил ободряющий взгляд моего научного руководителя профессора Овчинникова, известного гидрогеолога, который тоже был членом экзаменационной комиссии. Страх прошел, я начал говорить.

- При исследовании карстовых местностей, когда мы хотим выяснить и доказать связь между водой, исчезающей в

карстовом поноре, и водой, появляющейся где-то в более дальнем источнике. Сначала всегда подкрашиваем уходящую под землю воду флуоресцеином. Если зеленый цвет флуоресцеина появится в воде источника, можно считать, что зачастую многокилометровый, неизвестный подземный путь, пройденный водой, представляет собой связанную, возможно обширную, пещерную систему, в которой вода протекает свободно, в большинстве случаев без всяких препятствий. Если же флуоресцеин нельзя обнаружить в воде источника, то это объясняется разными причинами. Например, это может случиться, когда тоннели пещеры заполнены песчано-глинистыми фильтрующими осадками, создающими кислую среду. Такие осадки пропускают воду, но задерживают флуоресцеин. В другом случае разбавление окрашенной воды в подземных карстовых пустотах будет так велико, что у наблюдаемого источника не обнаружится и следов окраски. Это указывает на то, что в глубине находятся значительные по своим размерам водоемы.

Когда опыт подкрашивания флуоресцеином не приводит к положительному результату, мы, выясняя истинные причины неудачи, прибегаем к фуксину. Кислые песчано-глинистые фильтрующие слои его не задерживают. Поэтому повторяем опыт подкрашивания воды с эквивалентным количеством фуксина. Если у источника появится его характерный красный цвет, тогда очевидно наличие значительных кислых фильтрующих слоев, которые при первом опыте задержали флуоресцеин. В таком случае излишне проводить работы по открытию пещеры, ибо результат опыта показывает, что, если даже и существовала когда-то большая связанная проходимая система пещер в глубине этого карстового массива, сейчас она закупорена глинистыми и песчаными наносами и, следовательно, перестала быть проходимой.

В зале царил тишина. На лицах членов экзаменационной комиссии я прочитал одобрение. Но вот попросил слово профессор Овчинников.

- Закончите, пожалуйста, свою мысль. Вы утверждаете, что появление фуксина в источнике может и не произойти. Исходя из этого, вы делаете вывод о возможности сильного разбавления благодаря наличию подземных водоемов. В таком случае как доказать правильность ваших предположений?

Теперь я был в состоянии отвечать совершенно спокойно.

- Конечно, есть. Я повторю опыт подкрашивания флуоресцеином, взяв на этот раз значительно большее количество с учетом на сильное разбавление. Если опыт будет поставлен до конца правильно, то характерная зеленая окраска обязательно появится в воде источника.

Таким образом, метод подкрашивания воды дает возможность заранее определить находящиеся в известняковых массивах системы карстовых пещер. Раньше чем кто-либо их увидит, мы с уверенностью можем сказать: каковы их размеры, много ли там глинистых наносов, имеется ли подземное озеро, река или только маленький ручеек, протекающий в извилистых сталактитовых тоннелях. Правильно применяемый метод подкрашивания воды в руках диалектически мыслящего исследователя такой же верный способ, как рентгеноскопия в руках врача.

Экзамен закончился. За окнами шумел город. На улицах было по-весеннему оживленно. Плыл красноглазый поток автомобилей. У витрины книжного магазина две девушки записывали в свои тетрадки названия каких-то книг. В этот майский вечер ветер нес из парков благоухание цветущих деревьев. Озаренная огнями кремлевских рубиновых звезд готовилась к ночному отдыху великая столица Москва.

* * *

Придя домой, я сразу взялся за конспекты, чтобы проверить, как я ответил на заданные вопросы. О подкрашивании воды мне нужно бы еще рассказать многое. Правда, вопросы были заданы очень конкретно, и на них мне удалось ответить. В моих конспектах о способах пометки карстовых вод написано следующее:

"Различные способы, применяемые для пометки подземных водных стоков при их исследованиях, можно подразделить на три основные группы: смешанные, электролитические и подкрашивание.

К группе смешанных способов относятся звуковой, применение ароматических жидкостей, использование цветочной пыльцы, а также употребление высевок бактерий. Способы этой группы пригодны для доказательства взаимосвязи карстовых вод на небольших расстояниях.

Концентрация поваренной соли (NaCl) в карстовых водах может достигать до 10 миллиграммов на литр воды.

Более значительные концентрации говорят об искусственном вмешательстве. Поэтому растворение большого количества поваренной соли в воде, уходящей под землю, дает возможность установить некоторую тождественность, но этот способ не настолько эффективен, как применение органических красителей (например, флуоресцеина). Для того, чтобы наверняка пометить 1000 кубических метров воды, необходимо взять 10 миллиграммов миллион раз, то есть растворить в воде 10 килограммов соли. Но иногда бывает необходимость пометить несколько сот тысяч кубических метров воды, а то и нескольких миллионов. В карсте очень часто встречаются водные системы емкостью в 100 000 кубических метров. Для такой системы нам потребовалась бы целая тонна поваренной соли, а флуоресцеина нужно всего несколько килограммов.

Хлористый литий, который находится в карстовых водах в незначительных количествах, можно с успехом применять в значительно меньших дозах, чем поваренную соль, но стоимость его очень высока. Иногда применяют хлористый аммоний и хлористый кальций, но они еще в меньшей степени оправдывают себя.

Вообще обнаружение электролитов в источниках гораздо сложнее, чем обнаружение органических красок. Подкрашенную воду легко увидеть, и очевидность подземной связи становится ясной.

Обнаружение электролитов требует проведения определенных опытов. Например, измерений электропроводности воды источника или фиксирования изменения состава воды рядом последовательных титрований на ионы хлора.

Органическими красителями, наиболее оправдавшими себя на практике, являются флуоресцеин и фуксин.

Флуоресцеин (резорцинфталейн $C_{20}H_{12}O_5$) растворим в воде и щелочных растворах. Это оранжевого цвета порошок, дающий в растворенном состоянии очень красивый флуоресцирующий зеленый цвет. В щелочной среде окрашивание и флуоресценция гораздо значительнее, чем в растворах, близких к нейтральным²². Вода подвергается в течение целых суток, а то и в течение месяцев воздействию глинистых отложений и углекислого газа. Чтобы взятые из источника пробы воды более отчетливо показали окрашивание, необходимо прибавить к ним несколько капель раствора аммиака (нашатырного спирта).

Под действием последнего даже совершенно бесцветные растворы при наличии в них флуоресцеина приобретают желто-зеленый цвет²³. При надлежащих условиях одним килограммом флуоресцеина можно окрасить 40 000 кубических метров воды.

Иногда под действием карстовой воды, глинистых и известковых осадков, некоторых бактерий и углекислого газа, выделяемого разными организмами, флуоресцеин разрушается (если продолжительно подвергался их воздействию), и в таких случаях обнаружение его не удастся даже при прибавлении раствора аммиака. Необходимо еще отметить, что сильно разбавленные растворы флуоресцеина при действии света теряют постепенно свою характерную окраску. Если взятые пробы нельзя исследовать сразу, то их надо хранить в темном месте.

Фуксиновая кислота, которая не теряет свои красящие свойства под действием извести, имеет некоторые преимущества перед флуоресцеином. Она химически более устойчива, чем флуоресцеин, и ее окраска всегда легко восстанавливается при прибавлении уксусной кислоты. Но фуксин имеет менее сильное окрашивающее действие. Для достижения одного и того же результата фуксина необходимо в десять раз больше, чем флуоресцеина.

Если мы имеем дело со сложной подземной водной системой, то для получения правильной оценки результатов окрашивания наиболее целесообразно одновременное применение того и другого красителя. В щелочной (аммиачной) среде будет обнаруживаться флуоресцеин, а в кислой (уксуснокислой) среде - фуксин.

В том случае, если появившаяся из-под земли вода мутная, прежде чем создавать прибавлением аммиака или уксусной кислоты ту или иную среду, необходимо сначала пропустить через фильтровальную бумагу взятые пробы.

Прибавление краски всегда должно производиться там, где вода течет свободно. Таким образом, нам не будет грозить опасность задержки подкрашенного раствора на долгое время в самом начале пути.

Если в сухом поноре нет проточной воды, то необходимо доставить несколько тонн воды и влить туда.

При употреблении флуоресцеина - чаще всего в аммиачном растворе - лучше приготовить на месте концентрированный раствор и влить его в воду²⁴.

После проведения окрашивания необходимо организовать наблюдение за всеми источниками и ключами, в которых мы предполагаем появление воды. В первые дни проверка осуществляется через каждые три часа: когда подземная система не имеет водоемов, краска проходит очень быстро. В последующие дни проводить отбор проб достаточно три раза в день. Если окрашенная вода появится через неделю, она обнаруживается не менее чем в течение двенадцати часов, - значит, проверка достаточна два раза в сутки. При появлении окрашенной воды спустя 15 дней достаточен только один отбор пробы в сутки. В этом деле необходимо иметь терпение и выдержку, потому что иногда опыт затягивается на несколько месяцев.

Трудно себе представить какое-нибудь более капризное явление, чем гидрогеологическая система карста. Летом и осенью дебит воды в источниках может быть незначительным, и краситель, застряв в большом водоеме, не движется дальше. Но вот на поверхности прошел ливень, и краска за один день проделает путь больший, чем проделала до этого за недели или даже месяцы. Данные, относящиеся к дебиту воды, определенные в момент окрашивания, недостаточны. Скорость прохождения краски при повторении опыта никогда не совпадает со скоростью при первом опыте. Подземные воды могут включать в себя дополнительную систему (чаще всего при наводнениях). Иногда случается, что подкрашивают именно ее, а основная водная система остается неподкрашенной. Во всяком случае, необходимо очень долго, иногда в течение нескольких месяцев, вести наблюдение за появлением воды. Поэтому мы особенно рекомендуем применение флуоресцеина, цвет которого легко опознается даже совершенно неискушенными в этом деле людьми.

Мартель установил формулу для расчета необходимого количества флуоресцеина:

$$N = L \times M,$$

где:

N - количество флуоресцеина в килограммах;

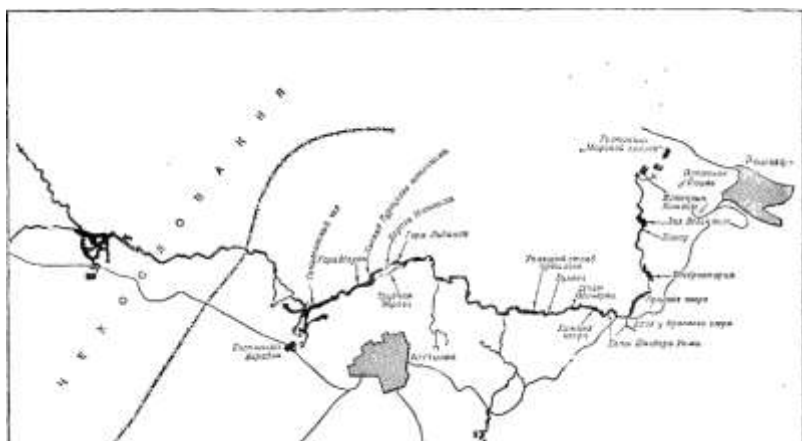
L - предполагаемая длина подземного пути воды в километрах;

M - дебит воды предполагаемого источника (то есть источника, с которым предполагается связь. - *Прим. ред.*).

Но формула Мартеля, как это показала практика, может быть применима к глубинным потокам карстовых вод только в очень редких случаях. Особенно неприемлемы ее результаты, когда в подземной системе имеются значительные водоемы или если попадающая в них подкрашенная вода составляет только определенную часть всего дебита источника. В этих случаях необходимо применять гораздо большее количество краски, чем рассчитывается по указанной формуле. Это уже и сами французские исследователи карста поняли на своем горьком опыте, когда подкрашивали систему Хенн-Морт. По формуле Мартеля они высчитали, что в понор достаточно влить $0,1 \text{ (м}^3\text{)} \times 0,5 \text{ (км)} = 0,05 \text{ кг}$, то есть всего 50 граммов флуоресцеина. На всякий случай они влили 25 килограммов краски, но результат не был достигнут. Они повторили подкрашивание ста килограммами флуоресцеина и только тогда наконец получили удовлетворительный результат".

На этом кончается мой конспект.

Закрываю тетрадку. Мысли уносятся в далекую страну, где сверкают алмазные пустоты горы Штражахедь, где неистовствует, возможно, и сейчас река Стикс в Барадле. Думаю о маленькой стране, где я родился, где начал свою работу и где должен ее продолжать. Может быть, на поверхности, может быть, и под землей, но отныне идя всегда и всюду по новому, самостоятельному пути...

Схематический план Аггтелекской пещеры Барадла

НА САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ПУТИ

МОЯ ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ГОРЫ БЮККА

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ КАРСТОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Когда-то в детстве я много мечтал о том, что стану знаменитым африканским охотником-путешественником и подготовлю экспедицию вокруг света. Конечно, снаряжение подберу самое современное: по меньшей мере полдюжины первосортных ружей для охоты на львов, блестящие тропические шлемы, самое маленькое пять машин, груженных москитными сетками и прочими необходимыми вещами, не говоря уже о караване порожних машин, которые возьму с собой для того, чтобы на обратном пути нагрузить их трофеями.

Разумеется, большое внимание я уделю подбору членов экспедиции. Мой секретарь наберет из местных жителей людей, хорошо знающих все африканские диалекты, закаленных хождением в джунглях и готовых отдать жизнь за своего хозяина. Секретарь снимет с меня заботу и о денежных делах. В день отправления экспедиции, когда из Будапешта тронется громадный караван автомашин, неисчислимые шеренги моих друзей ученых с блестящими от восторга и гордости глазами долго будут махать нам на прощание флагами. А я, продвигаясь среди "шпалер" представителей правительства на открытой машине, стоя буду принимать почести знаменитому исследователю Африки и постараюсь не обращать внимания на полчища иностранных корреспондентов и фоторепортеров.

Прошли годы... Сейчас лето 1950 года. Мечты стали явью. Я отправляюсь в исследовательскую экспедицию, но не в джунгли Африки, а в таинственные поноры и долины суровых Бюккских гор. Наше снаряжение тоже несколько другое. Ружья для охоты на львов превратились в простые стеклянные

банки из-под варенья, в которые был положен флуоресцеин - весь трехкилограммовый запас Института геологии. Вместо каравана машин нашей экспедиции, я счел более комфортабельным жесткий плацкартный вагон мишкольцкого пассажирского поезда; а чемоданы, веревки, веревочные лестницы, кирки, ведра, упакованные в огромный, весом в полтора центнера, судовой ящик, я тоже отправил личным багажом. Институтский швейцар забыл даже поздороваться, когда я, согнувшись под тяжестью огромного рюкзака, пропыхтел перед его стеклянной будкой. Только минуты через три он бросился вслед за мной, делая выговор за то, что я не принимал всерьез его обязанности.

- Вернитесь, кто вы такой, что вас нужно особо просить! Ваш пропуск на вынос вещей! А где же печать?

Его не трогало, что он четыре месяца не будет видеть меня, и, заставив все-таки поставить печать на пропуске, еще вдогонку закричал:

- И вы даже не соизволите поблагодарить меня за то, что я не доложил сразу про вашу халатность дирекции? Оштрафовали бы по крайней мере на двадцать форинтов!

Но мои мысли были уже далеко. Этим летом нужно было разведывать водную сеть карстовых гор Бюкка. Помимо гидрологических исследований, нам предстояло выяснить: действительно ли глубоко под Бюккским плоскогорьем существует часто упоминаемая система больших пещер? Исследовать нужно было и другое: с каких подземных территорий собирают свои воды бюккские карстовые источники. Задач было больше чем достаточно. А я даже не знал, где и как приступить к разрешению этих вопросов. Однако считал, что в первую очередь нужно выехать в район Исследований, а там уже решать, что делать.

Мечтать и рассуждать гораздо легче, чем осуществлять что-то. Об этом мне пришлось задуматься уже в Мишкольце. Ящик невозможно было сдвинуть с места, куда его со страшными ругательствами сбросили носильщики, но данное место еще не было нашим лагерем, а только "камерой хранения" инвентаря. Секретарь экспедиции, студент геологического факультета Мишка Месарош, мог выехать только через три-четыре дня после меня, так что все финансовые расчеты мне пришлось делать самому. На деловые расходы в июне было ассигновано четыреста форинтов, и поэтому я не решался за двести форинтов нанять телегу и перевезти вещи к Бюкку.

Выход был только один: вещи пока останутся, а я отправлюсь на разведку пути в этих безлюдных местах. Но чтобы обеспечить спокойный ночлег, я решил зайти сначала в миш-кольцскую гостиницу для туристов и забронировать себе номер. Там я познакомился с Дюлой Гроссманом - инспектором бюккских экскурсионных баз. В его лице я обрел очень симпатичного, предприимчивого, готового оказать всяческую помощь товарища. Тотчас мы сели за стол, чтобы обсудить дела. Дюла как замечательный знаток бюккского края дал мне такую полную информацию о занимавших меня хозяйственных вопросах, что я счел излишним дополнительно что-либо узнавать.

- Ты говоришь, - он почесал подбородок, - тебе нужно жилье самое неприязательное, подешевле, где ты сам будешь хозяином, и оно должно быть где-нибудь на северном Бюккском плато в районе Фельшефорраша. Так это проще простого. За час я договорюсь с Обществом охотников, и они выделяют для тебя "Хижину косарей". Правда, это не какой-нибудь просторный и светлый номер, но зато не нужно будет ничего платить.

Я достал карту и, найдя на ней "Хижину косарей" как раз в подходящем месте для моей работы, тотчас протянул руку в знак согласия. Мне нравился этот веселый со смекалкой человек. И я благословлял судьбу, познакомившую нас друг с другом. Особенно в тот момент, когда он пришел ко мне с предложением относительно доставки ящика на место. Предложение было так по-хозяйски продумано, что, хотя нам и предстояло здорово помучиться, одна мысль о присутствии ящика на месте создавала атмосферу настоящей экспедиции.

- Транспортировку ящика осуществим сами. Если к нему приспособить жерди, которые мы поднимем вдвоем на плечи, то на каждого из нас придется не больше семи десяти пяти килограммов. До Лиллафюреда за несколько форинтов доведем ящик по узкоколейке, а оттуда три четверти часа пешком до хижины. На пятьдесят форинтов я потом дам квитанцию, и, если переноска ящика окажется очень тяжелой, мы сможем подкрепиться бутылкой рому, купленной на деньги для оплаты перевозки.

Должен повторить: это оригинальное предложение настолько пришлось мне по душе, что более простого решения я не мог и придумать.

Кряхтя, мы шагали по берегу сказочно красивого озера Хамори

Наконец представляется случай сэкономить, и пусть лопнут с досады бюккские извозчики с их двухсотфоринтовыми клячами!

Ящик в Лиллафюред доставили благополучно еще до обеда. На конечной станции узкоколейки приделали к нему длинные ручки. На железнодорожных весах измерили точный вес: сто сорок три килограмма. Подналегли. Дюла стал спереди, я сзади. Ящик был ужасно тяжелым. Кряхтя, мы шагали по берегу сказочно красивого озера Хамори. Каждые пятьдесят-шестьдесят метров приходилось отдыхать. Когда наконец прошли озеро, ноги у нас дрожали, а плечи ломило так, что мы еле могли поднять руки. Ну уж коли начали, надо доводить дело до конца!

- Подумай, Дюси²⁵, а насколько было бы тяжелее, если вдобавок ко всему пришлось бы пробивать себе дорогу через джунгли с ножом в руках!

Беззаботные туристы и милые влюбленные пары останавливались и долго смотрели на необыкновенное зрелище.

- Эй, у-у-хнем! Эй! у-у-хнем! - Варварская эта "про гулка"!..

- Ты еще держишься, Дюси? Потерпи немножечко, здесь уже недалеко. Там вон по дороге направо мы взбе ремся на гору, а с того гребня уже прямо сможем спуститься в Касаштебер. Пожалуй, осталось еще столько, сколько прошли. Правда, теперь в гору, значит, тяжелее.

Торжественная минута. Осталось позади Омашское шоссе. Теперь мы уже сошли с "земли цивилизации" и шагаем по "дремучему" лесу, где редко ступает нога человека. Взято еще несколько сот метров. Держусь только из чувства долга. Перед моими глазами танцуют желто-синие круги, с каждым шагом все больше болят плечи, ломит поясницу. У источника Ленчеш сдался Дюла:

- Дай глоток рому, не могу больше!

С жадностью пьем. Потом кладем на стертые до крови плечи подушки из травы и снова отправляемся в изнурительный путь

Вьющаяся по лесу тропинка стала настолько узкой и крутой, что мы, уже не сговариваясь, через каждые десять-пятнадцать шагов, тяжело дыша, падаем на землю.

Множество птиц распевает в темном море листвы, а мы с трудом глотаем воздух таинственного Бюкка. Одежда прилипает к телу, голова гудит, как раскаленный паровой котел. У Дюлы глаза на лоб лезут. Пока, собрав последние силы, мы черепашьим шагом достигаем гребня, начинает смеркаться. Прохладный лесной ветерок словно старается смягчить наши мучения, но теперь это для нас то же, что для колесованного доброжелательные утешения.

К счастью, путь отсюда идет сразу вниз. У Дюси слиплись волосы на лбу, вздулись на шее жилы, но после каждой остановки он снова стремительно рвется вперед. Я уже шатаюсь и только думаю о том, чтобы не застонать. Больше трех километров тащим обитый железом ящик, и теперь я абсолютно не имею понятия, где мы. Наступил вечер.

Ночи в горах Бюкка особенно темны. В гуще леса с таинственным потрескиванием перешептываются сухие ветки, страшно кричит сыч, слышится вдалеке лай лисиц - просыпается спавший днем животный мир. Я уже ничего не соображаю. Напрасно мой друг успокаивает. идти осталось всего пятьдесят метров.

Рухнув на землю, я заявил, что не могу двигаться дальше, и, отхлебнув из бутылки с ромом большой глоток, растянулся на траве. Ноют все части тела. Дюси свалился подле меня. Мы немножко отдышались. Литровая бутылка незаметно стала пустой. Описав в воздухе широкою дугу, она исчезла в ночной темноте.

Напиток придал нам сил. Не прошло и пятнадцати минут, как мы поднялись на четвереньки, потом встали и подлезли под жерди, подбадривая друг друга, снова продолжали в крошечной темноте мучительный путь. Мне даже показалось странным, когда Дюси произнес: "Мы пришли".

- Но я, однако, ничего здесь не вижу.

Зажигаю спичку, нахожу лампу. Она наполнена карбидом и заправлена водой²⁶, поэтому пламя вспыхнуло легко и быстро. Странное и поразительное зрелище развернулось в ее свете: наспех сколоченное из нескольких бревен, стояло предо мной неприхотливое, похожее на хлев, строение. Крыша из веток и мха, а половину единственной стены этой ушедшей в землю конуры занимала сбитая из необструганных досок с большими щелями дверь.

- Интересно, - говорю я Дюле, - какие примитивные закутки строят здесь для коз. Веди меня к дому!

- Так куда ты дальше пойдешь? Перед нами нанятая тобой гостиница - знаменитая "Хижина косарей"! Чудесное местечко, сейчас сам увидишь, как только зайдем внутрь!

Это ведь только невинный уж!

Откровенно говоря, я сначала не знал, плакать мне или смеяться. Но другого выбора не было, и я начал с интересом присматриваться, как возится с проржавленным замком мой друг.

Согнувшись в три погибели мы наконец вошли внутрь. Простора хватало здесь разве только для воображения. Когда мы с Дюлой тесно прижались друг к другу, то свободным местом для третьего оставалась лишь кровать, но какая кровать!

Между вбитыми в землю сваями были положены на ребро четыре доски, которые удерживали ворох смятого сена. Мы тут же улеглись, чтобы хоть немного прийти в себя. Однако минуты через три Дюла с ужасным воплем вскочил на ноги. С остекленелыми от ужаса глазами, он, хрипя, отрывал что-то от тела. Ошеломленный, я смотрел на него, думая, что у моего друга от усталости нервный припадок и он теперь танцует пляску святого Витта. Когда, однако, оттянув рубашку, он вытащил из-под нее змею длиной с добрый метр, я успокоился.

- Из-за такого животного не стоит волноваться, это ведь только невинный уж!

Ужа мы выбросили, и будь благословенна "Хижина косарей", в которой в первую ночь бюккской экспедиции мы даже одетые спали до самого утра так крепко, что не слышали, как мыши прогрызли наши рюкзаки.

* * *

К сожалению, Дюла не мог больше оставаться - к полудню в Мишкольце его ждала семья и работа. Утром мы навели порядок в нашем хозяйстве и с грустью расстались. Насчет ящика с оборудованием Дюла меня успокоил: взять в хижину его все равно невозможно, пусть стоит снаружи у стены, - голову можно дать на отсечение, что его никто не утащит. Если же я пододвину его вплотную к хижине, он может даже подпереть стену.

Мы условились с Дюлой, что он из города тотчас отправит телеграмму Мишке Месарошу:

"Прибыв в Мишколец, отыщи в гостинице для туристов Дюлу Гроссмана. Он тебе точно расскажет о месте моего пребывания. Захвати с собой сало, хлеб, макароны, повидло и мышеловки в любом количестве. Наш лагерь готов, приезжай как можно скорей. Якуч".

Я остался наедине со своими мыслями, картами, инструментами и ящиком в царстве карста Бюкка. Пришло время применить на практике свои теоретические знания. Основная трудность и цель этого экзамена теперь не в знании русского языка, а в умении прочитывать немой язык мертвых камней, на котором они рассказывают древнюю историю гор.

Я закрыл хижину, запер ящик на замок и отправился в дебри Бюкка.

* * *

День пятнадцатого июня был для меня богат событиями. Я провел его целиком в долине Гарадны и измерил дебит источника. Вечером по пути заглянул в пещеру Кейук (Каменная дыра) и осмотрел места раскопок Оттокара Кадича. В поисках орудий древнего человека здесь, в вестибюле пещеры, была выкопана яма около восьми метров глубины. Профессора Кадича я не встретил, так как незадолго до меня он уехал домой, зато познакомился с его ассистентом, коренастым Йожефом Клайном, который, неистово сквернословя, колотил скулящую собаку, да так, что уже за полкилометра становилось жутко от ее воя.

Рабочие раскопок к моему прибытию уже разошлись. Только какой-то странный школяр рядом с воющей собакой помешивал угли затухавшего костра.

- Мутюш, - представился он, - точнее, Иштван Мунтян. Я ученик седьмого класса²⁷ диошдьерской гимназии имени Ки-лиана. Люблю природу, одиночество и бюккские ночи. Если вы расположитесь поблизости, как-нибудь зайду к вам. Да, я знаю, где "Хижина косарей". Самая большая беда - я влюблен. Но я нисколько не жалею, что провалился на экзамене. Меня и раньше выгоняли, и все же я - Мутюш! Когда жизнь бьет ключом, она так прекрасна! Не правда ли?

"Странный экзальтированный человек", - подумал я про себя и пошел к Касаштеберу через лес. Некоторое время до меня долетали слова песни: "Тоскую я, тоскую я! Грызет меня грусть-тоска... Вера-а! Верочка, родная моя! Жажду видеть тебя..." Мутюш пел о любви. Потом расстояние поглотило этот голос, и над Бюкком воцарилась тишина. На небе догорала вечерняя заря.

Приближаясь к своему жилищу, я с ужасом увидел поднимающийся дым. С бьющимся сердцем ускорил шаги, так как здесь за пять дней не видел ни одной человеческой души. Мне стало любопытно, кто бы это мог быть таким смельчаком? Перед хижинкой горел небольшой костер, и в сидящем возле него худом человеке я узнал долгожданного Мишку Месароша. Как я обрадовался! Да к тому же оказалось, что он пришел не один, а привел с собой однокурсника Имре Сабо. Придя в неопиcуемый восторг, мы обнялись, и рассказам нашим не было конца. Только в полночь мы улеглись.

Улеглись, но как? Мишка и я еще еле-еле поместились между ветхими досками на сене, но для Имре пришлось из свежей душистой травы соорудить кровать рядом. После того как затушили лампу, я еще долго думал о том, какой внезапно хороший поворот произошел в моей работе, теперь вдвоем мы сможем сделать все гораздо быстрее. С этими мыслями я заснул...

Но спать долго не пришлось. Нас разбудил необычный для буюкской ночи голос. Где-то вдалеке кто-то звал на помощь. Да, на помощь. Продолжительным громким эхом вторили воплям черные горы. Мы разом вскочили на ноги, бросились к двери. Я приказал Мишке зажечь лампу. Мы с Имре прислушались, не показалось ли нам? Со стороны темных гор снова раздался пронзительный вопль. Судя по голосу, несчастный был от нас метрах в трехстах.

- Э-ге-ге! - кричал я теперь, насколько позволяли мне легкие. - Э-ге-ге, что случилось? Эй, кто там идет?

Крики прекратились. Я торопил Мишку, чтобы он быстрее шел с лампой. В темноте схватил башмаки, даже не заметив, что натянул башмаки Имре. Не зашнуровав их, я бросился с карбидной лампой в руке наружу и услышал, как со стороны густого кустарника прямо на меня кто-то мчит. От яркого света лампы я ничего не видел, но слышал, чувствовал почти рядом с собой чье-то горячее, вырывающееся со свистом дыхание. Прошло несколько секунд. Имре схватился за палку, чтобы на всякий случай во всеоружии встретить нападение.

Но в этом не оказалось необходимости. Возбужденный, дрожащий всем телом, задыхаясь и стуча зубами, из кустарника выбежал человек. Поравнявшись с нами, ой тотчас рухнул на землю и бессильно простонал:

- Ой, кабан меня убьет... помогите! Не могу больше бежать... воды... ради бога!

В потерявшем человеческий облик юноше я узнал Мутюша. Что нам было делать? Мы положили его на постель и постарались успокоить.

Придя в себя, он начал по порядку рассказывать, как мечтал в вечернем одиночестве у пещеры Кейук, как пришла ему в голову мысль наняться ко мне работать, как отправился следом за мной и как на него напал дикий кабан

И вот теперь он у нас, надеется здесь остаться и просит поручить ему любую работу, он будет хорошим товарищем, ему очень хочется быть с нами.

- Так... - сказал я тихо, - комплектуется экспедиция.

* * *

На рассвете следующего утра я провел совещание о распределении работы. Мутюш и Имре останутся здесь и сегодня же рядом с хижинкой построят из веток дополнительное временное жилище по крайней мере на четверых. Если так пойдет и дальше, то через несколько дней и оно окажется недостаточным.

Днем мы с Мишкой обследовали окрестности Фелшефорраша. На основе своих наблюдений я все больше убеждался, что в тянущемся за Фелшефоррашем закарстованном известняковом массиве существует широко разветвленная и многоярусная система водной сети и пещер. Поноры в окрестностях пещеры Кейук подтверждали мое предположение, и данные, которые мне удалось собрать о периодических увеличениях дебита Фелшефорраша, тоже указывали на это. Пещера Кейук принадлежала когда-то к самой старой и самой верхней галерее этой системы. Учитывая, что понижение уровня воды в закарстованном слое с давних пор лишило его активного водотока, было ясно, что обильный ил в дальнейшем сильно засорил ходы, связывающие пещеру с продолжением системы. Находки Геза Мегаи, Андора Шаада и других страстных мишкольцских исследователей, а также результаты раскопок Кадича все больше наводили меня на мысль о том, что еще во времена человека древней бюккской культуры, то есть пять-шесть тысяч лет тому назад, этот связанный с большой системой ход был открыт. В пещере найдены следы очага в таких местах, где при сегодняшних токах воздуха дым от огня не мог бы удаляться и до отказа заполнил бы пустоты.

Значит, если древний человек разжигал здесь огонь, то это было возможно только в том случае, когда дым из пещеры тотчас выходил, то есть пещера была сквозной. Иначе говоря, тогда связанная система была еще открытой.

Мы с Мишкой основательно исследовали коридоры, камины, гроты Кейук и пришли к выводу, что ценой настойчивой и продолжительной работы можно найти закрытую часть системы. Поиски были интересны уже из-за одного того, что древний человек наверняка бывал в этой части пещеры. Поэтому вполне вероятно: там могут быть обнаружены ценные находки и надписи на стенах, которые не сохранились в других пещерах.

По-моему, вне всяких сомнений, понор Удварке пещеры Чокаш и все мелкие бывшие или существовавшие поноры более дальних окрестностей органически связаны с большой фелшефоррашской пещерной системой. Трудность заключается в том, что на плоскогорье, не имеющем слоя гальки, которая бы постоянно шлифовала и очищала пустоты, очень быстрыми темпами происходило заиливание ходов и их частичная закупорка. Значит, только в результате кропотливой и сложной работы можно попасть в пещеры, где еще есть водоносная сеть.

После обеда мы исследовали бывшие входы пещеры Фелшефорраш, но через них, к сожалению, тоже нелегко было проникнуть: один был закрыт обвалившейся скалой, а другой заполнен по самую горловину сцементировавшимися илистыми наносами речного происхождения, покрытыми слоем известкового туфа. Эх, что за открытия предстоят в этих местах спелеологам, у которых есть деньги, взрывчатка и достаточно рабочей силы! Вечером я подкрасил воду Колодца косарей пятнадцатью дециграммами флуоресцеина, чтобы со следующего дня начать регулярные наблюдения за источниками Фелшефорраш и Гайя. Мутюш оказался очень деловым парнем, мне он начинал нравиться. Вместе с Имре они построили из веток такой дом, что куда до него "Хижине косарей"!

* * *

Прошло две недели, как пришел Мутюш. За это время изменились состав и численность экспедиции. Наш отряд пополнился студентами-геологами Ласло Алфелди, Дюлой Мартоном и студентом-химиком Томашем Манди. Тем временем Имре Сабо пора было возвращаться в Будапешт.

За прошедшие две недели в Касаштебере побывали и гости: приезжал из Печа директор Задунайского научного института Пал Золтан Сабо, навещал нас иногда и Дюла Гроссман. В такие дни мы всегда ели вкусную, сваренную в котелке лапшу, отдавая должное кулинарному искусству Дюлы. Приехала моя жена с трехмесячной дочкой, и вскоре мы почувствовали себя в милую "Хижине косарей" как дома.

Но люди нужны были нам до зарезу! Ведь наша работа была такой многообразной, что приходилось ежедневно очень тщательно обдумывать распределение обязанностей. В один из солнечных июльских дней в нашей жизни произошли изменения: отряд пополнился четырьмя новыми товарищами, и возникла идея о переселении лагеря.

Мы с Мишкой Месарошем занимались тогда обследованием Большого Бюккского плато, лежащего на юг от долины Гарадны. Перед обедом осмотрели колодец Яворкут, потом подкрасили тремьями граммами флуоресцеина у озера воду ручья, исчезающую в Летрашском поноре. Теперь осталось найти исток ручья, исчезающего в поноре. Во время окраски воды, к моей досаде, разбился термометр, но я все же не хотел упускать возможности исследовать источник, поскольку уж мы были рядом.

Мы отправились по берегу ручья против течения. Едва сделали метров двести от плотины озера, как наткнулись на необыкновенно красивый луг. Окаймляющие его вековые деревья-исполины, изумрудный ковер-газон, прозрачный ручей, журчащий посередине луга, - все это произвело на нас такое большое впечатление, что в порыве восторга мы не заметили поджидавшей нас на другой стороне луга опасности. Прямо перед нами стояла бревенчатая хижина, мастерски спрятанная в темном шатре доходящей до земли кроны громадных деревьев. Мы тут же прикинули: по крайней мере, человек шесть с большими удобствами разместятся в ней. Дверь хижины была открыта. Мы вошли. Нигде никого. Все было устроено с большим вкусом. На двухъярусных деревянных койках лежали одеяла, на вешалках из рогов козули висели пестрые рубашки и брюки. На маленьком окошке стояли два горшочка цветущей герани. Прямо дворец из медовых пряников!

- Ну, Мишка, что ты на это скажешь? Кто тут может жить?
- спросил я, удивленный всем этим, однако ответить он не успел.

- Еды или жизнь! - набросились на нас четыре страшных полуголых человека. В высоко поднятых вверх руках сверкали судорожно зажатые финки.

О небо, откуда взялись они в мгновение ока и так неожиданно? Бросая на нас из-под взъерошенных волос зловещие взгляды, они медленно приближались. От неожиданности мы ничего не могли сделать более умного, как, подняв руки вверх, попятиться к двери. Но не тут-то было! Дверь и окно были уже загорожены. Фу, черт, ну и попали мы в переплет.

- Ну хорошо, принимаем условия! Начинаем переговоры!

- Молчать! Снимайте рюкзаки и одежду, а сами в котел, потому что мы страшно голодны!

Я люблю "деловые" разговоры. Такой тон мне пришелся по душе, и я облегченно вздохнул. Даже улыбнулся. Только теперь, присмотревшись получше, заметил, что это дети, мальчики пятнадцати-шестнадцати лет. Один из них - длинный, худощавый мальчуган (по тому, как он вел себя, очевидно, вожак) - задумался и нервно закусил губу, когда увидел, что мы не спешим стремглав скрыться в котле. Остальные растерянно мигали.

- Ну, ребята, довольно шуток, - попробовал я выйти из положения, - пойдемте на свежий воздух и поговорим при более приятных обстоятельствах о том, чем бы мы могли вам помочь.

В одно мгновение "грозные грабители" превратились в послушных ягнят. Длинный паренек совсем застенялся, а двое, отвернувшись, еле сдерживаясь, хихикали. Выйдя из домика и сев по-турецки, я предложил всем последовать моему примеру. Но длинный был настолько смущен, что даже не посмел сесть.

- Не подумайте, - пролепетал он, - что мы серьезно... мы ведь только так... пошутили...

- Пустяки, - бросил я. - Мне пришлось по душе ваша смелость. Вы храбрые мальчики. Переходите ко мне работать. Будете получать еду и даже зарплату. Мы здесь в горах ходим, исследуем пещеры, это наша специальность. Работа, опасности, приключения - во всем будете участвовать! Вот вам моя рука, и коли по рукам, то давайте переходить на ты. Мое имя Ласло Якуч, профессия - геолог.

Они представились. Длинный назвал себя Ласло Гера. Остальные тоже по очереди называли свои имена: Пети Генци, Дуци Костельник, имени четвертого уже не помню. Настоящие ли это были имена? Я был уверен, что они меня не обманывают.

Мальчишки были горячие, смелые. Страшно заинтересовались нашей работой и подходили для нее. Они рассказали, как построили этот домик, как здесь в Бюкке проводят свои каникулы, играя в робинзонов. Кстати, все четверо мишкольцские, сыновья рабочих, друзья и в хорошем, и в плохом.

Приняв нас за туристов дилетантов, они решили хорошенько напугать. Сюда приходит иногда кое-кто из отдыхающих Лиллафюрета, они их пугают, и это доставляет им удовольствие. Теперь же получилось очень неудобно.

- Уж вы нас извините! Мы расширим свой бивак, и, если вы не обиделись, перебирайтесь к нам. Мы тоже здесь видели несколько интересных пещер и сможем их вам показать. Жаль, что так неудачно познакомились, но постараемся исправить все.

- Ладно, ребята, завтра всей группой мы переедем в Летраш.

Тогда я еще не знал, что с этими мальчиками нас на всю жизнь свяжет настоящая дружба. Не знал, что в их лице обрел самых верных товарищей по профессии. А из Ласло Геры я вырастил неутомимого исследователя-краеоведа, самого преданного мне соратника, бесконечно полюбившего подземный мир.

Сегодня я знаю: это чувство любви Лаци унес с собой и в могилу - в день своей трагической смерти.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА СИНВЕ

История Венгрии не знала еще такого бурного роста городов, каким в последнее время рос город Мишколец. Однако сети коммунального хозяйства, в том числе и водопроводу, не удавалось идти в ногу со строительством домов. Герембойта - полцайские источники оказались недостаточными для мишкольской водопроводной станции, и она уже не удовлетворяла потребности района в воде. Поэтому необходимо было заняться поисками нового источника, чтобы подключить его в городскую сеть.

От Государственного института геологии я получил задание расширить исследовательские работы и представить свое заключение о наилучшем разрешении этого вопроса.

В горах Бюкка есть много карстовых источников. Само собой разумеется, ими я и решил заняться.

Для начала я обошел все источники, о которых могла идти речь, и ориентировочно их обследовал. Многоводные источники южных склонов Бюкка - Качский и Латорутский - расположены на таких незначительных высотах, что включение их в водопроводную мишкольцкую систему только за счет разницы уровней не разрешило бы полностью проблему. Главное внимание поэтому было обращено на источники, находящиеся высоко в горах. Хотя к этим источникам придется прокладывать дорогостоящий трубопровод, но, так как они расположены на большой высоте, вода благодаря разнице уровней свободно потечет к месту назначения.

Тщательно исследованные нами источники Гарадна, Маргит, Синва, а также два карстовых источника в пещере Анны были настолько водообильны, что включение их в городскую водопроводную сеть на определенное время решило бы вопрос снабжения водой. Наиболее выгодными были источники пещеры Анны, самые близкие к городу Мишкольцу. Прокладка водопровода в этом случае обойдется максимально дешево. Но происхождение этих источников еще не было выяснено. Помутнение воды и отклонение ее температуры от обычной на один-два градуса давало возможность предположить, что эти источники не самостоятельные, а являются лишь продолжением ручья Синвы, текущего по лиллафюредскому плато поблизости от гостиницы "Палота". Часть воды Синвы уходит в расщелины и, собираясь в водоносных слоях, вытекает в источниках пещеры Анны.

Если данное предположение, высказанное многими специалистами, подтвердится - значит, источники непригодны для снабжения города водой, так как вода открыто текущего ручья Синвы заражена многочисленными бактериями и не может достаточно хорошо профильтроваться в пронизанных широкими расселинами лиллафюредских известняках.

В таком случае придется подводить воду в Мишкольц из более отдаленных источников Гарадна и Маргит, несмотря на то что это обойдется гораздо дороже.

После недолгих размышлений я пришел к заключению, что вопрос, который решает судьбу миллионов форинтов, можно разрешить простой окраской воды флуоресцеином, затратив лишь сто форинтов. Нужно было только хорошо подкрасить воду Синвы там, где она течет на участке пористого известкового туфа, а затем вести наблюдения за возможным окрашиванием источников пещеры Анны. Они должны зазеленеть, если питаются водой ручья Синвы. Если же и после окраски вода источников останется чистой, значит, она не речного происхождения, а берет начало с более отдаленного карстового плато и тогда может быть пригодна для питья. Защитить же источники от загрязнения - дело несложное.

Итак, мы приступили к экспериментированию. В долине Синвы, выше гостиницы "Палота", почти у лесопилки мы высыпали в воду порошок флуоресцеина. Окрашивание начали рано утром, в 7 часов, и до 5 - 6 часов вечера одинаковыми порциями непрерывно подсыпали в воду желтый порошок. Каким прекрасным и волнующим зрелищем была Синва! До самого Лиллафюреда, вплоть до бумажной фабрики в поселке Хамори, отливала она в лучах солнца изумрудной зеленью.

В пещере каждые два часа менялся дежурный. Он с карбидной лампой в руках непрерывно следил за клокочущей водой источника. Каждые полчаса он вынимал из ручья пробирку с водой и наверху при солнечном свете сравнивал ее с другой пробиркой, наполненной чистой водой. Дежурство продолжалось и ночью.

На рассвете следующего дня с дежурства пришел Мутюш. Он доложил, что наблюдения никаких изменений не дали.

"Кажется, - подумал я про себя, - мишкольцы будут все-таки пить воду пещеры Анны". Если до сих пор вода не зазеленела, то теперь уже едва ли зазеленеет. Я был очень рад, что мы успешно справились с работой и дали возможность сэкономить миллионные затраты на прокладку труб. Теперь красивая долина Гарадна, ручей которой питается источниками Маргит и Гарадна, не останется без воды и впредь будет одним из самых живописных уголков нашей страны.

Занялась заря, когда наконец мечты мои сменились благодатным сном.

Было раннее утро, когда мы проснулись от рева мотоцикла. Кто бы это мог быть? Здесь, на Летраше, даже в полдень редко можно видеть человека, а мотоцикл нельзя и представить в дремучих лесах Бюкка. Вдобавок еще в такой ранний час!

Но мотоцикл приближался прямо к нашему хорошо спрятанному биваку по покрытому росой лугу. Возле деревьев он остановился. Вот в хижине чувствуется неприятный запах бензина, и затем в дверях появляются двое полицейских.

- Доброе утро! Здесь Якуч? Именем Государственной полиции предлагаю выйти!

На столь приятное приглашение я выскочил из кровати прямо в одной пижаме и, дрожа из уважения к прохладному бюкскому утру, вышел из домика.

- Доброе утро! Что случилось?

Двое полицейских, смерив меня взглядом, начиная от взъерошенных волос до топчущих траву босых ног, и не удостоив ответом, предложили предъявить документы.

Доброе утро! Что случилось?..

Мои товарищи, словно птенцы, высунули головы в дверь.

- Одевайтесь, прошу вас, побыстрой и садитесь на мотоцикл, поедете с нами!

Я не мог сообразить, в чем провинился, но счел более разумным не задавать вопросов, раздражая этим еще больше немногословных блюстителей порядка. Я сел.

Сидя в раскачивающейся коляске мотоцикла, я грустно оглядывался на прекрасный летрашский луг и, когда мы доехали до шоссе, все же набрался храбрости и снова спросил:

- Вы видите, я не сопротивлялся. Сразу же после вашего приглашения последовал за вами, как и подобает порядочному гражданину. Теперь я уже никак не могу сбежать из этой летящей лады. Не могли бы вы мне сказать, какое я совершил преступление и куда вы меня везете?

- Едем на Лиллафюредскую заставу. Доставим начальнику участка. Мы ничего не знаем. Нам дали приказ вас доставить. Вам этого достаточно?

- О, конечно! Нет большего наслаждения, как ранним утром мчаться на прекрасном мотоцикле и наполнять легкие озоном.

Начальник участка, улыбаясь, протянул руку. Мы познакомились.

- Не сердитесь, что я так рано побеспокоил вас, но вы должны нам помочь. В Хамори паника, уже вчера после обеда вся деревня начала бить тревогу и лихорадочно упаковывается. Вы знаете, идет зеленая вода. Они божатся, а священник подтверждает, что это бог послал предупреждающий знак. Завтра вспыхнет по всей земле уничтожающая война. Сейчас же идемте в деревню! Объясните им дело ваших рук. Мои люди будут охранять вас от "народного суда".

Теперь я понял все. Большой ошибки и нельзя себе представить. Нужно было под барабанную дробь²⁸ объявить народу о предстоящем эксперименте. А теперь мне придется быть "пророком" своих собственных действий.

До позднего вечера мы разговаривали с народом на хаморских улицах. Но добиться полного примирения и немножко успокоить жителей бюккской деревни я смог только тогда, когда на полицейском мотоцикле привезли из Летраша банку с флуоресцеином и перед собравшейся многочисленной толпой желтым порошком я снова окрасил в зеленый цвет Синву.

ПРОГНИВШИЕ ВЕСЛА

В шестистах метрах на восток от нашего летрашского жилья и всего в двухстах метрах к югу от яворкутского шоссе между густыми кустами зиял темный низкий вход в пещеру, на которую обратил наше внимание Лаци Гера. В него стекал небольшой ручей. Тотчас после переселения на Летраш мы подкрасили флуоресцеином воду этого исчезающего ручья, а через девять дней двумя километрами севернее понора в источнике Маргит долины Гарадна показалась зеленая вода. Сомнений нет: маленький скрытый от глаз вход в пещеру ведет в неизвестную подземную карстовую водную сеть, питающую источник Маргит. Судя по дебиту источника и по величине карстовой водосборной площади, определенной нами при помощи окраски воды, я решил, что данный понор - ключ к одной из самых больших пещерных систем гор Бюкка.

Те разговоры, которые мы вели с местными углежогами и горными чабанами, вселили в нас еще большую надежду о наличии здесь пещер. Мы узнали много интересного. Трое нам рассказали (а эти трое не были знакомы друг с другом), что никто из тех, кто спускался в пещеру, не вернулся обратно. Эта дыра пользовалась плохой славой.

Остерегайтесь ее! Внутри горы есть страшное бездонное озеро. Широкое и длинное. Каких оно размеров, никому не известно, потому что где-то в середине "черное клокотание" всегда проглатывало лодки и сидящих в них. Туда и ведет тоннель пещеры.

Находились и раньше охотники пройти через всю пещеру. Впервые попытались это сделать сто лет назад. Жил один зажиточный человек в Омашше, некий Янош. Он всегда стремился к недоступному. Вот бог его и покарал. Услышав о подземном озере, он в один прекрасный день изготовил с деверем лодку, обтесал короткие весла, и, помолившись, они отправились на поиски неведомого. Три дня ждали их у входа в пещеру, но тщетно.

Через три дня сыновья Яноша да еще двое искусных мастеров по обжигу извести сколотили новую, крепкую лодку и с длинными веревками и факелами отправились на поиски исчезнувших. Но озеро и их проглотило. Новых охотников, осмелившихся спуститься туда, с тех пор не находилось.

Я попробовал осторожно вывести у длинноусых стариков, откуда они знают о подземном озере, если еще никто не возвращался оттуда, но все понапрасну. Они только упорно продолжали утверждать, что озеро там есть и оно больше Хаморского, а в середине его смертельное "черное клочкотание".

Возможно, говорили они, вы будете счастливее первых исследователей пещеры. Может быть, случайно найдете их скелеты и лодки, но мы очень боимся, чтобы и с вами не случилось беды. Ведь те тоже верили в свои силы и в свою ловкость, как и вы сейчас, и все же погибли!

После такого "оптимистического" разговора мы, конечно, тут же начали приготовления к разведке пещеры: доставили лестницу к входу в понор, привели в порядок карбидные лампы и, не имея с собой даже лодки, очень осторожно вползли в каменный вход.

Из полутемного вестибюля пещеры направо и налево имелись два узких хода; позднее мы установили, что немного глубже они снова соединяются. Мы продвигались вниз по правому узкому коридору и вскоре попали в широкую расселину, на дне которой журчал ручей. По направлению его течения пошли дальше. В нескольких местах вода падала двухметровыми каскадами, разбрызгиваясь в лежащем ниже озерке. Осторожно сползли вниз. При спуске наша одежда промокла до нитки. Однако подземный мир был настолько таинственным и жутким, а страшный гул воды и завеса мелких брызг так усиливали это впечатление, что в пылу исследовательской лихорадки мы совершенно забыли об ощущении холода от ледяной воды.

Вправо и влево от тоннеля, по которому шло русло основного потока, ответвлялись ходы. Они очень скоро кончались обвалом или пробкой из глины, а у нас не было никакого желания их откапывать для дальнейшего исследования. Очевидно, эти ходы имели связь с поверхностью до того, как были закупорены глиной.

Дальше ручей приблизился к краю глубокой пропасти, откуда снова слышались звуки падающей воды. Зал пещеры был здесь уже настолько большим, что идти каким-то иным путем, чем тот, который выбрала вода, не могло быть и речи. Нужно спускаться в шумящем водяном потоке по веревочной лестнице.

Здесь между каменными стенами мы нашли сваи, вбитые еще

С первых метров на мою голову обрушился очень холодный поток воды

раньше Лаци Герой и его товарищами. Укрепили за них лестницу и затем спустили ее свободный конец в водопад. Кажется, наша двадцатипятиметровая лестница достигла дна нижней пещеры, но точно мы не могли это утверждать. Здесь у нас не было возможности определить глубину по звуку брошенного камня, так как любой звук подавлялся мощным гулом воды. Привязанный к веревке камень, который мы использовали для прощупывания дна, настолько сильно вздрагивал от бурного потока, что и таким способом мы ничего не измерили. Стало быть, нужно спускаться в неизвестное.

Геза и Костельник держали страхующий канат, а Мутюш, склонившись над пропастью, стремился осветить хотя бы первые шаги моего

пути. Я погасил свою лампу, ощупал в кармане зажигалку и, еще раз основательно все продумав, начал спуск. С первых метров на мою голову обрушился очень холодный поток воды, а лампа Мутюша оказалась абсолютно бесполезной. Зажмурив глаза и открыв рот, стараясь схватить побольше воздуха, я со всем вслепую, перебирая ногами, искал ступеньки раскачивающейся лестницы. С каждым метром поток воды бил меня все сильнее и сильнее, требовались нечеловеческие усилия, чтобы удерживаться на скользких ступеньках лестницы.

Однако спуск проходил неожиданно быстрыми темпами. Судя по пройденному числу ступенек, я уже висел в черной пропасти на глубине по крайней мере двух этажей, как вдруг прямо под собой услышал шум нижней части водопада. До сих пор я его не слышал, так как был оглушен гулом падающего на мою голову водяного потока. Теперь мне удалось пробиться к его краю, и здесь, в стороне, хорошо слышался шум воды. И действительно, еще два метра спуска - и я стоял на дне по колону в пенящейся воде.

Конечно, первым делом нужно было осторожно, на ощупь отойти подальше, где меня не будет больно хлестать падающая вода. Пройдя несколько шагов, я смог спокойно отдышаться и подумать о том, что неплохо бы зажечь лампу. С моих волос и с одежды все еще ручьями стекала вода, добрая буюкская карстовая вода. При помощи зажигалки мне удалось разжечь карбидную лампу. Она осветила большой грот, в одном из направлений которого шел, полого спускаясь вниз, коридор. Ручей тоже тек в этом направлении. Я был приятно поражен, увидев пещеру такого большого размера, - значит, мы можем беспрепятственно продвигаться вглубь.

Правую стенку зала и коридора составляла интересная слоистая сланцеватая порода розового цвета, а левая, так же как и потолок, казалась сложенной из известняка. Этот отрезок пещерной системы образовался в плоскости тектонического разрыва на стыке известняков разного характера, светлого, составляющего главную массу Буюкского плато, и сланцеватого с красивой резьбой, содержащего в себе кремень.

Для восторгов и подробных наблюдений, однако, не было времени. Мои товарищи с беспокойством раскачивали наверху лампами. Они мне, по-видимому, кричали, но я не слышал ничего из-за шума воды.

Теперь я узнал на практике, что такое глинистый сифон

Взмахом лампы я дал им знать, что отвязал страхующую веревку и теперь может спускаться следующий. Конец веревочной лестницы я вытянул из потока воды и несколькими метрами дальше привязал наклонно к скале с тем, чтобы моим друзьям не пришлось "путешествовать", находясь под ударом обрушивающейся на голову воды. И все-таки каждый, достигающий дна, промокал до нитки. Однако на это никто не обращал внимания, и мы терпеливо ждали последнего, чтобы идти дальше.

Наклонный коридор повернул налево, и ущелье со сланцеватой породой осталось позади. Стены и потолок пещеры были теперь везде из гладкого белого известняка. Голые же камни, составлявшие пол, сменились песком и илистой глиной. Вода бегущего с нами ручейка стала постепенно исчезать в рыхлых осадках, и вскоре мы уже продвигались по сухому коридору. Наступила гробовая тишина. С волнением продвигались мы вглубь по крутому неизведанному подземному пути.

Наш разведывательный путь, к сожалению, продолжался недолго. Каменный потолок опускался все ниже и ниже, и вскоре мы остановились перед глинистой пробкой. Коридор кончился. Картина, знакомая по университетским лекциям. Теперь я узнал на практике, что такое глинистый сифон.

Группа была удручена. Как, это все? Дальше ничего нет? Около получаса справа, слева, позади себя искали мы какой-нибудь обходный путь. Однако пещера весьма безжалостно приводила к одному и тому же месту - закупоренному концу коридора. Мы уже основательно продрогли, и было бы лучше вернуться на поверхность. Я решил, что в скором будущем мы начнем раскапывать этот забитый глиной участок. Я верил: глинистая пробка тянется метра два-три, а затем можно будет идти по коридору дальше. Мы улыбались, вспоминая слышанные сказки о подземном озере, о веслах и лодках, о скелетах, и не придавали никакого значения этим народным преданиям.

* * *

Четыре дня назад примчались Гера и Мутюш с хорошей вестью: текущий в поноре ручей настолько спал, что вода не задевает нашей лестницы. Водопад исчез. Это было очень важно, так как давало возможность сухими достигнуть конца пещеры, то есть дойти до глинистого сифона. Мы тотчас начали готовиться к раскопкам. С тех пор беспрерывно и днем и ночью в три смены продолжалась работа, тем более что у нас появились новые помощники.

Численность отряда дошла уже до двадцати одного человека. Приехал Бела - брат Дуци Костельника - будущий учитель русского языка. Если бы все спали одновременно, то не умещались бы в палатке. Приходилось спать по два человека на кровати. В ночную смену проблема жилья разрешалась легко.

Мы уже продолжили в заполненном глиной сифоне восьмиметровый ход. Вначале потолок опускался все ниже и ниже, но теперь он стал горизонтальным.

Может быть, он скоро станет повыше, и мы пройдем через этот неприятный участок?

На днях приехала к нам в лагерь Вера. Мутюш заманил ее на должность "шеф-повара". С тех пор с Мутюшем прямо сладу нет. На радостях он бросил в костер свою трубку, а потом стал клянчить у меня мою московскую. Я обещал подарить ее, если он отрастит такую же красивую бороду, как у человека на моей трубке. Мутюш согласился и тут же подарил кому-то свою бритву. Возможно, я дал легкомысленное обещание.

* * *

2 августа было знаменательным днем. Утром стало ясно, что скоро мы попадем в продолжение пещеры. К полудню пробили наконец сифон и один за другим вползли в коридор со стенами, покрытыми белыми сталактитами.

Из очень маленького зала мы пробрались ползком через узкий проход в следующий и здесь уже в полный рост могли свободно продолжать нашу разведку пути. В этом походе приняли участие все члены экспедиции. Какое-то необыкновенное чувство охватило нас, когда шли по местам, где еще не ступала нога человека!

Конец нового зала снова закрыл глинистый сифон. Мы сразу же приступили к его раскопке. Меняясь, нетерпеливо подгоняя друг друга, мы прорыли отверстие под нависающей скалой у самого потолка сифона и смогли вползти в него не смотря на то, что оно было крайне узким.

Геря первый с трудом протискивался вперед, а мы его подталкивали сзади. Метра через три он попал в очень низкий треугольной формы каменный проход. Наконец он выбрался из Треугольника в большой зал - путь стал снова свободным. Вслед за Герой я тоже протиснулся в страшно узкое с выступающими углами каменное отверстие. Надо сказать, здесь было значительно труднее, чем в проходе "Винкли" большого грота Шоймарской пещеры. Сзади двое упирались в мои ступни, и вот я благополучно выползаю. Следующим значительно легче: мы протаскиваем их через Треугольник, ухватив за запястья.

Огромное воодушевление. Широко раскрытыми от удивления глазами смотрим на раскрывающиеся перед нами тайны подземелья. Голоса и крики эхом отдаются из мрака.

Коридор расширяется. Здесь уже потолок не опускается, а, наоборот, как будто поднимается. Входим в большой грот. Потолок его высотой метров в десять. На желтых каменных стенах отсвечивают блестками натеки. Великолепное зрелище!

Группа разошлась. Здесь начиналось много коридоров, одни из них шли вверх, другие простирались горизонтально. Ничего себе лабиринт! Каждого от внутреннего волнения пробивает дрожь. И вдруг раздался крик Мутюша. Его голос звучит хрипло и необычно.

- Идите сюда! Скорей! Посмотрите-ка! Что это на стене? - Все бросились к нему. Мы стояли ошеломленные. Несколько мгновений не могли вымолвить ни слова. На высоте двух метров на одном из выступающих карнизов каменной стены мы увидели то, от чего не могли отвести взгляда. От ужаса по спине пробежал холодок. Там лежали грубо отесанные прогнившие весла с короткими ручками.

Я, пожалуй, первый пришел в себя. Снял одно из весел. Оно тотчас раскрошилось. Среди превратившихся в труху волокон ползали короеды. Но ни озера, ни лодки здесь не было. Может быть, они за новым глиняным сифоном?

Таинственная тишина пещеры не дала ответа на этот вопрос. С неприятным ощущением мы подошли к месту, где нужно было продолжать раскопки. Мы хотели достигнуть озера и "черного клокотания". Да, теперь уже никто не сомневался в том, что народное предание было действительностью. И не создадим ли мы его продолжение? Кто знает?

* * *

Я считаю, что поступлю справедливо по отношению к читателю, если забегу вперед и скажу: загадка весел до сих пор не разгадана. Да и озера тоже. Кто-то действительно побывал в пещере до нас, в этом нет никаких сомнений. И побывал тогда, когда прорытые нами участки не были еще загромождены наносами. Но у нас уже не было больше времени продолжать поиски, а я с тех пор в этой загадочной пещере так и не побывал. Однако дальнейшие исследования здесь представляют несомненный интерес, и я предлагаю тем, у кого есть желание и силы, заняться поисками ключа к одной из самых волнующих загадок гор Бюкка.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Бюкк удивителен! Чем больше смотрю и глубже проникаю в его тайны, тем больше загадок ставит он передо мной. К таким загадкам относятся и бюккские пещеры. Мы провели успешно уже полный цикл окраски воды, но все еще почти ничего не знаем о них. Воды, уходящие в яворкутский и болхашретские поноры, так же как и банкутские и чепешкутские, появляются снова на поверхности в омашшском источнике Гарадна. Стало быть, довольно точные контуры карстовой водосборной площади источника Гарадна были найдены. Флуоресцеин показал также территорию карстового бассейна родников Маргит и Шебешвиз. Окраска воды источников пещеры Анны прошла, однако, с большим трудом. Не хотели они окрашиваться - и все! Но источники должны ведь брать откуда-то свое начало?

От яворкутского понора до источника пещеры Анны вода проделывала свой путь за восемь часов. Правда, мы ее поторопили, послав вслед за ней всю воду яворкутского озера. От Банкута в неизвестном направлении пять дней продолжалось ее таинственное блуждание. Окраска обошлась в килограмм флуоресцеина. Еще счастье, что в это время я получил от Института геологии новую порцию; впрочем, едва ли бы я мог без нее продолжать в таких больших масштабах "допрос" гор.

Однако теперь мне совершенно ясно, что под Бюкком нет предполагаемой единой системы пещер, а есть лишь изолированные друг от друга довольно обширные сети подземных пустот. Сколько их? По крайней мере восемь больших и неизвестно сколько маленьких. К каждому большому бюккскому карстовому источнику прилегает пещера. Только эти пещеры меньшего размера, чем пещеры Аггтелек, так как в их образовании никогда не участвовала эрозия с помощью кварцевого песка, а она играет огромную роль. Окраска воды дала возможность теоретически обосновать существование и разграничение пещер, но на практике они еще не были разведаны.

Вопрос открытия бюккских пещер был настолько интересным, что я решил в самое ближайшее время написать об этом специальную статью в вестник Института геологии. Я хотел заинтересовать наших спелеологов перспективой увлекательнейших открытий.

Быть может, другим с успехом удастся сделать то, на что у меня не было ни времени, ни возможностей. Ведь проклятый источник пещеры Анны отнимает у нас вот уже пятый день!

Собственно говоря, мы только тогда впервые обратили внимание на странное помутнение внешнего источника пещеры Анны, когда после окрашивания Синвы наблюдали за ним продолжительное время. С тех пор как я окрасил воды болота Фекеташар и пещеры Иштвана, мы днем и ночью ждали появления в источнике зеленой воды. Нам так часто приходилось встречаться с этим таинственным помутнением, что оно стало проблемой более волнующей, чем вопрос происхождения источника.

В самом деле, странно было видеть, как в одну минуту кристально чистая вода пещерного источника превращается в желто-коричневую и как эта кипящая илистая масса через тридцать-сорок секунд снова становится абсолютно прозрачной.

Явление совершенно непонятное. К тому же помутнение появляется не в определенное время, а всегда совершенно неожиданно. Иногда полдня ничего не происходит, а ночью в течение какого-нибудь часа раз пять поднимается из глубокой воронки коричневое облако ила. Иногда, наоборот, ночь проходит спокойно.

В течение пяти дней, непрерывно меняясь, мы круглые сутки сидели у источника, не отрывая от него глаз, и ждали появления мути, чтобы разгадать секрет. Но до сих пор мы не продвинулись ни на шаг вперед.

Странно и то, что с появлением мути не происходит ни малейшего изменения в дебите источника. Взяли для пробы на химический состав мутную и чистую воду. Сравнили. Никакой разницы. На дне бутылки с мутной водой довольно быстро образовался рыхлый бурый осадок, а вода в течение нескольких минут снова стала чистой. По заключению нашего химика Тамаша Манди, рыхлый осадок состоит в основном из коллоидных частиц гидроокиси железа. Ну и что же? Это нам все равно ничего не дало.

Меня очень раздражало, что я никак не могу сдвинуть с места решение данного вопроса. Злит, что столько драгоценного времени пропадает на расследование одной проблемы. Однако теперь я уже не могу оставить дело на полпути и не довести его до конца.

Мои мальчишки очень серьезно огорчены тем, что после находки весел мы прекратили дальнейшее исследование Летрашской пещеры, и теперь я заставляю их бесполезно проводить время. Но что я мог поделать?

Я должен проникнуть в суть этого явления. Нет ничего хуже, когда природа наделяет человека таким беспокойным и неугомонным характером. Однажды, будучи еще школьником, я поплатился за него, когда сидел над сборкой дьявольски сложного замка и мои родители в течение двух ночей даже силой не могли меня уложить в постель.

В воскресенье я обещал дать всем выходной. Кто пойдет в Мишколец, кто в Тапольцу, кто купаться, кто гулять с девушками, кто будет спать с утра до вечера.

Таким образом, в течение двадцати четырех часов я буду единственным дежурным в пещере.

А вдруг повезет? Приобретение лотерейного билета тоже обычно начинается этим оптимистическим возгласом.

* * *

Вот уже восемь часов сижу в сыром коридоре пещеры. Восемь часов смотрю на бьющий ключом и почти неподвижный чистый источник. Время от времени наливаю воду в карбидную лампу, но и тогда не спускаю глаз с расходящейся кругами зеркальной глади воды. Ужасно утомительно однообразное сидение в сумерках. Никаких происшествий. Вода ни за что на свете не хочет мутнеть. Проходят минуты. Проходят часы. Начинает сосать под ложечкой.

И вот как раз, когда я подумал о том, что нужно бы встать и немножко поразмяться, в воде источника появилась черная змея. Ошеломленный, смотрю на происходящее. Хорошо ли я вижу? Может быть, рябит в глазах? Нет, она действительно там, прямо предо мной, в каком-нибудь метре. Сначала было видно лишь сантиметров пять ее хвоста. Она спокойно, степенно размахивала им. А затем появилась из темного отверстия уже на десять сантиметров. Похожа на все утолщающуюся черную палку. Почти вертикально стоит в воде. Но это не змея, а форель. Теперь ее очень хорошо видно.

Вот уже восемь часов сижу в сыром коридоре пещеры

Как она попала под землю? Тянусь за лампой, чтобы лучше рассмотреть, но молниеносное движение - и рыбы нет, исчезла в таинственном каменном отверстии источника. Я еще не пришел в себя от изумления, вдруг вода стала коричневой, как кофе, а через полминуты снова оказалась чистой.

Догадка осенила меня. Я вскочил и бросился из пещеры. Ломаю в кустах длинную тонкую палку. Очищаю ее от листвы и снова бегу в пещеру, к источнику. Плещется чистая вода. Втыкаю палку глубоко в каменный проход. Тотчас за клубилось облачко кофейного цвета. Я начинаю понимать. Так вот для чего нужно было проводить нам здесь столько дней и ночей?! Проклятая форель! Так шутить над серьезными людьми, это слишком! Сколько раз в темноте она натывалась на стены источника, сколько раз приносила с собой илистый осадок, а из глубины появлялась вода цвета кофе.

Вот как выглядит порой неожиданное открытие, когда человек стремится проникнуть в тайны природы. Случается, однако, что оно выглядит и по-другому. Как? Об этом я тоже могу рассказать.

Мы снова начали исследование лиллафюредской пещеры Анны.

Созданные природой первичные пустоты пещеры Анны были открыты и соединены искусственными ходами. Эти коридоры образовали запутанный лабиринт входов и выходов под гостиницей "Палота", и нужна была большая настойчивость, чтобы во всех них разобраться.

Однажды внизу заброшенного хода мы нашли оставленный кем-то большой лист железа. Так как в прежних описаниях пещеры Анны о листе никогда не упоминалось и старые экскурсоводы тоже не смогли дать о нем никаких объяснений, мы возились с ним до тех пор, пока в конце концов не подняли.

К нашему великому удивлению, мы обнаружили под ним ведущий вглубь вертикальный колодец. Будучи не из ленивых, мы тотчас же спустились в него. В узком с осыпающимися стенами колодце мы смогли проползти вниз только четыре метра. От дна шел очень низкий, проходимый лишь на четвереньках, да и то с большим трудом, горизонтальный ход, казавшийся весьма опасным. Затаив дыхание, преследуемый жаждой новых открытий, я по-кошачьи крался вперед в тоннеле с осыпающимся то тут, то там потолком. Мои товарищи с волнением ползли следом за мной в непроницаемую тьму по таинственному подземному пути. Полыхающее пламя карбидной лампы излучало тусклый желтый свет...

Поворот следовал за поворотом. Мы были вполне убеждены в том, что обнаружили тайный подземный ход старых бюккских бетяров, о которых слышались столько страшных сказок у вечерних костров от старых горных чабанов, приходивших к нам в лагерь.

- Эх, старик Видроцкий, наверно, жарко тебе было здесь таскать свои награбленные сокровища!

Так и оказалось.

Перед нами предстала небольшая проржавленная кованая железная дверь с затейливым узором. За ней виднелась просторная пещера. Старинную решетку трудно было сдвинуть с места. Сменяя друг друга, мы работали по крайней мере в течение двух часов изо всех сил. И не напрасно: наша работа увенчалась успехом. Дверь открылась, путь в сказочную кладовую сокровищ был свободен.

За дверью виднелась просторная пещера

Позже, когда мы остыли от лихорадки поисков, то поняли, что "открыли" знаменитый винный погреб известной гостиницы "Палота". Ну не удивительна ли история и этого открытия?

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С МУТЮШЕМ ВО ВРЕМЯ ЛЕТРАШСКИХ ПОИСКОВ

Таинственного озера Летрашской пещеры мы так и не нашли. Глинистый сифон, с раскопкой которого мы мучились в течение двух недель, оказался длиннее, чем мы рассчитывали. А сегодня, 13 сентября, пришел приказ из Института: исследовательские работы необходимо заканчивать, экспедицию свертывать и возвращаться обратно в столицу.

В день отъезда даже погода разделяла нашу грусть. Над Бюкком плыли низкие серые облака. Небо плакало. Я расплатился со своими верными друзьями, потом мы посоветовались, как вынести из пещеры оборудование, как упаковать его и, наконец, о мучительном для нас переезде.

Не помню, чтобы я переживал когда-нибудь более горькие мгновения. Оставить все, когда, можно сказать, ключ к тайне был уже найден.

Мы были очень расстроены. С грустью отправились последний раз в Летрашскую пещеру. Теперь нами двигала не теплившаяся надежда, а чувство долга и необходимость эвакуации оборудования.

Конец лету, конец ночам с пылающими кострами, конец веселым песням Мутюша, от которых у него колыхалась борода, конец ужинам из диких кабанов. Начинался период воспоминаний. Приближалась зима.

Привычными движениями мы машинально спустились по веревочной лестнице в зал давно высохшего водопада. Тогда мы еще не подозревали, что во время этого последнего спуска нам придется пережить нечто такое, что сделает поистине незабываемым конец бюккского лета.

Весь инструмент собирали в конец пещеры. Нас было четверо. На каждого приходились заступ, лопата, кирка и по одному ведру. С огромным трудом с тяжелой от глины ношей пробирались по узкому Треугольнику и другим местам.

Полтора часа прошло, пока мы снова достигли лестницы. Ужасно устали. Борода Мутюша слиплась от желтого ила. Дюси Мартон выполз первым, и мы попросили его, чтобы он спустил страхующую веревку; мы привяжем ведра, лопаты, и потом он вытянет весь груз к себе. За инструментами последует Мутюш. Он сумеет выбраться без страховки. Оттуда уже легче идти к выходу на поверхность. Дюси Мартон, не дождавшись пока Мутюш достигнет конца лестницы, отправился с тяжелым грузом к выходу. Обе лампы остались в пещере, одна была у Мутюша, вторая у меня. Значит, теперь нужно было взбираться по лестнице Гере. Однако подняться ему не пришлось..

Ругаясь на все лады, Мутюш сообщил нам, что забыл в глиняном сифоне свои часы. Если мы хорошие друзья, то не будем выбираться наверх, а вернемся обратно и принесем ему часы. Он настолько устал, что еще раз спуститься и снова взобраться по лестнице уже не сможет. Он будет ждать здесь нашего возвращения. Конечно, он не хочет, чтобы мы ползли по рискованному пути с одной лампой.

- Подождите, устраюсь поудобней и брошу лампу! Час-другой просижу и в темноте. Так, смотрите! Вот подходящее место! Отойдите в сторону, только зацеплюсь ногой за лестницу и кину лампу. Берегись! Бросаю!

Ругательства, видимо, прилипчивая болезнь. Мутюш вылечился, теперь заболели мы.

- Черт подрал бы твою проклятую рассеянность! - вздыхал Гера. - Ей-богу, ты заслуживаешь, чтобы мы тебя протащили за бороду по всей пещере!.. Вот глупец! И сейчас еще лампой чуть не убил наповал!

Выхода не было. Нужно было ползти назад. Как мы ни устали, но не могли все-таки оставить в пещере дорогие наручные часы. С двумя карбидными лампами мы вернулись обратно, а Мутюша на краю двенадцатиметровой пропасти окутала зловещая мгла...

Сначала он наслаждался тишиной и тем, что может отдохнуть. Потом ему захотелось спать, и он начал клевать носом. Вы даже представить не можете, как он спит - прямо замертво. Ему приснилось, что он в хижине отдыхает на двухъярусной кровати, наверху. Видеть сон о сне - редкое явление. Ну так Мутюшу ведь не привыкать к приключениям! И вдруг он почувствовал, как кровать его сбрасывает и он летит, летит... Однако это была не кровать... С карниза он падал головой вниз в пропасть, в мрачную каменную могилу... Перед падением он на секунду пришел в себя, но было уже поздно. Он хватался руками за воздух, но, увы!.. опоры не было. Почувствовал страшную боль в ногах, потом все кончилось, в пещере наступила мертвая тишина...

Тяжело дыша, мы с Герой пробирались к глиняному сифону. Часы Мутюша на самом деле тикали там. Они показывали десять минут третьего. Завернув их в носовой платок и осторожно положив под шапку, мы начали с трудом протискиваться по узким проходам по направлению к веревочной лестнице. Обратный путь занял у нас не менее получаса.

На расстоянии всего пятидесяти метров от лестницы Гера Лаци первым услышал странные звуки. Страшные, отрывистые стоны раздавались то слабее, то сильнее. Они доносились со стороны веревочной лестницы. То, что их издавал Мутюш, мы смогли понять только тогда, когда вплотную подошли к лестнице. Страшная картина открылась нашему взору. Над нами на головокружительной высоте головой вниз с посиневшим лицом висел несчастный Мутюш, зацепившийся ногами за ступеньки лестницы, и ревел во всю мочь, издавая какие-то нечленораздельные звуки. От неожиданности мы не могли понять, что могло случиться, как он попал в такое положение? Потом начали лихорадочно думать, как помочь. Попробовали взобраться на лестницу, наш несчастный друг застонал еще сильнее. Положение трудное. Снизу помочь ему было совершенно невозможно. А стоило Мутюшу только освободить ноги, как он мог найти верную смерть на дне зала.

Но ведь этого нельзя было допустить! Если уж он так страдает, то должен вынести и веревочную лестницу, которая под тяжестью нашего тела страшно врежется ему в ноги.

Помочь ему, однако, можно было только сверху.

Наступили ужасные минуты. Первым взобрался на лестницу Гера, как более легкий из нас. Сердце разрывалось от звериных криков Мутюша. Но что поделаешь, ничего другого придумать было нельзя. О, сколько бы я отдал за то, чтобы избежать этого! И надо было несчастью случиться именно в последний день! Сердце готово выскочить из груди. Ох, только бы все сошло благополучно, только бы сошло!

Над нами на головокружительной высоте
с посиневшим лицом висел несчастный
Мутюш

Когда Гера добрался до юноши, тот затих. Руки, которыми Мутюш размахивал, теперь безжизненно висели. Он потерял сознание от боли. Лаци работал молча, очень ловко. В полумраке снизу я едва мог различать его движения. Он взобрался по лестнице к беспомощно висящему телу и, как только вступил на каменный карниз, тотчас же зажег погасшую во время подъема лампу. Я слышал только его отрывистое дыхание и не говорил ни слова, не хотел мешать своим криком.

В нервном напряжении проходят минуты. Наконец слышу Геру:

- Привязал его к веревке! Влезай, Лацика, быстро, я один не могу его поднять. Смелей, смелей! Я уже вытащил из лестницы его ноги.

Я вскарабкался в одно мгновение. Добравшись до Мутюша, осветил его лицо. Открытые, остекленевшие глаза. Вздувшиеся жилы и ручьями струящийся пот. Грязные капли текут с шеи на лицо, оттуда стекают по бороде. Но дышит - значит, жив.

Изо всех сил, но осторожно потянули веревку. Через полминуты Мутюш уже лежал у нас на руках.

Я быстро собрал со стены холодные комки илистой грязи и за неимением воды стал гладить ими Мутюша по лбу. Вскоре он зашевелился и пришел в себя. Сразу же начал плакать. Нельзя было ничего от него толком добиться. Словно рассудок потерял. Нервы сдали. Мы с Герой едва смогли с большим трудом вытащить его на поверхность. Потом положили перед входом в пещеру на траву и из лужи, образовавшейся в русле полувysохшего ручья, дали ему наконец напиться. Он немножко успокоился и тотчас заснул, глубоко и спокойно. Геру я отправил в лагерь, чтобы он принес аптечку и привел товарищей.

Только теперь нашлось у меня время осмотреть нашего раненого. Я расшнуровал ботинки, но не смог снять их с распухших ног.

Перочинным ножом пришлось разрезать верхнюю часть ботинок. Мутюш спал так глубоко, что даже не вскрикнул. Наконец ботинки удалось стащить. Обе ноги затекли, а на ступнях виднелись лилово-красные полосы. Ни открытой раны, ни перелома я нигде не обнаружил. Ботинки оказались неплохой защитой.

Со скалы я снял мох и обернул им его страшные ноги, каждые две-три минуты поливая мох холодной водой. Вскоре прибежали все члены экспедиции. Мы быстро соорудили носилки из палок и натянутых на них пиджаков. Так несли мы спящего Мутюша до летрашской хижины. Спустя некоторое время сменили мох на влажный компресс и смыли с лица налипшую грязь. С тревогой следили за его дыханием.

Через час он пришел в себя. Теперь уже не стонал, в глазах промелькнуло знакомое нам выражение. Он удивленно посмотрел на нас, потом произнес:

- Дайте мою трубку! Вы разве не видите, что у меня ее нет во рту?!

* * *

Три дня ушло на выздоровление Мутюша. Пришлось нам задержаться. Немного хромая, причитая и кряхтя, он все же на собственных ногах дошел до станции.

Мы сели в вагон лиллафюредской узкоколейки и начали прощаться друг с другом. Обменивались адресами. Давали клятвы в вечной дружбе и бог знает еще в чем!

Неужели эти клятвы окажутся настолько сильными, что спустя долгие, долгие годы они снова соединят нас в одну семью?

Не думаю. Не они. Узами неразрывной дружбы связало нас пережитое во время незабываемых, богатых событиями дней экспедиции, а также тысячи тайн, тысячи сказок дремучих лесов Бюкка и полыхающее пламя карбидных ламп...

В ГЛУБЬ ВЕНГЕРСКОГО ПЕЩЕРНОГО ЭЛЬДОРАДО

ПЕРВАЯ ОКРАСКА ВОДЫ ПЕЩЕРЫ АГГТЕЛЕК

Восьмого января 1952 года в моем рабочем кабинете Института геологии раздался телефонный звонок. Говорил инструктор секции географии и геологии Общества естественных наук Янош Жиди.

Он сообщил, что Общество просит меня написать научно-популярную книгу о сталактитовой пещере Аггтелек. Иллюстрациями они меня обеспечат. Ответ нужно дать немедленно и сразу же заключить договор с издательством "Образование", потому что книга должна быть написана за два месяца и раздумывать нет времени.

- Неужели, дорогой Жиди, ты не мог сказать об этом раньше? Несомненно, тема мне по сердцу, но все же большая смелость просто так с бухты-барахты приступить к написанию книги. Ты не считаешь?

- Ах, старина, здесь нечего раздумывать, - слышу я голос Жиди. - Или ты берешься, или я вычеркиваю ее из плана. Ведь не какой-то громадный том от тебя требуется, а лишь небольшие обобщения, максимум два-три листа научно-популярного текста, иллюстрации - и готово. Ты еще не был в отпуске? Ну, вот видишь, бери его и поезжай в Аггтелек. В течение двух других недель присмотришь, дополни свои прежние записи, изучи ранее написанное об этой пещере, и у тебя еще останется целый месяц для написания книги. Я действительно не вижу здесь никакой проблемы. Впрочем, я могу выдать один секрет: профессор Вадас посоветовал обратиться с данным поручением только к тебе. Ты же не захочешь его подвести?

Жиди был великим мастером агитации. Дав мне понять, что никаких серьезных доводов против его предложения я привести не могу, он решил через полчаса быть у меня в Институте геологии и передать иллюстрированный материал книги.

- Он послужит тебе хорошим сырьем. Сразу захочется писать, когда увидишь! Конечно, ты сможешь использовать дополнительно и свои фотографии, а из наших кое-что выбросить, но это ты уже сам будешь решать.

Можно ли было возражать? В тот же день после обеда я подписал договор. Ну, а теперь мне не остается ничего другого, как ломать себе голову над тем, как из этих картинок к 10 марта сделать книгу.

6 февраля я приехал в Йошвафе. Сказочно красивые окрестности толстым слоем покрывал снег. В конторе гостиницы мне оказали такой любезный прием, что я моментально забыл о трудностях зимней дороги. В гостиницу "Морской глазок" (Тенгерсерем) был недавно назначен новый директор - Янош Бронштейн. Мы познакомились, и я сразу же понял- гостиница, которая была в ведении ИБУСа³⁰, получила в лице Яноша очень хорошего работника. Никогда гостиница не была такой уютной, как теперь. Паркет блестел, в вазах стояли вечнозеленые растения, в печке весело полыхал огонь, обслуживающий персонал предупредителен и внимателен. Все это казалось несколько необычным после моих прежних посещений Йошвафе.

* * *

В течение четырех дней с утра до вечера ходил я по пещере. Незабываемо величествен мир Барадлы! Я сделал много записей. Сопровождал меня в пути старый экскурсовод Андраш Регец, удивительно сердечный человек. Он не боялся вползать со мной в самые узкие ходы пещеры, несмотря на свои семьдесят лет. И никогда не жаловался на усталость. Поэтому я предложил сделать сегодня день отдыха.

Теперь по крайней мере я мог немножко посидеть над записями прежних исследователей. Еще в 1832 году Имре Ваш опубликовал научно-популярную книгу о пещерах. Были у меня работы Дудиха, Холноки, Яшко, Кесслера, Штромпля и других более поздних авторов. Знакомясь с ними, я старался сопоставить их наблюдения с моими. Это было нелегким делом, хотя бы по одному тому, что за последние годы изменились многие названия.

Очень заинтересовали меня предположения о ярусности пещеры Барадлы. Уже Имре Ваш предполагал, что под ней лежит другая пещера. Однако эта нижняя пещера еще неизвестна нам. По существующим гипотезам, она начинается где-то у села Аггтелек и тянется к Йошвафе, до карстовых источников Йошва и Комлош. Независимое друг от друга появление Йошвы и Комлоша показывает, что нижняя пещера в конце разветвляется. Одна ветвь ведет к источнику Йошва и забирает большую часть воды, другая питает появляющийся на триста метров выше источник Комлош. Интересно, что, хотя еще никто не видел этого коридора пещеры, все же мы знаем даже о его разветвлении.

Только единственное обстоятельство меня смущает. В одном из рефератов речь идет о хлорировании воды. Этим опытом автор хотел доказать общность происхождения источников Йошвы и Комлоша из нижней пещеры. Он писал что Комлош, как и Йошва, реагирует на разлив Стикса, но из-за небольшого дебита источника автору опыты с хлорированием не удались. Правда, в работе дальше пишется, что тесная взаимосвязь половодья, мутнения и изменения температуры источника Комлош похожи на явления Стикса, и это доказывает, что какая-то часть воды пещерного ручья здесь выходит на поверхность.

Мне хотелось провести хлорирование, прежде чем утверждать в своей книге об общем происхождении воды обоих источников. Конечно, было бы лучше использовать для окраски флуоресцеин - это более убедительно, чем хлористый натрий, и результаты более наглядны - их можно видеть непосредственно.

После ужина я договорился с Яношем Бронштейном, чтобы он в течение двух дней, пока я съезжу в Будапешт за флуоресцеином, сохранил за мной номер.

14 февраля я растворил в воде Стикса триста граммов флуоресцеина. Окраску производил в теснине Железные ворота пещеры Барадла, где вода Стикса с шумом врывается через попор в нижнюю пещеру. Как жаль, что в это узкое отверстие едва ли пролезет и кошка - значит, я не смогу попасть в таинственный подземный мир!

При растворении флуоресцеина мне помогал дядюшка Регец.

Чертова штука наш флуоресцеин! От летающего в воздухе во время помешивания порошка мы, даже выйдя на поверхность, долго еще плевали зеленью.

По моим подсчетам, приблизительно к завтрашнему или послезавтрашнему вечеру источники Комлош и Йошва должны зазеленеть. Расстояние по прямой между источниками и понором было всего два с половиной километра.

Использованное для опыта количество красителя хватает для окраски в зеленый цвет пятнадцати миллионов литров воды. Ввиду того что совместный дебит обеих источников равен тремстам литрам воды в секунду, так или иначе в течение пятнадцати часов вода должна быть зеленой, даже если бы краситель при максимальном разбавлении вышел на поверхность. На таком коротком расстоянии раствор флуоресцеина не мог стать настолько слабым, чтобы его нельзя было легко наблюдать в месте появления источника, конечно, если в нижней пещере нет большого озера. Количество воды, уходящей в понор, составляло приблизительно один процент от дебита обоих источников. Я был спокоен насчет дозы и в Йошвафе договорился с механиком Йожефом Лешко, работающим на турбинах, о наблюдении за источником. Лешко производил впечатление очень надежного товарища. Он обещал в случае появления зелени флуоресцеина разбудить меня даже ночью.

* * *

Вот уже два дня бродит наша окрашенная вода в неизвестной нижней пещере. В восемь часов утра я пошел последний раз к источнику. Нигде никаких изменений не видно. Теперь одиннадцать часов. Я как раз подумал о том, чтобы снова прогуляться в долину источников, когда в дверь постучали и вошел с сияющим лицом Лешко.

- Вы знаете, я пришел с радостной вестью, идет зеленая вода! Наше озеро такое красивое сейчас, извольте посмотреть!

Меня не нужно было долго упрашивать. Я бросился со всех ног, да так, что маленький механик не успевал за мной. Сначала дохожу до источника Йошва. Вода словно изумруд. И озеро Морской глазок (Тенгерсем) тоже зеленое.

Не трачу зря времени, бегу дальше к источнику Комлош. Совершенно ошеломлен. Нигде, ничего. В кристально чистой воде даже и следа нет изумрудности Йошвы.

В это время меня догнал и Лешко. Взмолвленные, мы в течение нескольких часов бегали от источника к источнику. К вечеру я уже был уверен: вода источника Комлош приходит не из нижней пещеры.

Нет никаких сомнений! Это совершенно ясно! Переливающаяся зеленым цветом вода Йошвы даже в падающих на нее лучах солнца не хочет обесцвечиваться. Комлош неизменен.

Чувствую - свершилось чрезвычайно важное. Мои предшественники ошиблись в вопросе общего происхождения воды источников - это уже ясно, но все значение неожиданных результатов окраски я еще лишь начинаю осознавать. Об открывающихся перспективах не смею и думаю.

ПО СЛЕДАМ ПЕЩЕРЫ ВЕЛИКАНА

Об одном факте я теперь уже могу говорить с уверенностью: вода источника Комлош несомненно пещерного происхождения. Это подтверждают неоспоримые явления: Комлош внезапно прибывает и мутится во время половодья, совсем как источник Йошва, питающийся водами пещеры Барадла. Кроме того, в это время Комлош выбрасывает из своей подземной глотки кварцевую гальку точно так же, как и выбрасывает ее источник Йошва. По сообщению Лешко, при половодье дебит источника Комлош по сравнению с нормальным гораздо больше, чем у ручья Йошва.

Итак, ясно, что по происхождению источник Комлош принадлежит к сети подземных долин, к пещерной системе.

Но где же находится эта пещера?

Что это не Барадла и не ее нижняя пещера, убедительно показала окраска воды. Значит, совершенно очевидно: независимо от пещеры Барадла тянется в глубинах плоскогорья Агг-телек другая пещера.

Меня это очень взволновало.

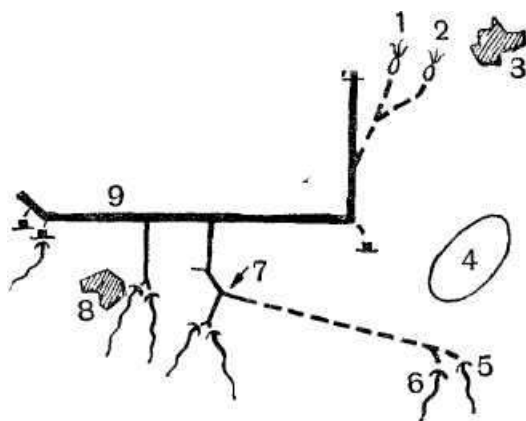
Но продолжим нашу мысль дальше! Если источник Комлош имеет свою отдельную пещеру, то эта пещера в свою очередь должна иметь соответствующие поноры. Однако о них мои предшественники не упоминали, да и я их не знаю.

В научных работах описывается тринадцать водопоглощающих поноров на южном краю плоскогорья Аггтелек, и о каждом из них известно, с каким ответвлением старой Барадлы они связаны. Я смотрю на карту. К предполагаемой пещере источника Комлош из ряда поноров должны принадлежать самые восточные - поноры гор Сархедь и Соморхедь: Сиклашнеле (Каменный) и Хомокошнеле (Песчаный). О них упоминал Имре Ваш, позднее писали и другие исследователи. Вода обоих поноров вливается в ход, называемый Кусоаг, а тот в свою очередь - в Ретекаг. Здесь все ясно, и эти поноры сейчас для нас неинтересны.

Ну, нет, подождите минуточку! Как будто здесь есть все-таки что-то неясное. В одной из статей еще в 1938 году устанавливается взаимосвязь упомянутых поноров и тоннеля Кусоаг и говорится о важном явлении, касающемся понора Хомокошнеле: в его окрестностях можно встретить много мелкой гальки и крупнозернистого песка. Если это так, то почему нет тогда ни одной песчинки во всем тоннеле Кусоаг? А что их нет, так мы основательно проверили еще 25 июля 1950 года, когда с Дюлой Мартоном и Золтаном Серемлеи приехали сюда с Летраша на несколько дней для сбора впечатлений об Аггтелеке и чуть не завязли в бездонном море ила в тоннеле Кусоаг.

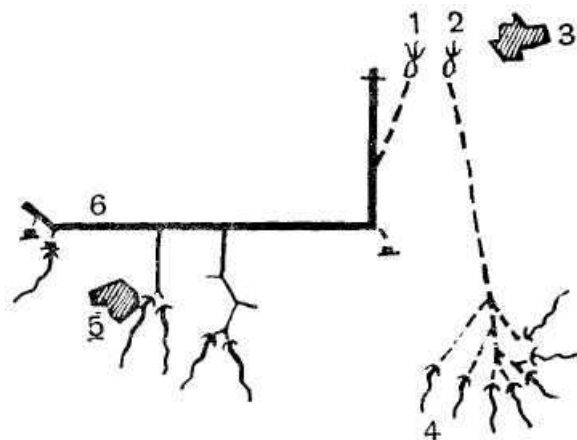
Я решил, что старую трактовку, которой придерживался Имре Ваш, следует тщательно проверить. Погода благоприятствовала окраске воды. Медленно таял снег, поноры действовали. Значит, я мог окрасить воду, уходящую в понор горы Сархедь, а в тоннеле Кусоаг ждать появления зеленой воды. Если бы случайно наш флуоресцеин потек бы не туда, а появился бы непосредственно только в источнике Комлош, то вопрос происхождения вод неизвестной пещеры и гальки в Комлоше был бы решен.

Мне не терпелось, я горел, словно в лихорадке. Это уже действительно что-то вроде работы сыщика! Я договорился с Лешко, чтобы 18 февраля вместе отправиться и отыскать упоминаемые в прежних работах два понора горы Сархедь. У директора пещеры Яноша Данца я одолжил сапоги, так как в моих старых ботинках двигаться по колено в осевшем снегу было бы очень тяжело.

Взаимосвязь сархедских поноров (по прежним представлениям ученых) и отвлечение Кусоаг пещеры Барадла.

1 - Источник Йошва, 2 - Источник Комлош, 3 - Село Йошвафе; 4 - Гора Сархедь 5 - Каменный понос 6 - Песчаный понос 7 - Ветвистый коридор, 8 - Село Аггтелек, 9 - Пещера Барадла. (рис автора)

Фактическая взаимосвязь группы сархедских поноров и источника Комлош, установленная на основе опытов подкрашивания вод.

1 - Источник Йошва, 2 - Источник Комлош 3 - Село Йошвафе, 4 - Пещеры окрестностей Большой долины 5 - Село Аггтелек, 6 - Пещера Барадла. (рис автора)

Подкрасив понор Сиклашнеле, находящийся в Большой долине, мы немного осмотрелись. В нескольких сотнях метров отсюда я неожиданно обнаружил пять огромных поноров. И это кроме тех двух, о которых упоминали Имре Ваш и его последователи! Никому не известные поноры, не обозначенные ни на одной карте!

При виде неожиданно найденных огромных поноров мне стало ясно: эта территория не может быть не чем иным, как самостоятельной водосборной площадью пещерной системы, к которой и принадлежит источник Комлош. С поверхности в несколько квадратных километров собирается здесь вода и исчезает под землей. Для этих поноров размеры тоннеля Кусоаг были бы слишком малы.

Я решил, что не пойду в Барадла, а буду ждать результатов окраски. Будучи уверен, что зеленая вода может выйти на поверхность только через источник Комлош, я знал, что держу в своих руках ключ к новой, второй большой пещере Аггтелек.

Мною овладело сложное чувство. Я понял, что стою на пороге великих открытий. Я был счастлив.

А через два дня из источника Комлош потекла красивая изумрудная вода, вода же Йошвы осталась неизменной. Теперь я успокоился.

Моя книга о сталактитовой пещере Аггтелек сможет рассказать по сравнению со старым что-то существенно новое. Но уж в это лето придется поработать! Найденный ключ в Аггтелеке нужно будет вставить в скважину и во что бы то ни стало отомкнуть этот проржавленный, никем еще не открытый замок, даже если мои ладони будут натерты до волдырей.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

С тех пор прошли месяцы. Я раздумывал, взвешивал, высчитывал. В Аггтелек я ездил почти каждую неделю за данными, которые подтвердили бы мои теоретические предположения о новой пещере.

В конце концов после длительной борьбы 25 июня для доказательства своих выводов, составленных на основании проведенных опытов окраски воды и теоретических рассуждений, я получил от Института геологии три тысячи форинтов.

Хуберт Кесслер, сразу понявший правильность моих обоснований, пообещал через Институт гидрологии финансировать участие в моей исследовательской работе нескольких рабочих. Так, с тремя тысячами форинтов в кармане и этим обещанием, я мог наконец приступить к решающим испытаниям.

Задача, которую мне предстояло решить, была исключительно трудной. Речь шла здесь не больше и не меньше как о том, что я брал на себя обязанность открыть многокилометровую пещерную систему.

Должен признаться, в доказательства существования пещер методом окраски воды тогда еще мало кто верил. Из рукописи моей книги "Сталактитовая пещера Аггтелек" редакторы хотели вычеркнуть относящиеся к этому "предсказания". Но благодаря Яношу Жиди, вникшему в суть таких опытов и понявшему их дальнейшее значение, вопреки единогласному мнению редакторов-специалистов мне удалось настоять на публикации последней части моей книги.

Бесчисленное количество раз продумывал я свои выводы. Приводил доводы против самого себя и внимательно слушал мнения специалистов, отрицавших наличие новой пещеры. Но чем больше я думал, тем явственнее видел, что мои предположения о существовании пещеры должны быть правильными.

Был, однако, и вопрос, на который заранее никто не мог ответить: трудность проникновения в пещеру на практике. Может быть, она тянется настолько глубоко под понором, что за сравнительно короткое время раскопок мы не сможем достичь легкопроходимых частей. Или встретим непредвиденные препятствия, из-за которых нам придется прекратить работу, не дойдя до царства сталактитов.

Что пещера существует, я не предполагал, а знал. Но как проникнуть в нее? Я понимал: от этого зависит все.

Несмотря ни на что, нужно идти на риск!

* * *

Я был готов к отъезду. Дирекция института оказала мне помощь и в кадрах, откомандировав техника-геолога, жену Андраша Графа - Ленке. Я стремился составить свою изыскательскую группу из людей, которым исследование пещер было по душе, и в способностях которых я уже раньше убедился.

Студент-физик Йозеф Кох, услышав о моем плане, с радостью согласился принять участие в трудной, но, несомненно, увлекательной работе. Через Иштвана Венковича я познакомился с Имре Хорнером, и после короткой деловой беседы мы и с ним пришли к соглашению.

При подборе оборудования мое внимание было направлено прежде всего на землеройные инструменты: ломы, кирки, лопаты и т. п.; мы набрали довольно полный комплект их. Удалось получить шестиместную, рассчитанную на тропики палатку, у которой было большое преимущество - она имела двойные, теплоизоляционные стены. Вместе с десятью килограммами карбида я взял еще несколько пар резиновых сапог, специальную одежду, пятьдесят метров веревки и двадцатипятиметровую веревочную лестницу. Упаковав все это снаряжение в два больших ящика, мы отправили его на железнодорожную станцию Син.

Я договорился с членами своей группы о том, что из личного багажа берем с собой только самое необходимое. Наконец настал день отъезда.

Вечером 30 июня в половине одиннадцатого мы встретились на Восточном вокзале. Кох приехал вместе со своим другом Дюлой Шейером, которого я тогда еще не знал. Он оказался студентом-геологом второго курса. Услышав о цели нашего похода, Дюла Шейер загорелся желанием принять в нем участие. Я старался отговорить его, но намерения студента были по-настоящему серьезны. Мы условились, что завтра с ночным поездом, как следует; подготовившись, он приедет вслед за нами в Йошвафе. Точнее говоря, к югу от Йошвафе, на карстовое плоскогорье, где у подножия горы Соморхедь будут стоять наши палатки. В последние минуты к нам присоединился геолог Тибор Виллемс, пожелавший провести свой двухнедельный отпуск в трудном походе. Когда я увидел состав группы, ее воодушевление и желание работать, то сразу понял: на успех надеяться можно.

Горячий энтузиазм сразу же пригодился. Уже во второй половине следующего дня после прибытия выяснилось, что если мы хотим провести ночь в палатке, нам нужно ее сначала поставить. Близлежащие селения Аггтелек, Йошвафе и Егерсег были от нас приблизительно на расстоянии четырех километров.

Это расстояние, конечно, невелико, но все же достаточно для того, чтобы почувствовать нашу отдаленность от цивилизованного мира не меньше, чем если бы мы попали на какой-нибудь мирный островок Тихого океана. Вдобавок ко всему окружающую местность, если судить о ней с некоторым пристрастием, можно назвать пустынным карстовым плоскогорьем. Крестьяне появляются здесь лишь в редких случаях. Скоро, однако, мы смогли убедиться в том, что наша оторванность от людей с лихвой может окупиться возможностью наблюдать нравы и привычки животного мира.

В первый же день на нашу палатку ополчились суслики. Позже нас часто навещало в полном своем составе аггтелекское стадо: с каждым днем все смелее держали себя бродячие козы. Симпатичные животные не пропускали случая все перебрать в нашей, иногда оставленной без надзора палатке в поисках соли, хлеба или другой еды. После каждого такого дружеского "визита" необходимо было наводить порядок, и Ленке иногда длительное время не могла из-за этого заниматься непосредственной работой.

А наша работа начинала становиться все интересней. Мы видели, что источник Комлош у Йошвафе выходит на поверхность. От него на юг широкой полосой тянется та карстовая известняковая территория, которая питает его водой и на другой стороне которой находится пещера Барадла, а также другая неизвестная пещера, питающая источник Комлош. Известняковая территория от сел Аггтелек и Егерсег переходит к югу в так называемый покрытый карст. На этой части поверхности нет уже известняка, только желтый с большим количеством гальки глинистый грунт. Упомянутые выше поноры образовались на границе открытого карста, то есть известняковой территории, и покрытого карста, - поверхности, имеющей галечно-каменистую почву. Причина этого в том, что большую часть осадков, выпадающих на глинистую территорию, почва поглотить не может, так как глина принадлежит к водонепроницаемой породе. Поэтому здесь собираются в форме временных ручьев воды, текущие по поверхности к краю известняковой территории, где они исчезают в многочисленных расселинах, в так называемых водопоглощающих пунктах, то есть в понорах.

Блокдиаграмма окрестностей горы Соморхедь и поновров бассейна источника Комлош

1 - Поновр 1, 2 - Поновр 2, 3 - Поновр 3, 4 - Поновр 4, 5 - Поновр 5, 6 - Поновр 6, 7 - Гора Соморхедь, 8 - Планируемый вход, 9 -Главный тоннель пещеры , 10 - Тоннель Красного стяга, 11 - Большая долина, 12 - Водо-раздел

(рис автора)

Местом своей работы мы должны были выбрать из восьми поновров тот, который подавал бы большие надежды на успех. Выбор был делом нелегким. Все они были такими, что мы находили много доводов "за" и много "против".

Самым перспективным казался поновр Большой долины, собирающий воду с территории больше квадратного километра. Мы думали, что сможем ценой минимальных усилий войти в пещеру там, где воды с давних пор проложили себе путь. К самому большому поновру должен принадлежать и самый широкий коридор предполагаемой пещеры, главный тоннель. Против работ здесь говорило, однако, террасное развитие долины. Это означало, что в геологическом прошлом поновр Большой долины закрывался и открывался по несколько раз, стало быть, критический участок будет очень длинным.

Были, например, такие поновры, как Бибицтебер, где исключалась возможность сильного закупоривания, о чем говорили крутые склоны водопоглощающих долин не террасного образования.

Но территория водосборной площади тут значительно меньше, поэтому если мы сможем после удачной раскопки попасть в незначительный боковой ход пещеры, то пробраться через него в главный тоннель нам, может быть, и не удастся. Хорошо взвесив все обстоятельства, мы наконец решили начать работу в поноре Сиклашнеле Большой долины. Выбрали место, где вода ручья уходит под землю, и приступили к работе.

ОСАДА ПРЕИСПОДНЕЙ

Работа началась. Земля стонала под ударами кирок. Мы выкорчевали на рабочей площадке кустарник. По крутому склону понора с любопытством рыскали зеленые ящерицы. Кох уже в первый день с радостью сообщил, что чувствуется приток воздуха. Теперь у моих товарищей не было сомнений в существовании глубоко под землей значительных пустот. Из расщелин огромных каменных глыб, нагроможденных на дне долины, вырывался воздух - верный признак наличия пещеры. Его холодная струя задувала зажженную спичку. Было ясно, что нужно следовать по пути тока воздуха, он, несомненно, ведет к пещере.

Палющее июльское солнце жгло вспотевшие спины, пока мы вынимали и выбрасывали наверх отшлифованные водой обломки скал. За день при самой напряженной работе продвигались в среднем только на метр. Ток воздуха шел снизу наискось. Большие неприятности причиняли обломки породы: они лежали неплотно, и вырытая нами траншея постоянно обваливалась. В самой глубокой точке понора сначала мы прорыли грозящую обвалом четырехметровую отвесную траншею. Отсюда начали продвигаться по наклонной к горе Соморхедь.

Проход во избежание обвала мы сделали всего в метр высотой и в шестьдесят-семьдесят сантиметров шириной. Работать в нем и продвигаться вперед можно было только на четвереньках. Чем дальше мы пробивали путь, тем труднее становилась работа. Очень тяжело было выносить на поверхность глину. Делали это следующим образом: один из нас в конце траншеи киркой, ломом, зубилом и лопатой выполнял задачи забойщика. Отбитую породу он тотчас клал в ведро и, прижавшись к стене траншеи, передвигал за собой. Следующий человек выполнял самую трудную работу. Ему нужно было перетаскать ведро в траншее до основания четырехметрового колодца.

Первая разведывательная штольня на дне понора Большой долины

На четвереньках, в узком проходе под землей, дно которого покрыто острыми камнями, не очень приятно в течение нескольких часов таскать наполненные камнями ведра. И все-таки это нужно было делать, потому что другого способа вытащить на поверхность породу у нас не было. Ох, сколько вздохов сопровождало ведра каждый день! Поднимал ведро из шахты и в то же время опускал пустое ведро вниз уже третий. Позднее, когда участок подземной переноски породы удлинился, там пришлось работать уже двоим.

Шли дни. Проход был уже такой длины, что приходилось зажигать сразу четыре карбидные лампы для освещения всего участка. Тот, кто тащил ведро, конечно, не мог держать в руках еще лампы.

Вскоре около понора появились первые любопытные. Чабаны и землекопы все чаще навещали нас. Они смотрели на нашу работу, и в их взглядах можно было прочесть неверие в успех дела. Но на следующий день они все-таки снова приходили.

- Вот случайно зашел, - сказал один из них, - думаю, дай-ка посмотрю, что вы сделали со вчерашнего дня?

Но когда на третий день они снова пришли, а потом все новых и новых посетителей приводила к нам "случайность", мы уже видели, что жители окрестных сел очень интересуются результатами раскопок. Один за другим мало-помалу они начали вспоминать:

- Мой дедушка рассказывал мне в детстве, что на этом месте когда-то зиял темный вход большой пещеры. Народ окрестных сел с опаской обходил эти места, потому что в пещере жили страшные разбойники. Они затаскивали туда свои жертвы и только за большую цену, за лошадь или корову, отпускали их к родственникам. Но сна чала они брали с них присягу: несчастные клялись перед господом богом, что никогда, ни одной душе не расскажут, где прятали их разбойники.

Очевидно, жертвы Аггтелека не очень-то боялись господ бога, иначе бы о делах грабителей сегодняшние жители едва ли могли знать.

Через некоторое время среди посетителей нашлись добровольные помощники: таскали ведра, работали в забое и очень удивлялись идущему из горы потоку воздуха. Особенно большой интерес проявляли к нам знатоки "старой пещеры" Аггтелек - Бела Реец и Лайош Берец. Они приходили в свои выходные дни и даже с собственным инструментом.

Пещеры, однако, еще не было, а деньги таяли. У подножия горы Соморхедь с каждым днем все молчаливее сидели мы вокруг лагерного костра. Сначала сбор веток после работы, приготовление ужина и носка воды проходили очень весело. Однако теперь все шло с большим трудом.

После работы, уставшие, ложились мы у тусклого костра и долгие часы молча смотрели сквозь черную листву дубов на далекие мерцающие звезды. И думали, думали. Теперь мы уже знали: пока мы не прокопаем проход до горы Соморхедь, нельзя рассчитывать на проходимый лаз, в котором смогли бы между кусками породы проделать оставшийся путь, не применяя кирок и лопат.

А это означало: прохождение двадцатиметрового прохода, учитывая трудную выноску грунта, потребует около полутора месяцев работы.

Дело начинало казаться безнадежным. Каждый из нас это понимал, но не говорил вслух, чтобы не расстраивать других. Стиснув зубы, потные и грязные, мы с каждым полуметром продвигались ближе к цели. Но 19 июля произошло событие, заставившее нас серьезно задуматься. Шейер работал в забое, Кох и Виллемс занимались переноской породы, я стоял в конце траншеи. Один за другим они выходили из глубины с наполненными ведрами. Неожиданно я услышал шедший из глубины глухой шум, и сразу же под моими ногами вздрогнула земля. На мгновение наступила гробовая тишина. Я знал, что все это может означать только одно: обвал, которого мы так опасались. С невероятной быстротой пополз я в проход и вскоре услышал крик Коха, сообщавшего, что он цел и невредим. О Шейере он ничего не знал. Сверху то там, то тут падали небольшие камни и один за другим катились в конец траншеи. Виллемса я нашел живым, но Шейера завалило.

Мы тотчас же начали его откапывать. Через полчаса в палатке Дюси пришел в себя. Никаких серьезных повреждений у него не было.

В тот день работу мы уже не вели. Не вели мы ее и в следующие дни. Продвижение становилось опасным для жизни. Мы понимали, что трехнедельную работу приходится прекратить, так как за оставшиеся восемь-десять дней все равно не сможем достигнуть горы Соморхедь. А если до конца месяца результатов не будет, значит, разведке этой пещеры, возможно, пришел конец и Институт геологии переведет меня на другой участок работы. В стальных дверях, за которыми открывается секрет источника Комлош, так и не заскрипит проржавленный замок.

По крайней мере, прибыла бы хоть финансовая помощь Кесслера! Тогда наши люди смогли бы работать в следующем месяце, правда, уже без меня.

Кризис стал убедительней, когда 21-го числа члены моей группы уехали на занятия в университет. Перед их отъездом мы еще раз хорошенько обсудили положение дел и решили копать в новом месте.

Исходя из направления стока воды, параллельно которому рыли траншею, мы уже знали, на какой глубине и где должно быть место, в котором вода выходит из обломков породы и исчезает, то есть место, где начинается пещера. Оно лежит, по моим подсчетам, в самом конце долины, на глубине пятнадцати метров. Нет другого выхода, как попытаться прорыть колодец общими усилиями. На это, если все хорошо пойдет, может быть, хватит еще времени.

На том порешили, и мы остались вдвоем с Ленке Граф.

Я сразу же организовал новую бригаду. В Аггтелеке нашлось трое жителей, с готовностью согласившихся на тяжелую работу: Дердь Вербай, его племянник Лаци Вербай и Нети Леринц. Работа шла быстро и точно по намеченному плану. Неожиданно приехал Лайош Ревес - бывший директор пещеры Аггтелек. Он решил помогать нам во время своего отпуска.

В колодце уже в первые дни мы почувствовали сильный ток воздуха, оба Вербай работали без передышки, отдавая все силы. На третий день они уже были настолько увлечены работой, что оставались на сверхурочные часы. Почти невозможно было выпроводить их с рабочего места.

Мы продвигались очень быстро, прошли вглубь четыре метра, но вдруг уперлись в скалу, краев которой нигде не было видно. Однако со стороны горы между каменной глыбой и отвесной стеной была расселина шириной в шестьдесят сантиметров, заполненная очень мелкими обломками. По ней нам удалось прорыть ход вниз. На этом месте три моих новых товарища показали, на какую серьезную работу они способны для достижения поставленной цели. Через два дня расселина была уже достаточно глубокой. Чтобы поднять наверх куски породы, лежавшей на дне, приходилось спускаться в нее вниз головой. Первым таким способом спустился Лаци Вербай. Когда он кричал нам, что кусок породы у него в руках, мы тянули Лаци вверх.

Таким способом вытаскивали на поверхность породу, и работа

шла непрерывно! По-
сле третьего спуска
головой вниз "проход-
чик" менялся. Дорогой
наш друг Нети! Даже
вы в пятидесятилетнем
возрасте участвовали в
этом трудном деле.

24 июля колодец
стал таких размеров,
что мы смогли прекра-
тить работу "живого
лифта". Вынутой поро-
дой мы заполняли бо-
ковую щель. Забота о
выемке грунта исчезла,
работа пошла гораздо
быстрее.

Спустя некоторое
время мы достигли до-
вольно широкой поло-
сти. Но это еще не бы-
ла пещера. Эта полость
образовалась не дея-
тельностью воды, а со-
рвавшимися со склонов
гор глыбами, оставив-
шими вместо себя пу-
стоту.

Как велика была
радость наших людей!
Довольные, они смот-
рели на грязные, голые
каменные стены, освещенные мерцающим
светом карбидной лам-
пы, и старались мне
доказать, что более
красивого сталактитового потолка нет даже
в пещере Барадла.

Таким способом вытаскивали на
поверхность породу, и работа шла
непрерывно!

Или мои глаза обманывали, или их суждения не были объективны, но тогда мы не могли прийти к согласию. Важно одно: здесь, между громадными каменными глыбами, начинался лабиринт расселин. Прошло много часов, пока, ползая на четвереньках, на животе, на спине, застревая и снова ценой горьких мучений освобождаясь, вползая в тупики, мы наконец смогли установить, какой путь избрать для дальнейших поисков. В этот день мы работали до десяти часов вечера. Пламя громадного костра красным светом озаряло леса горы Соморхедь.

25 июля, страшно усталые, но с душевным подъемом, мы приступили к работе. Даже сияние солнца было, пожалуй, более ободряющим. Из-за отсутствия для всех специальной одежды, чтобы продолжить раскопки, люди опускались по очереди. Наверху, у входа в таинственную и полную надежд дыру, уже невозможно было услышать никакого шума. Все время до обеда мы просидели с Ревесом на корточках, над дырой, наблюдая за током воздуха, который шел равномерно приятной прохладной струей.

Наконец около двенадцати часов на дне шахты появились братья Вербай и сообщили, что успешно продвинулись в указанном направлении на три метра вперед. Мы тотчас натянули на себя снятые с них комбинезоны и спустились под землю.

Ползли все дальше, продвигаясь между каменными, величиной со стол глыбами, чисто вымытыми, разбросанными в беспорядке и лежащими друг на друге. Обследовали каждый камень в отдельности. Иначе можно было, на свое несчастье, вытянуть камень величиной с кулак, могущий, однако, стать причиной нашей смерти. Здесь, глубоко под землей, в ужасной мешанине каменных глыб, в любую минуту мог произойти обвал.

Место, где мы работали, представляло довольно печальное зрелище. Хотя мы и продвинулись на три метра, перед нами стояла каменная громада, которую невозможно было сдвинуть с места, чтобы не завалить весь проход. Над моей головой я заметил дыру величиной с ведро. В ней еле-еле держался приблизительно тридцатикилограммовый кусок породы. Малейшего сотрясения было достаточно, чтобы он свалился и раздробил мне голову.

Не без тревоги я высвободил руки, хотел взять этот камень и опустить его в безопасное место. Камень от первого прикосновения всей своей тяжестью соскользнул в ладони, и только тогда я заметил: места, куда б я мог его положить, нет, в узком проходе передо мной лежал Ревес. Его ноги у самой моей головы. Если камень опустить между его ногами и моей головой, а лежа на спине это было задачей нелегкой, то я, если не уроню его на одного из нас, закупорю им Ревеса. Раздумывать, однако, было некогда, не хватало сил сдерживать руками такую тяжелую глыбу. Я отодвинул камень настолько, насколько нужно было, по моим расчетам, для того, чтобы он не свалился мне на голову, но в то же время не упал бы и на ноги Ревеса, потом закрыл глаза и выпустил его из рук...

Громадный камень упал тут же за моей головой. Ни одного из нас он не задел, но закрыл Ревесу и без того узкий обратный путь.

Однако наше положение не стало лучше. Лежа на спине, я не мог отодвинуть камень назад, так как на следующем узком участке, где нужно ползти вниз, он беспощадно бы скатился на мою голову. А единственный выход был в том, чтобы отодвинуть как-нибудь камень за себя и затем ногами откатить его в расселину, через которую мы вползли сюда. Это возможно лишь в том! случае, если я освобожу ему путь, то есть сам выберусь в узкую дыру, где раньше торчал камень.

Я не желаю докучать читателю описанием тех мучительных конвульсий, ценой которых удалось очистить наш обратный путь, сделать его свободным.

Во время работы мне в поясницу вонзился острый камень и нанес даже через одежду глубокую рану. Она кровоточила не очень сильно, и скоро я забыл о ней, тем более что в это время заметил: хотя и с большим трудом, но продвигаться вперед можно, не вынимая грунта. Ревесу также удалось отползти с прежнего места и через узкий проход приблизиться ко мне.

Ползком на животе мы стали пробираться дальше по пути, который состоял сплошь из крутых поворотов. Я никогда не предполагал, что в поноре может накопиться такое громадное количество обломков. Некоторые глыбы достигали величины больших комнат. Отсюда можно было идти в самые различные направления. Более запутанный лабиринт трудно себе представить. Не удивительно, что спустя два дня Ленке здесь заблудилась.

Вдруг свет лампы упал на круглое, величиной с бочку отверстие. Было сразу видно, что его образовала вода. За отверстием свет лампы поглощал непроницаемый мрак.

Впервые за месяц поисков у меня сильно забилося сердце. Я стоял перед разыскиваемыми воротами пещеры... За ними в густом мраке система пещеры источника Комлош. Я был взволнован и почти обессилел. Ревесу, который сзади меня еле переводил дух, я едва мог сообщить радостное известие. Какое-то необъяснимое счастье и в то же время отчаянный страх овладели мною. Я потерял над собой всякую власть. Охваченный лихорадкой исследований я бросился дальше в неизвестность.

Остальное произошло мгновенно. Прыгнув в отверстие, я очутился в очень большом зале.

О, как красива была эта пещера, которую еще не видел человеческий глаз! С первой же минуты стало ясно: здесь никто никогда не бывал. На дне, лежали огромные, сорвавшиеся сверху осколки скал. С высокого потолка свисали сталактиты. Местами от потолка тянулись вверх такие длинные, трубообразные камины, что свет лампы не достигал их конца. На глинистой поверхности каменных глыб были видны скелеты летучих мышей, ящериц. Мертвую тишину лишь изредка нарушал звук капавшей воды.

И все это было явью!

- Лайош, смотри, это не сон... понимаешь? Это не сон! Наконец! Наконец мы победили!

Может быть, слишком громко и бессвязно, но я кричал от счастья.

Ревес видел то же самое, что и я, и тоже радовался вместе со мной. А как не радоваться? Ведь все члены нашего маленького лагеря мечтали об этой пещере днем и ночью. О, сколько мы грезили об этой минуте у лагерного костра, сколько лелеяли надежд и планов! Нет, дядя Дюри и Лаци! Не пропала даром ваша работа! Идите сюда, радуйтесь!

Мы решили, что не сделаем ни шагу дальше, пока не соберется наш маленький отряд. Ревес предложил пойти оповестить всех. Сам я, осмотрев рану, решил, что будет благоразумнее, если подожду здесь.

Пришедшие светились счастьем. Одеты кто во что; они даже на минуту не подумали о комбинезонах. Вскоре все были в сборе, и мы отправились дальше в неизведанные участки пещеры.

Из первого большого зала опустились вниз по шахте около десяти метров глубины. Брошенный для пробы камень упал на гальку, это было хорошим знаком, галька говорила о русле. По веревке спустились вниз. И действительно, от основания камина в глубину горы вело покрытое галькой русло ручья. Сognувшись, мы гуськом пошли вперед.

Кое-где путь был загроможден. Освобождали его и шли дальше. Каждый поворот - новые впечатления и новые восторги.

Вскоре мы остановились перед бугром, закрывшим нам путь. Пробираясь по его гребню ползком, мы смогли продвигнуться дальше.

Русло ручья исчезло из нашего поля зрения, что не было благоприятным признаком. И в действительности через некоторое время показался конец пещеры, на нашем пути стояли огромные каменные глыбы, а дальше вели только узкие, непроходимые расселины. Из них, однако, шли сильные струи воздуха. Пещера ставила перед нами все новые и новые препятствия. Раскрыв свои ворота, она до предела накалила наше любопытство, но, когда мы считали, что путь до источника Комлош уже свободен, проход снова закрывался.

Если уж мы смогли добраться сюда, то остальную часть должны преодолеть. Сомнений в том, что место нашей разведки мы избрали правильно, не было: сама пещера ведет нас и показывает направление раскопок. Открытие остальных участков теперь уже зависит только от нашей работы.

Разведанный 25 июля участок был длиной приблизительно в сто пятьдесят метров. На рассвете следующего дня луч восходящего солнца впервые упал на пламенеющий красный флаг на вершине горы Соморхедь, ознаменовавший нашу победу. И хотя само по себе открытие первого короткого участка пещеры означало немного, но все же это было для науки большой победой. Основательно продуманный мною метод исследований оправдался. Окраска воды нас не обманула. От понора горы Соморхедь в направлении к источнику Комлош тянется проходимая, широкая система сталактитовых пещер. Итак, гипотеза, которую многие подвергали сомнению, оправдалась на практике и таким образом перестала быть гипотезой.

Бег взапуски со временем и материальными ресурсами начался снова, но сейчас уже с полной уверенностью в окончательной победе.

В расселинах, которыми оканчивалась известная теперь часть пещеры, ежедневно много раз гремели взрывы. Лаци Вербай, лежа на животе, сверлил необходимые для взрыва отверстия. Каждый удар молотка стоил больших усилий. Нужно было отвоевывать сантиметр за сантиметром. Щель, однако, даже через несколько дней не хотела расшириться хотя бы настолько, чтобы в нее можно было пролезть. Мы начали работу в новом месте пещеры. Из первого большого зала попробовали отыскать выход на другой путь: а может быть, под каменными глыбами мы встретим такой лаз, по которому можно было бы обойти это остановившее нас непреодолимое препятствие? Чуть ли не зубами и ногтями работали мы там, где из-за узости места не могли работать инструментами.

Известия о результатах нашей работы тем временем быстро распространялись. "Северная Венгрия" опубликовала корреспонденцию о новых пещерах. Узнав об этом, к нам прибыла вместе со своим руководителем Яношем Борбеем большая группа мишкольдских спелеологов? Они изъявили желание осмотреть новую пещеру. С ними пришел и Лаци Гера вместе с несколькими своими друзьями. Мы были очень рады новой встрече. Мальчики настолько загорелись увиденным, что заявили: они берут отпуск и на другой день возвращаются сюда, будут помогать нам в порядке общественной работы. Я, конечно, с радостью принимал каждого искренне желавшего с нами работать. Личный состав нашего лагеря пополнился. Мы едва уже умещались в большой палатке.

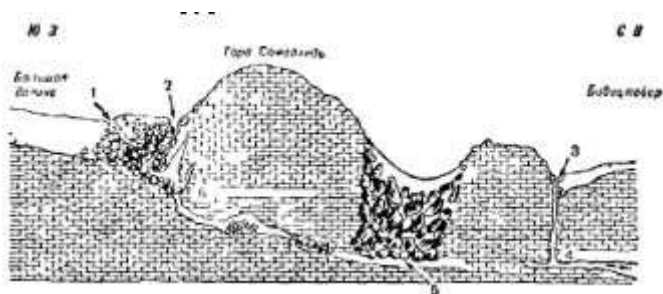
30 июля нас посетил Хуберт Кесслер и из бюджета Института гидрологии выделил на наши исследования тысячу восемьсот форинтов. На следующий день я получил деньги и от Института геологии. Дела пещеры обернулись к лучшему.

Однако чем больше мы работали под землей, тем больше видели, что дальнейшее прохождение будет задачей нелегкой. Основываясь на приблизительных размерах прохода пещеры, мы пришли к выводу, что ход идет по направлению к котлообразному оседанию почвы, то есть под "долину"³¹. В поперечнике эта котловина была равна приблизительно ста метрам. Если по всему участку обвал - тогда мы не сможем выйти в продолжение пещеры. Такую длинную искусственную шахту мы едва ли сумеем прорыть.

За котловиной, о которой идет речь, на расстоянии четырехсот метров от понора Большой долины мы познакомились с другим, меньшим понором, носящим имя понор Бибицтебер. Поскольку пещера шла приблизительно в его направлении, меня осенила мысль, что этот понор является воронкой, то есть здесь поверхностные воды просто просачиваются в тянущуюся внизу систему пещер. Если мое предположение правильно, то, расчистив предполагаемый узкий проход и в случае надобности его расширив, мы попадем не в узкий боковой ход (чего в начале работы при осмотре понора мы опасались), а достигнем просторного основного хода пещеры уже за критическим участком обвала.

Эта мысль казалась такой естественной, что я решил вести работы в этом поноре параллельно с другими.

На рабочем месте № 3, в Бибицтебере, я организовал добровольческую бригаду "бибицев". В следующие два дня развернулось соревнование между "стариками" - "бригадой пещерников" и "бибицами", однако я должен был уехать - рана, полученная при открытии пещеры, настолько воспалилась, что необходимо было хирургическое вмешательство, и я поехал в Будапешт.

Наш чертеж показывает отношение друг к другу частей пещеры и три рабочих места, благодаря которым эти части

пещеры были открыты.

1 - Рабочее место 1; 2 Рабочее место 2; 3 - Рабочее место 3; 4 - Тоннель Исследователей; 5 - Верхний конец основного отвления тоннеля Исследователей (вскрыт сверху); 6 - Участок главного тоннеля горы Соморхедь

(рис. автора)

Когда через два дня я вернулся обратно, дух соревнования был уже поистине воинственным. "Старики" стремительно что-то сверлили в пещере и взрывали. Даже на ночь никто не уходил домой. Утром в восемь часов начинали работу и только в полночь кончали. Напрасно по два раза в день приходили и умоляли их жены: они, забыв обо всем на свете, жили только пещерой.

Но "бибицы" тоже свой обед съедали в поноре. Обе группы хотели первыми войти в пещеру.

Вечером 3 августа обе бригады были в чудесном настроении. "Бибицы" прошли уже на глубину семи метров и ощущали ток воздуха такой силы, что постоянно гасли лампы. "Старики" тоже загадочно улыбались. Каждый чувствовал: скоро наступит великий день. Дядя Дюри, наш заслуженный "подрывник", доложил, что завтра произведет взрыв, которым и откроет вход в пещеру. А как он это сделает, то уже положить на него. И я ему доверил.

Откровенно говоря, я тогда уже начал немножко опасаться за "стариков", так как сам видел, что мы раньше достигнем результатов в поноре Бибицтебер. Но это рано или поздно должно выясниться на деле.

Обе группы были настолько воодушевлены и взволнованы, что ночью никто не мог заснуть. А Лаци Гера - самый страстный член молодежной бригады - до самого утра бодрствовал, погруженный в свои мысли у горящего костра.

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ В МИРЕ СКАЗОК

И вот пришло 4 августа...

Рано утром обе бригады уже были на работе. "Старики" приготовили мину, поместив взрывчатку в большую консервную банку. Банку закупорили, вмонтировав в нее запал и восьмиметровый бикфордов шнур, и отправились с ней в пещеру. Пожалуй, не нужно говорить, какую опасность представляла организация взрыва. Запал может взорваться от любого небольшого толчка, а ведь он был вмонтирован в громадную порцию взрывчатки. Монтирование мины мы производили на поверхности, так как на грязной почве пещеры без специальных инструментов выполнять эту сложную и искусную работу было бы небезопасно.

Доставка "консервной" банки заняла почти два часа. В узком лабиринте, между каменными глыбами, где приходилось ползти только на животе или спине, каждый сантиметр продвижения вперед доставался ценой больших усилий. "Старики" передавали с руки на руки взрывной механизм, на который возлагали все надежды. И вот он у конца пещеры. Узкую, отвесную расселину нужно расширить взрывом. Она была приблизительно в двадцать сантиметров ширины и в три метра глубины, затем значительно расширялась. Если после взрыва можно будет вползти туда, то затем уже без раскопок будем продолжать путь дальше. Брошенный в отверстие камень упал на ил - значит, там снова русло, а из отверстия шел сильный ток воздуха.

Заложить в расселину мину вызвался Лаци Вербай. На животе он подполз к опасному месту. Рукой он не мог ничего делать, так как держал в ней консервную банку. У входа в дыру он минут пять отдохнул, потом приступил к самому рискованному. Держа в руке бикфордов шнур, он должен был опустить мину на полтора метра в глубину. Здесь отверстие наиболее узкое. В десяти метрах сзади него дядя Дюри и другие с беспокойством следили за каждым движением Лаци. В пещере стояла тишина. Слышалось только биение сердца. Полчаса все проходило в гробовой тишине. Мина, раскачиваясь, висела в расселине.

Вскоре по характерному звуку "старики" услышали, что Лаци пополз обратно. Конец бикфордова шнура он тянул за собой. Дядя Дюри поджег шнур, и все поспешили к выходу. Бригада была еще в пещере, когда воздушная волна и приглушенный гул известили о произошедшем взрыве. Карбидные лампы потухли. Однако результаты взрыва невозможно увидеть до тех пор, пока не рассеется дым. А дым может держаться там в течение нескольких часов, несмотря на сквозняк. Все сочли самым разумным выйти из пещеры и устроить обеденный перерыв.

А тем временем "бибицы" усердно работали в другом поноре. Я был с ними, хотя из-за своего злосчастного ранения мог только, находясь на поверхности, вытаскивать ведра.

В 11 часов происходила смена забойщиков. Но работавший до обеда Гера Лаци не захотел передать рабочее место Шанни Папп. Лаци находящимся на поверхности ничего не сообщил о своих наблюдениях, но по тому, как он упорно не хотел передавать смену, все видели: у Геры действовали серьезные причины пренебречь дисциплиной бригады.

О возможности близкого входа в пещеру говорило и то, что уже через час из шахты начала вырываться такая сильная струя воздуха, какой мы не ощущали на протяжении всей работы. Она подхватила брошенный в отверстие понора листок бумаги и подняла его над нашими головами. Одно за другим поднимались наверх ведра, наполненные кусками породы, которые вода обточила и округлила. Каждые десять минут Гера просил отпускать веревку, к которой он был привязан, на тридцать-сорок сантиметров. Наши горевшие от волнения лица приятно освежал поток прохладного воздуха, вырывающийся из отверстия.

"Старики" были уже у Бибицтебера и с волнением ждали развертывания событий.

Через некоторое время мы услышали крик Геры, просившего спуститься Шанни Паппа: на его пути стояла каменная глыба, и он один не в силах был сдвинуть ее с места. Заодно он просил спустить запасную веревку. Руки работали с необычайной быстротой. Папп натянул на себя спецовку, зажег лампу и начал спускаться в узкую шахту. Юноша едва протискивался в узком колодце. Лампу задул со свистом вырывающийся из отверстия ветер. Потом Папп исчез в глубине. Мы отпускали за ним веревку и считали метры. На восьмом метре Папп остановился и стал разговаривать с Герой. Но слов понять было невозможно, только неразборчивый, рокочущий шум доносился из глубины.

Они обвязали камень веревкой и крикнули, чтобы мы тянули сильнее. Веревка трещала под тяжестью груза. На счастье, камень имел продолговатую форму и поэтому прошел в узком камине. Мы еще не отвязали веревку, как Гера снизу закричал, что за местом, где лежал камень, камин идет дальше. Правда, еле-еле, но все же можно протиснуться через него. Нужна еще веревка. Папп кричит, что Гера обвязывает себя за поясницу и спускается дальше.

Наверху все хватаются за веревку.

- Держи... теперь отпускай!.. отпускай... еще... еще!.. Быстрее, потому что режет!.. повис на ней... еще... стой!

Потом снова Гера и Папп разговаривают между собой. Мы слышим их голоса, но слов разобрать нельзя. Зажигаем новые сигареты. Сколько ни кричали, ответа не было. Каждый чувствовал: мы перед большим событием. Я послал в камин Лаци Вербая, чтобы он нам сообщил, почему молчат Гера и Папп.

Вербай в мгновение ока молча обвязался веревкой. Стали спускать и его вниз.

- Счастливо, Лаци!

- Счастливо!..

Вот и он исчез. Веревка, словно бесконечная змея, извивалась вслед. Уже восемь метров, уже девять... На десятом метре веревка остановилась, и мы почувствовали, что она ослабла - Лаци снял с себя петлю.

- Что нового, Лаци?

Задаем вопрос, страшно волнуясь, но ответа снизу нет. Затаив дыхание прислушиваемся. И вот откуда-то доносится очень далекий крик. Потом снова повторяется:

- Г-г-д-е вы-ы?

Мы поняли. Часы показывают половину первого. Ленке Граф начинает плакать. Я смотрю на Ревеса, он думает то же, что и я: вход в пещеру открыт...

Пытаюсь спуститься вниз, но не могу. Рана на пояснице болит от каждого движения, а камни вдавливаются беспощадно. Больно настолько, что я покрываюсь потом. Все попытки напрасны. Пока не выздоровею, не смогу спуститься вслед за ними. Вытаскивают меня из колодца почти в бессознательном состоянии.

Мы ждем возвращения товарищей. Никто не уходит. Из лагеря пришла Магда Вираг - значит, обед готов и уже стынет. Ее слова едва доходят до нашего сознания. Никто не движется. Наблюдаем за безмолвным, темным отверстием понора. У входа в колодец колышатся от струй воздуха травинки. В страшном напряжении проходят минуты. Дядя Дюри робко вносит деловое предложение:

- Надо бы скорее пойти посмотреть, что там после взрыва.

Но никто не трогается с места. Думаю, что прикажи я им отправиться на рабочие места, ребятам было бы очень тяжело.

И вот в половине второго мы услышали снизу голоса. Кричал Гера: он привязал себя к веревке, можно тянуть. Сразу подскочили четверо. Поднимаем с невероятным трудом. Наверное, он не в состоянии помочь сам себе. Тяжелое дыхание слышится все ближе, наконец он появляется в суженном участке колодца. С ног до головы юноша был весь в грязи. Мокрые пряди волос свисают на покрытое глиной лицо. Мы едва узнали его. Последнее усилие - и он наверху. С одежды стекает жидкая грязь. Но глаза возбужденно поблескивают.

Без слов он бросается ко мне и, обняв, долго целует. Я не сопротивляюсь. Правда, я теперь стал тоже грязным, но даже в голову не приходит обратить внимание на такой пустяк.

- Есть, Ладика! Замечательная... и, по крайней мере, в километр длиной!

Радостно обнимаем Геру, а Ленке протягивает ему флягу с вином. Он жадно пьет, глазами показывая, чтобы мы побеспокоились о двух других. Их теперь тоже можно вытаскивать наверх. Колодец страшно узкий, дело продвигается медленно, но вскоре и они на поверхности. Едва можно разобрать друг друга, такой невероятный стоит шум. Все хором спрашивают, хором отвечают. Шан-ни Папп считает, что там можно пройти вглубь на расстояние трех километров, но Лаци Вербай говорит, что на полтора. Я не верю ни тому, ни другому и считаю только на пятьсот метров, так как по опыту знаю: в порыве воодушевления даже самые беспристрастные исследователи всегда преувеличивают. Теперь я жаждал узнать только одно, почему они были вынуждены возвратиться? Лаци объяснял это тем, что вода пещерного ручья внезапно исчезла под каменной стеной, и пещера стала там совсем низкой, даже на животе невозможно было ползти. Я тотчас понял: он говорит о сифоне.

- Ну, а сейчас посмотрим, что там можно сделать. То есть посмотрел бы, если бы мог. В горячке я совсем

забыл о своей ране. Как сделать, чтобы она не болела?!

За мгновение я перебрал в памяти все свои медицинские познания: самое худшее, что со мной может случиться при спуске в пещеру, - столбняк из-за попавшей в рану грязи. Ну, этого можно избежать, завтра попрошу врача сделать мне противостолбнячную прививку. И я решил. А на боль не нужно обращать внимания.

Пришедших в бурный восторг товарищей с трудом удалось отправить обедать в лагерь. Однако мы едва проглотили несколько кусков, обед нас теперь не интересовал. Мы начали приводить в порядок лампы и одеваться для разведки. В походе хотели участвовать все, хотя комбинезонов нам не хватало. Пришлось некоторым надеть на себя одежду наизнанку, а Ленке Граф заявила, что не представляет себе более простой и удобной спецовки, чем пижама.

Вскоре наша экспедиция была готова к отправке в путь. Дежурить по лагерю выпало на долю Магды Вираг.

Группа состояла из одиннадцати человек: Ленке Граф, Лайош Ревес с женой, оба Вербай, Нети Леринц, Ласло Гера, Шандор Папп, Ференц Конц, Иштван Турзо и я, руководитель.

Ревес и Ленке шли первыми. За ними я. Спуск в колодец для меня настолько мучителен, что были мгновения, когда я боялся не выдержать. Но все кончилось благополучно. На глубине двух этажей я отвязал веревку. Мы находились в пещере. Камин понора как бы вливался в потолок тянущегося коридора. Воды не было, но по пологому дну тотчас установили: в более влажный период года здесь протекает ручей. В направлении против течения ручья пещера очень узкая, но в другую сторону можно продвигаться довольно легко и беспрепятственно.

Пройдя несколько метров, мы достигли небольшого расширения, на стенах которого повсюду виднелись следы работы падающей сверху воды, сильно разрушившей горные породы. Не останавливаясь, поспешили дальше. Теперь коридор сужался и становился низким, продвигаться вперед можно только на четвереньках. Но вскоре потолок стал уже настолько низок, что пришлось лечь на живот и ползти, плотно прижавшись к земле. Прямо перед нами глубиной в полметра лужа из жидкой красной глины. Стало быть, нужно отказаться от надежды исследовать пещеру сухими.

Лежа на животе, мы ползли в холодном жидком иле. Теперь потолок совсем навис над нами и мы едва удерживали лампы над илистой грязью, жидкой, как вода. Когда мы делали более резкие движения, вода поднималась и попадала нам в рот и нос. Вдобавок ко всему именно в этой холодной ванне мы ощущали исключительно сильный поток воздуха, задувавший карбидные лампы. Не оставалось ничего другого, как ползком пробираться в темноте дальше, внимательно ощупывая потолок. Этот участок, которому дали имя Свинушник, длиной всего в десять метров, был труднее даже входного камина. После Свинушника мы снова смогли встать на ноги, и тоннель привел нас в высокий зал. Здесь показались первые большие сталактиты новой пещеры. Даже мы, кто видел на своем веку много сталактитовых пещер, стояли затаив дыхание. В своей сверкающей белизне сталактиты были как свежесвыпавший снег. Следов загрязнения, темно-серых налетов, столь обычных для Барадлы, тут и в помине не было. Казалось невероятным, что сложенные из серого известняка горы могли стать творцами таких белоснежных сталактитов.

Когда мы делали резкие движения, вода поднималась и попадала нам
в рот

Я уже не чувствую ни боли, ни насквозь мокрой прилипшей к телу одежды. Энтузиазм исследователя зовет дальше. Вскоре мы достигаем большого грота. Здесь можно выбрать два пути: или по каменистому руслу ручья, или по карнизу окаймляющему русло. Последний, однако, словно только что выпавшим снегом, покрыт ковром изумрудно блестящих кристаллов кальцита, и, не желая своими грязными ботинками разрушить эту красоту, мы выбрали нижний, более трудный путь.

Страшно возбужденная группа гуськом двигалась в неведомое. Обвалы каменных глыб преграждали путь, но мы каждый раз находили возможность пробираться сквозь них. У одного из поворотов мы увидели новое ответвление пещеры с полом из гальки. До сих пор мы почти все время шли по каменистой или глинистой почве. Начиная же с "галечного тоннеля" путь шел по "галечному коврику". Теперь уже не приходилось бороться за каждый метр. Пещера расширилась, спокойно и без особых препятствий мы продвигались дальше. Без конца тянувшийся коридор был настолько высоким, что иногда свет карбидных ламп не достигал потолка. Поворот следовал за поворотом. Перед нами - громадный сталактитовый занавес.

Такого большого и массивного занавеса, как этот "Красный стяг" я еще не видел. В Барадле не встречалось похожей драпировки.

Занавес длиной около двух метров широкими волнами ниспадал с потолка. Но толщина едва ли достигала полсантиметра, и поэтому сквозь него просвечивало пламя карбидной лампы. По оранжевому фону занавеса шли широкие красные полосы, а весь он был окаймлен белоснежными, блестящими сталактитовыми кружевами.

А теперь действительность казалась все же неправдоподобной

Широко раскрытыми от восторга глазами мы с жадностью смотрели и не могли намотреться. Густой лес сталагмитов, журчащий на дне пещеры кристальный родник, отвесные каменные стены, наведенные с инженерной точностью, множество редькообразных сталактитов и другие все новые и неожиданные картины поражали нас.

Неги Леринц начал проявлять бурный восторг, который тотчас же передался и другим. Наше продвижение по пещере нельзя было назвать тихим и спокойным созерцанием.

Да, это и следовало ожидать. Сколько раз в мечтах мы представляли пещеру, пожалуй, именно такой, какой она была, а теперь действительность казалась все же неправдоподобной.

Наконец после получасовой быстрой ходьбы мы достигли точки, где Гере и его товарищам не удалось продвинуться дальше. Как показали наши последующие измерения, эта точка находилась в четырехстах тридцати шести метрах от колодца Бибицтебер. Журчащий ручеек исчез в низком сифоне, чтобы продолжать свой, нам еще неизвестный путь под горами к источнику Комлош.

На минуту мы нерешительно остановились. Отверстие здесь очень узкое, через него на ту сторону сифона не пробраться, а пещера, вероятно, там снова расширяется. Вдруг я заметил у себя над головой более широкое отверстие, и сразу же стало ясно: это ход, огибающий сифон. По отвесной стене, встав на плечи товарищу, я вскарабкался наверх. Потом пролез в отверстие и убедился в правильности своих предположений. Коридор шел над сифоном широкой дугой, и после нескольких метров продвижения по нему, несколько изловчась, я снова спустился в пещеру, но теперь уже за сифоном, где еще никто никогда не бывал. Волнение дошло до предела. Один за другим за мной переползали товарищи. Теперь снова мы беспрепятственно могли продвигаться вперед.

Новые великолепные группы сталактитов, красные, желтые и белоснежные, похожие на стеклянные трубочки, сияющие заросли длинных каменных капельников; с каждым поворотом разворачивались перед нами все более чарующие картины.

Кто из нас мог бы сказать, как долго мы идем по этой волшебной пещере, а ей и конца нет. В некоторых местах заросли сталагмитов так густы, что скрепя сердце приходится их ломать, чтобы идти дальше.

Некоторые сифоны мы обходили сверху, через другие проползали на
животе

Новый сифон, за ним второй. Некоторые мы обходили сверху, через другие проползали на животе. Пещерный лабиринт вел все глубже и глубже в сказочный, таинственный, еще не виденный человеческим глазом тихий храм царства сталактитов. Вспомнились слова отважного исследователя старой пещеры Аггтелек Имре Ваша, который так писал о своих впечатлениях:

"Большие и маленькие, блестящие и белоснежные, оспаривающие друг друга своим великолепием, стояли там в несметном количестве натечные каменные столбы, свисали вниз красивые каменные сосульки, заставляющие забывать страх и опасность, очаровывающие и зовущие человека продолжать его подземное путешествие. Многие места каменных стен были покрыты словно коврами, а на них кристальные натеки, образовавшиеся из просачивающейся известковой воды, казались на этом ковре драгоценными камнями".

В этой части пещеры приходилось часто заходить в воду по щиколотку, а иногда и по голень. Течение ручья, по которому мы шли, не было очень сильным, но местами вода собиралась в ложбинках, и мы их уже не могли обойти.

Теперь мы должны были пройти через глинистый ход, огибавший сифон. Выйдя из него, едва сделав несколько шагов, я обратил внимание на далекий, необычный шум. На мгновение прислушался, наверное, шумит вода. Я пробежал несколько шагов в направлении шума. Перепрыгнув через довольно глубокий бассейн, я попал в необыкновенно большой грот. Там, пересекая наш путь, протекал ручей - источник шума. Справа и слева таинственная пустота поглощала свет моей карбидной лампы.

Неожиданное зрелище поразило меня. Оказывается, мы только теперь вошли в настоящий главный тоннель пещеры. А длинный извилистый коридор, в который мы попали под горой Соморхедь у понора Большой долины и шли до сих пор, думая, что он главное русло подземного ручья Комлош, был лишь ответвлением этого намного большего по величине тоннеля. Размерами открытой теперь части пещеры мы были довольны. Ведь источник Комлош значительно меньше, чем источник Йошва, вытекающий из Барадлы. Казалось естественным, что поскольку здесь воды меньше, то и пещера должна быть меньше, чем Барадла. Однако я стою в главном тоннеле, и он кажется мне таким же громадным, как и старая пещера Аггтелек.

Открытый в Бибицтебере колодец понора в действительности был воронкой, но не главного тоннеля, как я считал.

Думается, немногие исследователи принимали с такой радостью весть о том, что в их предположения вкралась ошибка. Счастливым, я крикнул своим товарищам, чтобы побыстрее шли за мной. И, преисполненный гордостью, наблюдал, как на их лицах появляется выражение испуганного удивления. Мы все понимали: только теперь начинается настоящая работа!

Путь в этой пещере был свободен с двух сторон. Минуты раздумья, и мы решили идти по направлению течения ручья. Теперь мы продвигались, уже не растягиваясь и не гуськом: пещера была достаточно широкой для того, чтобы идти по два, по три человека в ряд. Местами холодная вода ручья заполняла ее во всю ширину. Теперь мы шли по колено в кристально чистой воде, потом дорога повела нас по шуршащей гальке. Идя по подземному руслу ручья Комлош, иногда по бедра погружаясь в воду, мы не переставали восхищаться. С едва видимого глазом потолка свисали метровые сталактиты, на зеленовато-серых каменных стенах сверкали всеми цветами радуги кристаллические натеки. И все это великолепное зрелище отражалось в воде ручья. В одном большом гроте тонкие сталактитовые стержни разрывали зеркальную гладь озера. Чем глубже был бассейн, тем более темно-зеленым казался цвет воды. Темно-зеленая вода и свисающие над ней удивительные кружева красных, желтых и белоснежных сталактитов создавали игру красок, не поддающуюся никакому описанию. И каким-то необыкновенно сказочным делала все это переливчатая мелодия журчащего ручья. Совсем иное настроение вызывал в другом зале грозный гул каскада.

Невозможно объяснить охватившее нас чувство, когда, промокшие в холодном ручье, мы бежали все дальше и дальше, когда, не считаясь с опасностью и рискуя жизнью, протискивались среди неустойчиво лежащих глыб, завоевывая дотоле неизвестные, спрятанные под землей владения, - да, эти минуты щедро возмещали мучения безнадежных до сих пор поисков, ночи, переплетающиеся с днями, уже казавшимися напрасными усилия, добровольно взятые на себя лишения. Чувство этих минут сможет понять только тот, кто сам принимал участие в длительной и упорной борьбе, кто сам выигрывал битву, битву за большое и серьезное дело.

Я подумал о том, что московский экзамен я выдержал по-настоящему только сегодня...

И вдруг мы вспомнили, что в наших лампах кончается карбид. На глубине больше тысячи метров, в царстве подземной воды и опасных каменных пропастей мы забыли о беззвучно бегущем времени. Кто знает, сколько часов тому назад начали мы под землей наш исследовательский путь? Но лампы о времени не забыли и не обращали внимания на наше исключительное открытие. То в одной, то в другой тускнело пламя карбида, некоторое время они еще мигали, но потом гасли окончательно. Мы слишком поздно обнаружили, какое непростительное легкомыслие проявили, не взяв с собой запас карбида. Кто знает, как мы еще далеко от конца. А широкий темный коридор пещеры заманчиво и уверенно вел нас теперь все дальше и дальше.

Но нет, больше уступать соблазну нельзя. Может быть, и теперь поздно! Если мы не успеем вернуться до тех пор, как погаснет наша последняя лампа, то навсегда останемся в этом каменном склепе вечной темноты. На глиняном холме входа Фарфорового коридора мы записали дату: "4 августа 1952 года". Мы уже тогда знали, что эта запись будет внесена со временем в книгу "Истории венгерской спелеологии". И внесена на первую, тисненную золотом страницу, на которой до сих пор была записана только одна фраза:

"В 1821 году я дошел до сих пор, и не дальше - *Имре Ваш*".

Две лампы горели до самого колодца, но едва излучали свет. По петляющим ходам тоннеля Исследователей наша группа могла продвигаться вперед только гуськом, часть товарищей шла на ощупь, почти вслепую. Поэтому не удивительно, что с одного верхнего входа, огибающего сифон, Лайош Ревес упал и об острие глыбы поранил себе голову. Через открытую рану виднелась черепная кость. Не было ни времени, ни чистого материала для перевязки раны. Ревес был в состоянии идти, и мы двинулись дальше.

В Свиноушнике обе едва излучавшие свет лампы задул ветер. К счастью, у дяди Дюри оказались под шапкой три сухие спички, мы смогли зажечь одну из ламп. Ощупью, шаг за шагом продвигались вперед.

Наконец через довольно длинный промежуток времени послышался счастливый возглас Ленке Граф, который означал, что мы достигли колодца. И на самом деле, в последних отблесках едва светящегося карбидного пламени мы увидели на поверхности потолка спускающийся из отверстия конец веревки.

Однако по ней никто взобраться не смог - беда в том, что от ила Свинушника одежда сделалась невероятно скользкой, а наши безуспешные попытки взобраться очень загрязнили веревку. Теперь мы окончательно потеряли надежду использовать ее для подъема на поверхность. Не оставалось ничего другого, как попытаться кого-нибудь поднять и толкнуть в колодец. Сделали пирамиду, чтобы Лаци мог взобраться последнему на плечи и, дотянувшись руками до самого узкого места колодца, попробовал бы там подтянуться. Все напрасно. Два раза он падал. В грязной и скользкой одежде он выскальзывал из колодца, как хорошо смазанный поршень. Наконец, когда мы уже потеряли последнюю надежду, Лаци Вербай снял ботинки и попробовал взобраться босиком. Снизу, встав на плечи друг другу, мы подталкивали его. Попытка удалась! Из нижней части колодца он вылез на первую площадку, где, немного передохнув, при помощи веревки (обвязанная вокруг поясицы, вся в глине, она невероятно резала) вытаскивал одного за другим членов экспедиции.

Наступила очередь вытаскивать Лайоша Ревеса. Левой рукой он уже схватился за каменный выступ и хотел было подтянуться, когда у ног тех, кто держал веревку, сорвалась громадная глыба и со страшным грохотом полетела вниз, прямо в направлении Ревеса. Помочь было невозможно. Беда казалась неминуемой. Тупой треск, и в следующее мгновение глыба вместе с Ревесом упала к нашим ногам.

Бедный Лайош! Дорого обошелся тебе этот поход. Лампа потухла, и в темноте мы не видели, что сорвавшийся камень превратил в обрубок только мизинец на руке Ревеса. Если бы хоть что-нибудь можно было видеть в кромешной темноте пещеры, если бы хоть на минуту вспыхнуло желтое пламя спички, мы бы успокоились. В наступившей после грохота мучительной тишине стояли мы беспомощно друг подле друга, застыв в полном замешательстве.

У меня едва хватило сил задать вопрос. Если ответа не следует - значит, произошло самое страшное.

- Лайош, ты жив!? Лайош... ответь!

И Лайош ответил:

- Успокойтесь, жив. Вытаскивайте меня побыстрее!

Мы тотчас привязали к нему конец веревки и, подталкивая снизу, подтягивая сверху, успешно вытянули на первый выступ.

Выбирались на поверхность прежним способом выталкивания. Наверху была ночь, поход закончили в полной темноте. Кто не был там, тот не сможет представить себе, как мы мучились, работая эти полтора часа, пока наконец не попали все снова под звездное, ясное небо.

Интересное существо человек! Насколько мы в течение месяца горели желанием предпринять этот незабываемый поход, насколько упорно, без необходимого снаряжения, не обращая внимания на ушибы и ранения, пробивались через первую узкую расселину в таинственный подземный мир, настолько счастливы были теперь, увидев диск обычной желтой луны. Какое-то особое наслаждение испытали мы в тихую летнюю ночь, услышав после холода и глухой тишины пещеры монотонный треск кузнечиков, который наполнял так хорошо знакомый мир звуками жизни...

Первым делом нужно было оказать помощь пострадавшему. Мы промыли и перевязали раны. При свете костра убедились, что раны Ревеса не опасны для жизни, хотя и выглядят ужасно. Из-под бинтов выглядывали только одни глаза Лайоша, но он говорил, что за эту пещеру не только мизинца, а целой ноги не пожалел бы отдать. Да, это правда. У меня у самого тоже было такое чувство.

Мы так и не ложились. Через час наша группа была уже в Йошвафе, где на берегу источника Комлошу разложенного огромного костра до полудня следующего дня продолжалось веселое празднество. Звуки песен победоносно летели над лежащими внизу горами...

Я думаю, в ту ночь и в Йошвафе мало кто спал. Но надеюсь, что жители поселка простили нам нарушение ночной тишины. Ведь наш праздник, наш победный праздник - и их тоже. Даже не только их: всей страны. Страны, которая в тот день обогатилась новой громадной сокровищницей, страны, люди которой ломают себе головы не над изобретением все новых видов смертоносного оружия, а над средствами развития науки и культуры, люди которой открыли сегодня вторую сталактитовую Барадлу - пещеру Мира.

БЙБИЦТЕБЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Известие об открытии пещеры распространилось с быстротой молнии. За несколько дней оно облетело всю страну. Все интересовались новой громадной сталактитовой сокровищницей, все хотели ее видеть. Ежедневно из близлежащих окрестностей и из самых различных частей страны прибывали в бибицтеберский лагерь туристы, путешественники. Конечно, и речи не могло быть о том, чтобы их пустить в пещеру. Ведь только теперь начиналась настоящая работа. Нужно было овладеть пещерой! А это значит, провести в ней исследования, вычертить планы, укрепить те места, где грозит опасностью обвал, расширить труднопроходимые участки, а главное - пройти ее целиком. Ведь те участки, которые мы обошли четвертого августа, составляли лишь среднюю часть пещерной системы.

Для работы необходимо было заготовить новое снаряжение. Нет сомнения, что теперь, когда результаты уже налицо, мы получим поддержку. Так и получилось. Скоро прибыла из министерства телеграмма, в которой Шандор Виталиш сообщил, что мы можем продолжать начатое дело, просил представить план дальнейших исследовательских работ и проект сметы.

На несколько дней я поехал в Будапешт, где в первую очередь договорился об изготовлении специальных резиновых комбинезонов. Они должны быть непромокаемы, из тонкого, легкого, прочного материала и не стеснять движений, нижнюю часть комбинезона нужно сделать в виде резиновых сапог, так как она быстрее изнашивается.

Некоторые залы пещеры настолько велики, что свет даже самых сильных карбидных ламп не достигает стен. Поэтому необходимо было достать большой светосилы лампы и электрические фонарики. Взрывчаткой, бикфордовым шнуром и запалом, а также необходимыми аппаратами к электрическому взрывателю снабдила нас шахта Рудобаня. Часть цемента, необходимого для строительства входного тоннеля, мы получили в Будапеште, другую в Перкупайском гипсовом руднике. Наконец настал час, когда из Института геологии мы весело повезли на машине все необходимое снаряжение.

Наша исследовательская группа снова пополнилась. Мы взяли новых рабочих, а те, кто работали у нас до сих пор в порядке товарищеской помощи, стали получать регулярную зарплату.

За несколько дней камин значительно расширился. Один за другим взрывы производились у входа в пещеру. Все работало с воодушевлением. Я по-новому организовал бригады. Одна из них стальным сверлом бурила в скале шпур для взрывчатки. Другая крепила подпорки, в местах, где возможен обвал. Третья вытаскивала ведрами ил из Свинушника, чтобы не купаться каждый раз в грязи. Прибывали подводы, привозившие из Йошвафской каменоломни необходимую для цементирования бетоном щебенку. Для входа в пещеру Мира в Рудобане ковали металлическую дверь. В расширенном камине воронки начали монтировать железную лестницу. Так вскоре освободились веревки, уже не нужные для спуска в пещеру. Постепенно исчезала стоявшая на пути и доходившая до щиколоток, а порою и до колен вода. Там, где раньше пробирались на четвереньках или ползли на животе, теперь можно было идти в полный рост. Старые узкие сифоны превращались в удобные для прохода тоннели. Продвижение по тоннелю Исследователей стало настолько легким и свободным, что за двадцать минут мы достигали главной галереи. А в день открытия из-за узких мест, луж, грязи и воды нам на это понадобилось больше часа.

Теперь, когда не нужно было на каждом шагу остерегаться, не нужно было опасаться внезапных и неожиданных обвалов, мы по-настоящему смогли увидеть, насколько красива пещера. Та часть ее, где раньше в мокрой пропитанной глиной одежде мы дрожали от холода, теперь в сухих комбинезонах казалась нам воплощением тепла. Изменился и вид у входа пещеры. На отвесной стороне понора построили лестницу. Барьер из березовых кольев служил ограждением от пасущихся неподалеку любопытных коров и коз. Надпись "Счастливо!" на сбитых из жердей воротах напутствовала отправляющихся на работу.

Вместе с нами радовались и жители окрестных сел. Всю глубину и искренность их радости доказал организованный в одно из сентябрьских воскресений по инициативе работающих вместе с нами крестьян народный праздник, на который мы были приглашены.

Лагерь изыскателей понора Бибицтебер

Уже в предобеденное время начала собираться на площадке перед пещерой Мира аггтелекская, йошвафская и егерсегская молодежь, а через несколько часов, украшенные пестрыми лентами и зелеными ветками, одна за другой подъезжали повозки с празднично одетой молодежью и стариками. Бибицтебер никогда не видел такого скопления народа. Собравшиеся хотели услышать историю открытия пещеры, и я, встав на телегу, вкратце ознакомил их с еще недоступными для общего обозрения достопримечательностями.

Тысячная толпа с таким вниманием и в такой тишине слушала мой импровизированный доклад, что даже пролетающую муху можно было услышать. После этого под веселую музыку народного оркестра при свете огромных костров весело танцевала молодежь.

Улучшились наши бытовые условия. До сих пор из-за большой отдаленности деревень возникало много работ по снабжению продуктами. Сколько раз в самый разгар работ, когда уже от голода кружилась голова, мы вспоминали, что у нас нечего есть. Тогда быстро ставили силки и ловили для "пира по нужде" штук десять жирных сусликов. Конечно, не всегда выходило так, как нам хотелось. В таком случае страдала весело виляющая хвостом собака Сифон, которая своим собачьим умом не могла понять значения наших пинков:

- Видишь, Сифон, если бы ты не сожрал два килограмма брынзы, мы все могли быть сыты.

Теперь при содействии руководителя отеля "Морской глазок" Яноша Бронштейна мы стали получать обед из ресторана. Правда, за ним нужно было ежедневно ходить с ведрами в Йошвафе, и оттуда не раз мы приносили его в лагерь далеко за послеобеденное время, но все же ели хорошо приготовленную горячую пищу. Кроме того, деревенские жители, особенно егерсегцы, много раз потчевали "товарищей инженеров-исследователей" маленьким "скромным" обедом. Когда мы видели приближающуюся к лагерю со стороны Егерсега тетушку Тарцали с огромной посудинкой, то уже наперед знали, что у нас будут на обед превосходные цыплята.

Однако по-прежнему тяжелым оставался у нас вопрос снабжения водой. В нашем районе, где развит карст, трудно найти воду, особенно в сухую летнюю пору. Единственным по соседству колодцем был журавль в долине Пилинки, причем на расстоянии километра с гаком от лагеря.

Принесенную воду использовали для питья, варки и стирки, а теперь ее много требовалось и для замешивания бетона. Путь от колодца до дома изумительно красив, но с двумя ведрами было невыносимо тяжело взбираться на холм через три крутых подъема до большого дуба, потом до большой груши, потом до дома - много раз приходилось отдыхать, прежде чем преодолевали это расстояние. И так ежедневно и неоднократно.

Обед в лагере. Меню: жареные суслики с рисом

Иногда в лагерь приходили "умирающие" от жажды козы, и дежурный по лагерю - мой отец - не мог с ними справиться. За какую-нибудь минуту они выпивали все наши запасы воды до последней капли. Напрасно он нещадно лупил это "козье нашествие", все равно вода ими выпивалась до последней капли. И какими бы усталыми мы ни были, каждому приходилось ходить к живописному колодцу Пилинки...

Тяжелым делом были мытье посуды и стирка. Каждый день мы откладывали в сторону много жирной из-под еды посуды и огромное количество грязной и мокрой как верхней, так и нижней одежды, которая после наступления осенних дождей уже никогда не просыхала

Конечно, было множество трудностей. Преодолевать их и начинать каждый новый день в бодром настроении было делом нелегким. И все-таки и здесь мы всегда одерживали победу.

Для исследовательских работ в пещере я организовывал специальные экспедиции. До конца полевого сезона то есть до начала ноября, пещеру посетило около пятидесяти разведывательных, топографических и биологических отрядов. Каждый в своей области вел самые разнообразные работы. Наиболее короткие исследования продолжались десять-двенадцать часов, самые длинные - тридцать.

Снаряжение для таких экспедиционных отрядов приходилось составлять особенно заботливо. Помимо этого, мы проводили разведку карстовых явлений в более отдаленных районах. Например, в Терестене и Егерсеге, где определили контуры еще неизвестных сталактитовых пещер, исследование которых станет в дальнейшем объектом самостоятельных работ.

ДАЛЬШЕ!

Нижняя часть галереи по направлению течения ручья до конца пройдена нами еще не была. Возможно, что конец недалеко от того места, где мы в день открытия повернули обратно, но возможно, что пещера тянется еще на многие километры.

5 августа мы провели разведку для знакомства с верхней частью главной галереи. Она показала, что можно продвинуться вверх примерно на километр. Здесь было обнаружено одно из самых красивых, когда-либо виденных нами сталактитовых образований - белоснежная, в два метра высотой и семнадцать шириной Большая туфовая плотина. На этом участке пути шел необозримой высоты с отвесными стенами коридор, от которого отходило много ответвлений. Габор Мадяри с Мишкой Месарошем вползли в одно из них довольно далеко, но вскоре им пришлось повернуть обратно, так как целью похода была разведка главной галереи до верхнего конца.

В двухстах метрах от выхода тоннеля Исследователей за одной из известково-туфовых плотин, тянулось пятнадцатиметровое глубокое озеро, настолько глубокое, что казалось бездонным. Нужно было вскарабкаться на высокий каменный карниз и, балансируя над водой, пробираться вперед. Пройдя километр, мы наткнулись на огромный завал, который совершенно перекрыл нам путь. Из-за наших попыток проделать ход между обломками скал с высоты со страшным грохотом начала сползать каменная лавина. Через несколько мгновений вся пещера так задрожала, будто в нее попала бомба. Словно пушечные ядра, рушились с высоты каменные глыбы величиной со стол. Они чуть не похоронили Вали Сабо и Лаци Геру. Здесь надо быть очень осторожными. Поэтому мы отложили исследование верхнего конца главной галереи и пошли осматривать нижний.

6 августа. Печет солнце. Мы упаковали снаряжение.. Из-за холодной пещерной воды оделись потеплее. Резиновой одежды в то время у нас еще не было. В новом разведывательном походе приняли участие экскурсоводы Йошвафской пещеры - Лайош Берец и Арпад Мижер. Даже Йожеф Секе и Иштван Сюч согласились пойти с нами и пренебречь неприятным ощущением холодной воды. Они пришли из Еделеня по поручению исполкома и, желая убедиться в подлинности слухов, согласились на любые трудности. Веревку должен был нести товарищ Секе.

Свинушник не был еще приведен в порядок. Мы с трудом пробираемся по нему, подбадривая тех, кто идет здесь впервые. Новички отплевываются, чихают от едкой грязи и интересуются, вся ли пещера такая? Однако вскоре они утешаются; у Красного стяга нам пришлось убеждать их в том, что очень спешим, так как перед нами длинный путь; а они каждой сталактитовой группой хотели любоваться часами.

В главной галерее мы продвигаемся гораздо быстрее. Как старых близких знакомых приветствуем мы всего лишь развиденные интереснейшие ориентиры: причудливый каменный утес Стервятник, густой лес молодых сталактитовых капель и грибов, Сталактитовый детский сад, кружевные Волшебные ворота и страшный обвал Железных ворот. Через некоторое время с каменной вершины Бронзовых ворот спускаемся вниз, в русло журчащего ручья. Потом перебираемся на сказочные раковины Пяти туфов, и вот в ста метрах от них перед нами предстают Стальные ворота.

Новички не могут удержаться от возгласов удивления. Да и мы тоже. Сегодня, пожалуй, мы получили еще большее удовольствие от этого сказочно великолепного подземного мира, чем в первый раз. Снова метров сто идем вброд по колено в воде. Промерзли до мозга костей! Какие замечательные лодочные походы здесь можно будет организовывать! Наконец мы у глиняного холма. Ленке Граф, сияющая от восторга, показывает надпись:

"4 АВГУСТА 1952 ГОДА. ГРУППА ЯКУЧА".

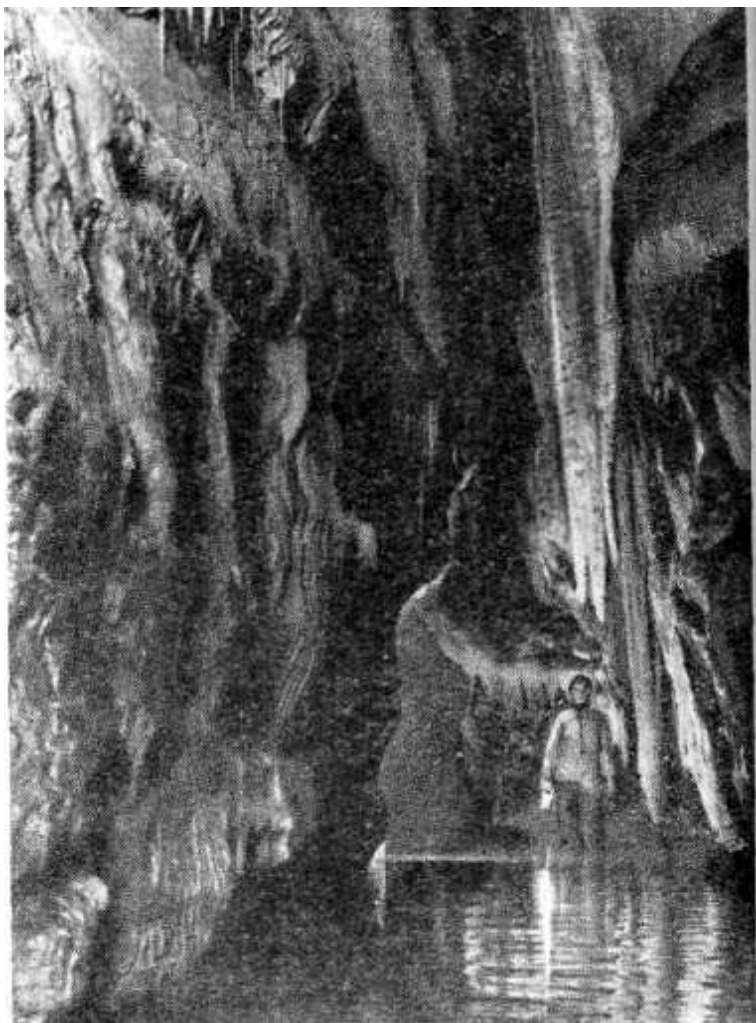
Здесь начинается новая неизвестность...

Мы снова наполнили наши лампы карбидом. Опять чувствуется та необычайная взволнованность, от которой громко стучит сердце. Ревес идет около меня. С беспокойством смотрю на его перевязанные голову и руку. С марли каплет грязь. Но я даже не пытаюсь отговаривать его от дальнейшего участия в походе. Знаю, все равно напрасно. На его месте я поступил бы точно так же.

Ручей становится глубже. В сводчатом коридоре, загроможденном тяжелыми сталактитами, вода достигала бедер. Самые мелкие камешки виднелись на дне, такая она была прозрачная. На стенах глубокими полосами выделялись ложбинки - прежние уровни ручья. Теперь вода заполняла весь коридор пещеры, шириной всего-навсего в два метра. Мы едва видели потолок, он находился на высоте пятнадцати-двадцати метров. Сверху спускался громадный сталактитовый занавес. Он достигал в длину приблизительно восьми метров. Ширина его была около восьмидесяти сантиметров. Нижний конец будто ножом был разрезан надвое. На громадном занавесе то там, то здесь блеснули десяти-, двенадцатисантиметровые кальцитовые иглы. Величественная картина! Мои товарищи в один голос предложили назвать этот занавес "Тещин язык".

Вот мы идем по Фарфоровому коридору. Каменные стены яркого сине-зеленого цвета. По стенам сбегает кремово-желтые "водопады" сталактитов. Очень интересные сочетания красок. Скоро мы услышали шум. По туфовой плотине, которая запрудила воду на последнем участке нашего пути, блестящим занавесом низвергался ручей Комлош. Балансируя по краю плотины, мы отыскивали место, где смогли спуститься в нижнее русло. Отсюда шел довольно длинный мелководный участок. Мы могли идти по ручью вброд, вода доходила только до щиколоток. Как легко здесь построить тротуар из чудесных камешков, взятых со дна!

Лампа товарища Секе погасла. Он попробовал ее зажечь, но безуспешно. Мы горели нетерпением и жаждали идти дальше. Однако нужно было сменить фитиль. Пока они возились с лампами, я пошел вперед. Не верю своим глазам: передо мной белоснежный сталагмит, поверхность которого густо покрыта длинными, блестящими, как алмаз, игольчатыми кристаллами. Большинство иголок не прямые, а закручиваются винтом. Как образовались такие причуды?

Мы идем по Фарфоровому коридору

Ответ на этот вопрос - задача дальнейших исследований. Во всяком случае, Еж - самая необычная группа сталагмитов, виденная нами в пещере Мира. Я даже вблизи не разрешал товарищам рассматривать их, боясь, что они поломают тонкие иглы.

Здесь густо торчали похожие на вешалки кривые сталактиты

Теперь настала очередь Магды Вираг обратить наше внимание на виднеющееся на стене двумя метрами выше другое интересное явление. Здесь густо, прямо друг подле друга торчали похожие на вешалки кривые сталактиты; на конце сталактитов, растущих вверх, были дырочки величиной с острие иглы.

В дождливое время через их тоненькие трубочки из рас-селин горной породы вытекает вода. Стремясь найти себе вы-ход, она тонкой струйкой била из канальчиков вверх, создавая интересное и редкое явление - изогнутые сталактиты.

Дальше картины беспрестанно менялись. Местами, в сто-роне от ручья, плавали в маленьких водоемах белые слепые рачки ³². Потом мы увидели, как испуганно прыгнула прямо перед нами лягушка. - Я думаю, в тот момент мы были удивле-ны больше, чем наша добрая знакомая. Появление лягушки означало: где-то должно быть, по крайней мере, в несколько сантиметров шириной отверстие, через которое вода могла за-нести ее сюда с поверхности. Конечно, трудно было предпо-ложить, что она пришла сюда в пещеру по доброй воле. Позд-нее мы встретились в пещере еще с множеством лягушек и да-же хвостатой саламандрой. Эти животные обитали в главном тоннеле. Очевидно, они попали в пещеру во время весеннего половодья, несколько месяцев назад, благодаря понору Боль-шой долины, через который вначале и мы пытались проник-нуть. Интересно было наблюдать, как лягушки реагировали в подземном мире, сулившем им верную гибель, на слабый свет наших ламп. Их глаза привыкли к постоянной темноте. При-выкли! настолько, что когда мы их вынесли наружу и они сно-ва смогли увидеть несомненно ими горячо желаемый дневной свет, то внезапно ослепли от ярких лучей солнца.

Чем глубже мы забирались в эту огромную сталактитовую страну, тем достигали больших гротов. Слева в одном из них протекал ручей. На другой стороне был большой глиняный бугор с пологими склонами. Мы стали влезать на него по скользкой глине. Посмотрели вверх: непроницаемая мгла означала, что зал очень высокий. Позднее, когда у нас имелись карманные фонарики, и мы направили их лучи на потолок, то увидели, что высота зала превосходит все наши ожидания. Яр-кий сноп лучей карманных фонариков бесследно проглатывал-ся таинственным мраком.

Кажется, по размерам эта пещера все же меньше, чем Ба-радла, но производит очень внушительное впечатление. С тре-вожным любопытством мы спешим по тоннелю. Поразительны по красоте сталактитовые образования... Невозможно выразить словами все великолепие и разнообразие их форм и цвета.

Мы диву даемся, глядя на широкий и громадный сталактитовый занавес: он тонок до прозрачности, длина его семь метров, а конец сильно ободран, будто вода специально сделала по краям бахрому. Мы назвали его Гарпун.

Все усиливающийся шум пещерного ручья означал, что поблизости водопад. Водопад был невелик, но огромная пещера эхом вторила его гудящему шуму.

Ручей стал глубже. Теперь мы шли по пояс в воде. Можно было пробираться и по берегу, но так мы шли быстрее, а мокрыми все равно уже были. Неожиданно опять попали в грот. Здесь под сорвавшимися сверху громадными каменными глыбами вода прорыла небольшой тоннель. Идти по тоннелю или взобраться на гору обломков и, оставив русло ручья, пройти этот участок, не замочив ног? Взбираться слишком долго - выбрали нижний путь.

Вода ужасно холодная: девять с половиной градусов, мы сразу же их почувствовали. Ленке Граф дрожит. Она громко стучит зубами, замерзла, но ни за что на свете не призналась бы в этом. Ссылается на волнение. Безусловно, бывает, что дрожишь от волнения, как в лихорадке. Главным образом такое случается в приемной зубного врача или во время какого-нибудь трудного экзамена. Но здесь, однако, не было ни зубного врача, ни экзаменов, и мы были склонны думать, что Ленке "нервничала" лишь из героизма.

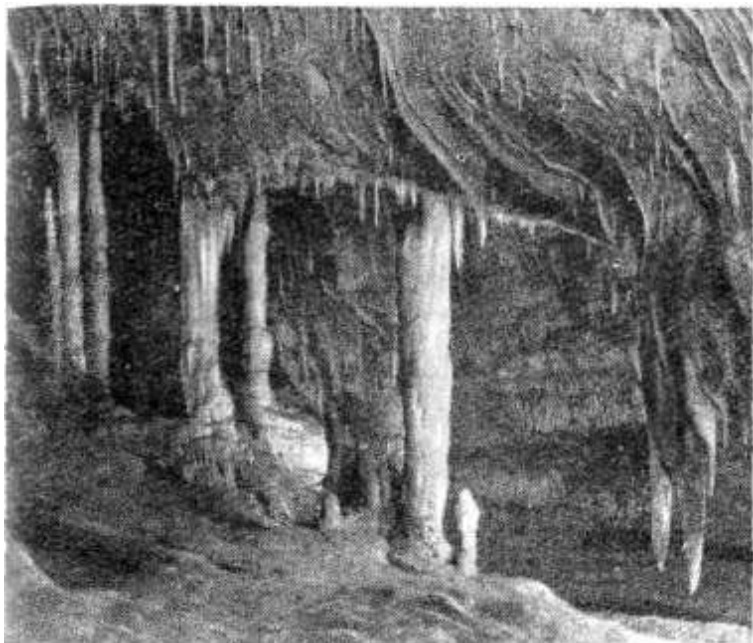
Ну и длина у этой пещеры! Мы уже подумывали о возвращении, когда ручей неожиданно исчез под нагромождением каменных глыб, до самого свода заполнивших пещеру. Ошеломленные, осматриваемся. Идти дальше нельзя. Но никто из нас и думать не хочет о возвращении. Препятствие придало нам сил. Не составляло особого труда установить, что загроможденный сифон можно легко обойти. Нужно лишь переползти через крутой и скользкий глинистый гребень. Товарищ Секе поскользнулся и, упав навзничь, со страшной быстротой полетел вниз. К счастью, внизу он натолкнулся на рыхлый и мягкий ил, который с шумом разбрызгивается во все стороны, но не причиняет серьезного вреда нашему путешественнику. Мы продолжаем путь дальше, по ту сторону холма. Издалека снова слышится заманчивый шум. Снова хребет. Снова перебираемся. На этот раз без существенных волнений. На дне зала течет ручей. Пещера внезапно заканчивается отвесной стеной.

В каменный сифон с просветом всего в несколько сантиметров падает небольшим водопадом вода. Лежа на животе, мы пробуем склониться к ней и осветить сифон. Наблюдаем весьма неутешительную картину. Через несколько метров каменный свод сифона опускается на воду. Положение невеселое.

Ленке Граф дрожит еще сильнее. Она даже не в состоянии закурить сигарету. Мы опечалены: вот перед нами и конец пещеры. Потом смеемся над собой. Пещера уже таких размеров, что превосходит все наши самые дерзкие мечты. В свете едва мерцающих ламп мы ищем возможность обойти сифон. С правой стороны вверх ведет отвесный скользкий глинистый склон. Над ним зияет отверстие. Взобраться удастся значительно легче, чем мы думали. Забираем с собой снаряжение. Веревка вся в глине и теперь стала в три раза тяжелей. В коробку с карбидом каким-то образом попала вода, и мы чувствуем резкий запах ацетилена. Приблизительно на высоте шести метров над уровнем ручья мы попадаем в короткий и неширокий глиняный коридор. На этом участке некоторое время пробуемся по горизонтали, а дальше начинается спуск.

По скользкой глине мы скатываемся на глубину этажа. Здесь уже коридор становится значительно шире. В нем нет даже и следов ручья. Снова взбираемся по очень крутой глиняной стене. Восхождение опасно, нет ни малейшего выступа, за который можно бы ухватиться. Нужно ползти, плотно прижавшись к земле, чтобы не соскользнуть вниз. Наконец с трудом взобрались наверх и попали в еще более высокий коридор. Тут и земля, и стены, и каменный свод, - все покрыто толстым слоем сырой красной глины. Конечно, невозможно сохранить веревку сухой и годной для употребления. Пожалуй, эта верхняя ветвь обходного пути сифона - самая грязная часть пещеры.

После тридцати метров хода перед нами встала узкая известняковая стена, за которой мы увидели кажущуюся бездонной пропасть. Спуск по стене, почти отвесной, невозможен. Глубина приблизительно в два этажа. Наша веревка в глине, и воспользоваться ею для спуска нельзя. Посоветовались и, так как придумать ничего не могли, решили вернуться обратно. В следующий раз принесем сюда веревочную лестницу и с ее помощью, по-видимому, сможем решить вопрос дальнейшего продвижения.

Мы шли с другой стороны, и уже виденные сталактитовые образования казались нам совсем незнакомыми

Обратный путь проделали быстро. С гребней, на которые до этого взбирались с большой осторожностью, надеясь на тормоз пятой точки, сползали в мгновение ока. Теперь пещера была совсем иной. Мы шли с другой стороны, и уже виденные сталактитовые образования казались нам совсем незнакомыми.

Был поздний вечер, когда мы снова выбрались на поверхность.

ЗА СИФОНОМ ВЕРЕВОЧНОЙ ЛЕСТНИЦЫ

Резиновую одежду мы заказали, но еще не получили и стали терять надежду, что вообще ее получим. Габи Мадяри и Ревес решили без нее проникнуть за сифон, насколько это будет возможно. Мы снабдили их теплыми вещами, но... каждая пропускала воду. И все же мокрая одежда хоть немного, но сохраняла тепло. Мы организовали для наших товарищей даже пол литра водки. Она придаст им силы в холодной воде. Во время похода у них будет всего-навсего два рюкзака с провизией и карбидом.

Календарь показывал 17 августа.

Веревочную лестницу в верхний ход, огибающий сифон, мы опустили еще 9 августа. Тогда мы установили: на последующих участках пещеры ручей настолько глубок, что без резиновой лодки и без резиновой одежды идти туда рискованно.

Мы договариваемся и о времени отправления спасательной экспедиции. Если в течение двенадцати часов Ревес и Мадяри не вернутся, то с самыми выносливыми людьми я пойду им навстречу. Прощальное рукопожатие было крепким, но не долгим. Однако означало оно многое. Глаза говорили то же самое: о фанатической решительности, о хорошем настроении и о... тревоге.

Мадяри еще раз ощупал спрятанные внутри шапки таблетки фенамина. В случае усталости они смогут помочь в пещере больше, чем водка, которая нужна, если замерзаешь.

В четыре часа пополудни Ревес и Мадяри спустились в колодец.

В лагере всю ночь горел костер. В лесу сухого валежника достаточно. С карбидными лампами мы идем собирать ветки, чтобы их хватило этой прохладной летней ночью и для нас, но главное для наших отважных друзей, когда они вернутся. Спать мы не могли. Каждое мгновение нам казалось, что в пещере слышатся голоса. Уже идут! Затем снова молчание. Может быть, это косуля пробежала по склону горы? То поворачиваемся к огню лицом, то греем спины. Брезжущий рассвет встречаем на ногах. Они находятся под землей уже двенадцать часов.

Ленке Граф кипятит чай. В открытый котел летит пепел. Чай немножко отдает дымом, но, не пожалев сахара, прием его с удовольствием.

Взошло солнце... Проснувшиеся суслики начинают собирать запасы. Вот на вершине горы появляются наши рабочие. На переброшенных через плечо палках они несут торбы. Семь часов. Начинается работа дневной смены. Ревеса и Мадяри все еще нет. Около одиннадцати часов приступаем к сбору снаряжения спасательной экспедиции. Все делаем особенно тщательно, так как идем туда, где еще никогда не были и не знаем, что нас ждет. Посылаем Лаци Вербая за палинкой. Резиновым клеем герметически заклеиваем аптечку. Но потом выясняется: надобности в ней нет.

И вот мы уже у Большой туфовой плотины

Со слипшимися волосами, грязные и черные от карбидной копоти, вылезают из пещеры наши исследователи. Едва взбираются по лестнице, сделанной в стене понора. Особенно Мадяри. Мы бежим навстречу с палинкой. Они пьют ее, как воду. Приходится прямо отнимать у них литровую бутылку. Перед палаткой они ничком валятся на землю. Мы с трудом снимаем с них грязную и мокрую одежду. Мадяри уже спит. Ревес начинает рассказывать. Его голос очень слаб, чтобы расслышать слова, нам приходится вплотную склониться над ним.

17 августа были открыты новые большие участки пещеры Мира. Они превзошли по своей красоте все прежние. Огромные гrotы следуют один за другим, в них глубокие озера, водопады. Гrotы связываются между собой узкими коридорами с удивительными известково-туфовыми плотинами. Повсюду глубоко. Не считая нескольких коротких участков, вода доходит чуть не до пояса и даже до груди. Да, пещера продолжается дальше, но наши товарищи не могли до бесконечности брести в холодной воде. Они повернули и, собрав последние силы, благополучно вышли на поверхность. Это была блестящая, героическая работа!

В ПЕЩЕРЕ ОБВАЛ!

Мы записываем в дневнике: "26 августа".

В верхнем конце главного тоннеля путь закрыт обвалом. Мы уже неоднократно пробовали его преодолеть, но все напрасно. Однако из-под громады камней чувствуем движение воздуха - значит, пещера, несомненно, продолжается. Снова пытаем счастье, а вдруг сегодня удастся?

Вместе с Вали Сабо, Лаци Герой и Дюркой Майорошем отправляюсь в путь и я. Может быть, обвал, случившийся при последнем нашем посещении пещеры, открыл путь дальше? Во всяком случае, как следует подготовившись, взяв веревки, карбидные и бензогозовые лампы, трогаемся в путь.

При свете ярких бензогозовых ламп пещера еще красивее, чем при слабом освещении карбидных. Одно за другим оставляем знакомые места. При хорошем освещении особенно удивительны ниспадающие кроваво-красным водопадом сталактитовые натеки на белоснежных стенах Красного зала. И вот мы уже у Большой туфовой плотины. Осторожно перебираемся через нее, чтобы по возможности не испачкать ботинками этот дивный белоснежный ковер из блестящего кристаллического известкового туфа. Перепрыгиваем через глубокий водоем и потом бегом проделываем оставшийся путь в извилистом тоннеле.

Каменные стены крутой дугой переходят в готический свод

Верхняя часть главного тоннеля значительно уже, чем средняя часть. Ширина коридора здесь в общем полтора метра. Высота, однако, не меньше двух этажей. Каменные стены крутой дугой переходят в готический свод. Мы доходим до места обвала и с ужасом рассматриваем наполовину врезавшиеся в глину каменные глыбы, которые при первой нашей попытке пройти бомбами попадали сюда сверху. Очень осторожно, чтобы лавина снова не тронулась, пробираемся внутрь этого нагромождения.

Щели между обломками скал узкие. Ползти в глубь опасных каменных нагромождений можно, только лежа на животе, барахтаясь в воде текущего там ручья. Дюрка Майорош уже совсем исчез среди обломков сорвавшихся камней. Теперь вслед за ним отправляется Вали Сабо. У них есть карбидные лампы. Гера и я подсвечиваем им еще бензогазовой лампой.

Я как раз готовлюсь тоже вползти туда, когда Гера отчаянно кричит, что снова начался обвал. Странный треск раздался в пещере, даже мурашки по спине пробежали. Однако камни еще не падают. Но зато теперь вся эта гора обломков медленно и неотвратно приходит в едва заметное глазу движение. Вали тут же вылезает из дыры. Майорош залез глубоко, он не может так быстро выползти. Беспомощные и ошеломленные происходящим, мы смотрим на медленно движущуюся огромную каменную громаду.

Отверстие, в которое вполз Майорош, начинает со зловещим потрескиванием смыкаться. Две огромные глыбы, между которыми лежит Дюрка, медленно приближаются друг к другу.

Помочь нельзя ничем. Все зависит теперь от того, насколько быстро сможет Майорош выбраться из щели.

Слова застряли в горле. Отверстие становится с каждым сантиметром все уже. Майорош всеми силами старается выбраться. Вот появились ноги... Подскакиваем к нему и пытаемся тащить к себе. Дюрка сам больше не в состоянии двигаться, он зажат, как тисками. Мы хватаем его за ноги и изо всех сил дергаем нашего несчастного друга. Над нами со страшным грохотом трогается лавина. Громадные камни мчатся навстречу. Совершенно отчаявшись, мы в последнюю секунду выдерживаем Майороша из лап верной смерти и в панике бросаемся в разные стороны.

Мы изо всех сил дергаем нашего несчастного друга

Первые глыбы каменного дождя падают прямо среди нас. В страшной суете мы уже не заботимся о наших лампах, отбрасываем их и стремимся спасти лишь свою жизнь. Через секунду остаемся в полной темноте. Спасается кто как: кто на четвереньках, кто мчится во весь рост. Из-за неимоверного треска и шума не слышим криков о помощи. В темноте я налетаю на стену головой. Падаю. Не могу подняться. Грохот обвала становится все сильнее. Понятия не имею о том, где мои товарищи и есть ли, кроме меня, еще кто-нибудь в живых.

Свирепый каменный дождь все еще продолжается. Может быть, в полуметре от меня со свистом падает каменная глыба. От толчка глинистая почва словно вздымается вверх, а я чувствую себя как беспомощная бабочка во время губительного града. Что-то кричу, но сам ничего не слышу от адского шума. Весь мокрый от холодного пота... Была бы у меня хоть одна жалкая спичечка!.. И до каких пор обвал будет еще продолжаться?

Проходят минуты, пока наконец шум смолкает. Хотя вокруг стук и треск, но каменный дождь прекратился. От страха дрожу всем телом. Громко стучу зубами, голова болит так, что я не в состоянии понять, то ли гремит каменный ураган, то ли гудит у меня в голове. Вдруг кромешную темноту, словно вспышка молнии, прорезывает желтый сноп лучей. Метрах в трех от меня Лаци Гера зажег спичку и пристально всматривается, но мне кажется, он ничего не видит. Внезапно вспыхнувший свет ослепил его. Слипшиеся волосы падают на грязное лицо. Теперь я вижу, что рядом с ним на земле лежит Вали. Храбрая девушка! Ей еще нет и двадцати лет, но своей находчивостью и смелостью она превосходит многих мужчин.

Спичка гаснет. На четвереньках, ощупью ползу к своим товарищам. Совершенно случайно моя рука натывается на одну из брошенных карбидных ламп. Хватаю ее и кричу Гере, чтобы шел ко мне. Мы пробуем ее зажечь. Лампа загорается. Грустная картина открывается перед глазами. Пол пещеры сплошь усеян громадными каменными глыбами. Свет карбидной лампы скользит по металлическому предмету - бензогазовой лампе. Каменный дождь ее основательно помял, теперь она совершенно вышла из строя.

Но где мои товарищи? Вали уже пришла в себя. Лаци Гера ее отхаживает. Майороша, однако, нигде нет. Страшно волнуйся, ищу его среди каменных глыб. А вдруг где-нибудь наткнусь на Дюрку? Но он словно в воду канул. Вот и карбидная лампа. Где-то выше в воде помутневшего ручья лежит наша вторая бензолампа. Тоже сломана. Теперь и Гера отправляется на поиски Дюрки. Мы уже склонны думать, что его где-нибудь завалило. Никаких следов. Лаци Гера громко зовет его. В ответ раздается только эхо. Потом снова мертвая тишина...

И вот наконец спустя много времени слышится крик, но совершенно с другой стороны, чем мы предполагали. Дюрка отозвался где-то очень далеко, сзади нас. Страх придал ему сил, и он в кромешной темноте смог отбежать в сторону от летящих камней. Он был в самом безопасном месте.

С радостью обнимаемся. Теперь уже нас ничто не интересовало, кроме того, как поскорей выйти из пещеры. Мы покинули это место, а каменная гора все еще трещала, словно влюбое мгновение хотела послать вслед за нами жуткий каменный дождь.

В ПРЕИСПОДНЕЙ

8 сентября к нам приехали гости: Ласло Вертеш и Иштван Венкович. Мы готовились к обследованию нижнего конца пещеры, и они пришли очень кстати, приняв участие в этом разведывательном походе. Оба спелеологи, у обоих счастливо блестели глаза. Четвертый член нашей экспедиции - Лаци Вербай.

Был полдень, когда мы приготовились к спуску. Снаряжения очень много. С собой нужно было взять резиновую лодку, весла, шесты, по крайней мере на два дня продуктов, запасную одежду и большое количество карбида. Карбид и продукты упаковали с таким расчетом, чтобы неиспользованное количество можно было оставить в пещере. Цель экспедиции - пройти дальше последней разведки Ревеса и Мадяри и достигнуть конца пещеры.

Но как мы узнаем, что действительно дошли до конца, а не просто наткнулись на какое-то новое препятствие? И мы решили на самой дальней точке, откуда уже не сможем продвигаться вперед, подкрасить воду ручья флуоресцеином и точно заметить время. У выхода источника на поверхность один из наших товарищей со сверенными часами в это время будет следить за появлением в источнике Комлош зеленой воды. Так выяснится, какой длины путь от места окраски до источника делает подземный ручей. Если зеленая вода появится в источнике через небольшой промежуток времени после окраски, значит, мы достигли конца пещеры. Если же пройдет больше часа, тогда нас ждет разведка более отдаленных неизвестных участков.

Еще на поверхности мы приготовили соответствующий аммиачный раствор флуоресцеина и, наполнив им две литровые бутылки, тщательно их упаковали, чтобы драгоценную краску в целости доставить к далекому месту назначения. Приготовленное снаряжение я отправил за час до нашего отхода с пятью товарищами к сифону Веревочной лестницы. Нам теперь необходимо было экономить силы. Впереди решение большой задачи.

Проводив группу со снаряжением, мы пообедали и переоделись. Опыт научил нас, как нужно одеваться, отправляясь в длительный путь, где придется иметь дело с водой. Вниз мы надели толстое теплое белье и свитеры.

На все это натянули резиновую одежду, которая, собственно говоря, представляла собой доходящие до под мышек резиновые сапоги. Чтобы она не порвалась о камни, поверх натянули защитную одежду - комбинезоны. В таком одеянии движения, конечно, немножко скованны, но зато оно непромокаемое и теплое. В час пополудни мы со своим другом Жиди, который с семи часов вечера должен будет наблюдать за источником Комлош, сверили часы и простились с остающимися на поверхности товарищами.

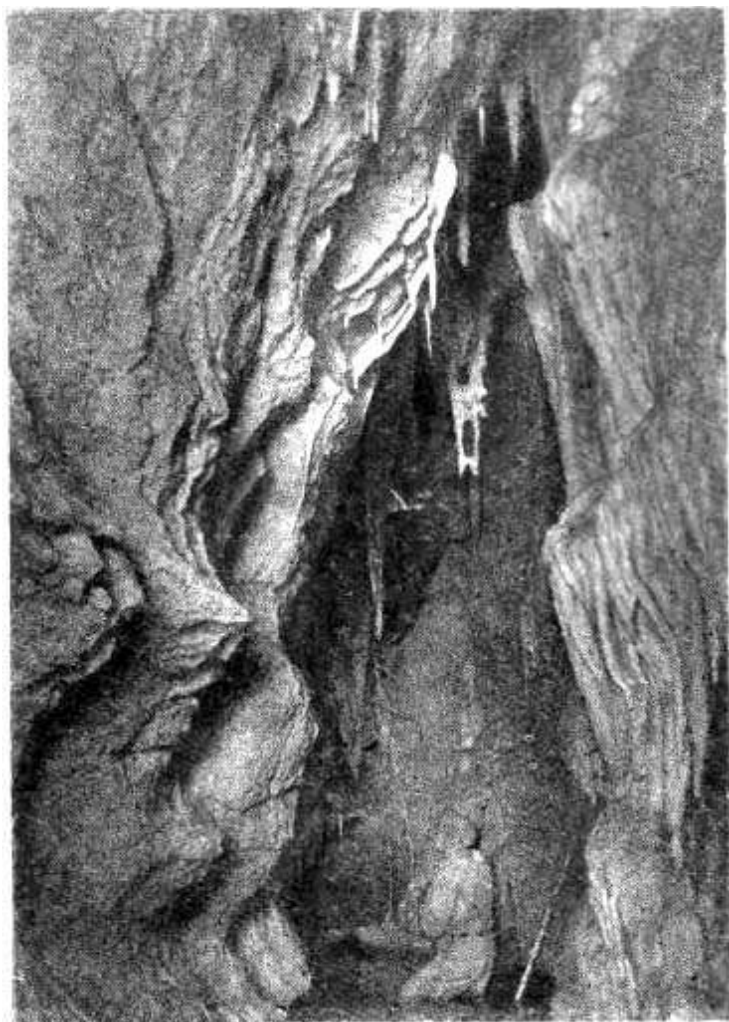
До сифона Веревочной лестницы дошли сравнительно легко. Около Свинушника встретились с нашими товарищами, возвращавшимися от сифона Веревочной лестницы. Они доложили, что все в целости доставили к условленному месту. С громоздкими и тяжелыми тюками было крайне трудно спускаться по стремянке. Но все обошлось благополучно, и теперь мы уже могли продолжать наш путь.

Мы прошли несколько очень высоких залов, потом вступили в широкий, великолепный сталактитовый коридор. Мы почти все время шли по колено в воде, а нашу резиновую лодку, положив в нее пожитки, толкали перед собой.

Все чаще появлялись туфовые плотины, с них падали каскады. Здесь уже приходилось прощупывать дно шестами. Вода была настолько прозрачной, что дно виднелось повсюду, однако определить точную глубину при свете карбидных ламп было невозможно. Местами, где она достигала полутора метров, мы еще могли идти, там же, где было на десять сантиметров глубже, она заливалась в наши брюки. Из-за высокой воды продвигаться было тяжело, но, нужно признаться, эти озерные участки - самая красивая часть пещеры.

Холодную воду сквозь резиновую одежду и теплое белье мы ощущали настолько, что вспоминали о Ревесе и Мадя-ри, пробиравшихся здесь почти голыми, с чувством самого большого восхищения и уважения.

Затем последовали два сифона, о которых рассказывали наши товарищи. Мы благополучно перешли их, даже не особенно промокнув³³. За ними галерея стала более обширной, но исчезли сталактитовые образования. Эти темные неприветливые участки коридоров после многочисленных сталактитов позволили нам "отдохнуть" от впечатлений. Вскоре, однако, в коридоре опять появились сталактиты и еще чаще, чем раньше, стали попадаться туфовые плотины.

Спуск с верхнего обхода сифона Вербочной лестницы

Уже шесть часов мы были в пути. Отыскав для отдыха подходящее сухое место, мы поужинали и, сложив там на один раз запас еды и достаточный для обратного пути запас карбида, отправились дальше.

Местами вода была настолько глубокой, что приходилось садиться в лодку. Лодка одноместная. Через участок глубокой воды переправлялись по одному, остальные подтягивали за веревку лодку обратно, и тогда переплывал следующий. Такое продвижение, само собой разумеется, шло очень медленно. Поэтому по возможности к лодке не прибегали. Часто спотыкались о туфовые плотины, которые пересекали русло под водой. Мы уже подумывали о том, что пропустили отметки Ревеса и Маляри, когда на одном из каменных мостов заметили надпись: "Маляри - Ревес. 17 августа 1952 года". Значит, до этого места смогли дойти инициаторы героического похода. Без соответствующего снаряжения это было подвигом. Ведь мы в резиновой одежде, с лодкой и то, что скрывать, уже устали.

Загадочная пещера, однако, манила все дальше. Глубина больше двух метров. Снова прибегли к резиновой лодке. Чтобы переправиться по одному, потребовалось полчаса. По берегу ручья тянулись вверх крутые острые скалистые гребни. Мы старались продвигаться как можно быстрее. Где же конец этому удивительному пещерному миру?

Еще на километр продвинулись вперед. Теперь попали, вероятно, в очень большой зал, так как свет карбидных ламп только слегка давал возможность догадываться о его громадных размерах. Может быть, здесь конец пещере? Какое там! Коридор с текущим в нем ручьем ведет дальше.

Мы закоченели от пронизывающего холода. Почти приятными становились мелководные участки, где приходилось идти в воде по колено.

Пещера, однако, сужалась прямо на глазах. Будто не к источнику мы приближались, а к понору. В коридоре, настолько низком, что мы могли идти под его сводчатым потолком только согнувшись, вода доходила до пояса.

Теперь каждое мгновение мы ждали конца пещеры. Каким он будет? Вдруг между громадными каменными глыбами исчезнет ручей и коридор сделается непроходимым, превратится в узкую щель? Но возможно, постепенно понижаясь, как в сифонах, потолок достигнет уровня воды, и это будет концом пещеры?

Во всяком случае, мы рассчитывали не на то, что встретили. Совсем неожиданно мы достигли небольшого зала с отвесными стенами, на дне которого было довольно глубокое озеро.

В него втекал монотонно журчащий ручей. Выхода отсюда видно не было. Несмотря на смертельную усталость, мы тотчас приступили к обследованию зала. Стоя в воде маленького озера и ногами простукивая низ стены, мы смогли установить, что пещера продолжается в одном из направлений под водой. Итак, мы снова имели дело с сифоном, который на этот раз совершенно закрывал нам путь. Несмотря на тщательные поиски, обходного пути мы не нашли.

После короткого совещания решили: раз нет другого выхода, подкрасить воду исчезающего ручья здесь. Было половина одиннадцатого ночи, когда мы вылили краску из наших бутылок и тронулись в обратный длинный путь через всю эту великолепную пещеру Мира. На следующее утро мы вышли на поверхность, а дежуривший у источника был уже в лагере. Он сообщил, что в семь часов утра пришла к источнику смена и он передал вахту. С половины одиннадцатого вечера свой цвет вода в источнике не изменила. Не зазеленел источник и девятого, прошло и десятое, а окрашенная вода не появлялась.

По-видимому, слишком маленькой была доза флуоресцина. Ференц Тамаш, Ласло Марко и Тамаш Манди с новой, гораздо большей дозой красителя десятого вечером отправились в путь и на рассвете одиннадцатого в пять часов снова окрасили воду у последнего сифона.

Бедному Фери Тамашу этот поход дорого обошелся. Уже на обратном пути у сифона Веревочной лестницы он сорвался со скользких ступенек с высоты приблизительно семи метров.

Окрашенная вода в источнике Комлош появилась более чем через семьдесят часов. Не было сомнения: последняя точка, достигнутая разведкой, - это не конец пещеры Мира, и за сифоном ждут нас еще длинные участки. Но как перейти через сифон? Вертеш предлагает использовать водолазный костюм. Он хочет организовать водолазную экспедицию.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОБВАЛА

2 октября прибыл Йозеф Кох. Прощаясь с нами в конце июля, он, конечно, не думал, что так скоро вернется. Для него это большая радость. Мы рассказали ему историю исследований пещеры. Особенно подробно о приобретении опыта при обвале.

Он немедленно решил посмотреть опасное место. Йошка³⁴ очень умелый скалолаз, он надеется на свою ловкость и опыт. Может быть, все же удастся обойти этот опасный обвал сверху.

Ленке Граф, дядя Дюри, Вербай и Месарош Мишка, гостивший у нас в тот день, сопровождали его в походе, итоги которого трудно было предпретить.

Характерно, что до сих пор мы не брали с собой в пещеру аптечку скорой помощи. Однако в снаряжении данной экспедиции она играла первую роль. Со сжимающим сердце чувством простились мы с Кохом и товарищами и не ошиблись, когда подумали о том, что Ленке на самом деле тряслась не от холода, а от "нервозности".

Десять часов прошло в нетерпеливом ожидании, пока мы снова увидели наших друзей. Все в грязи, но с сияющими глазами, появлялись они по одному из камина. Кох преодолел препятствие! Они перешли через опасный обвал.

На мой вопрос, как это ему удалось, он рассказал все обычным, спокойным голосом.

Перед опасным местом он забрался по голой стене камина на высоту четырех этажей, ногами упираясь в одну стенку, плечами в другую. Так, в горизонтальном положении, висело его тело над страшной пропастью. Медленно, сантиметр за сантиметром, орудуя ногами и плечами, поднимался он все выше и выше. Товарищи затаив дыхание наблюдали снизу за каждым движением. Но скоро из-за слабого освещения и из-за большого расстояния они потеряли его из виду. С огромной высоты доносился до них только голос. Позднее Йошка признался, что возвратиться таким невероятным способом, пожалуй, он бы не смог. Он сумел перебраться через завал, даже не задев ногами рыхлой каменистой почвы.

Наконец Йошка спустился в русло ручья. По той стороне, где склон завала был не слишком крутой и опасность обвала была меньше, он начал прокладывать дорогу, которая дала бы возможность вернуться назад. Работал он минут тридцать и вскоре дорогу расчистил.

Какова была радость дяди Дюри и других, когда они смогли благополучно перебраться к Йошке в загадочный коридор и всей группой продолжать разведку в еще не обследованном участке пещеры.

ВОДОЛАЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

15 октября я получил письмо от Вертеша. Он писал:

"Слушай, Якуч, я сообщаю тебе о том, чего добился по делу экспедиции водолазов с тех пор, как приехал в Будапешт. Мне прежде всего нужно было узнать, какое учреждение ведает водолазами. Это оказалось делом нелегким: по крайней мере с десятков раз звонил я по телефону и полтора дня бегал в Управление шоссейных дорог и мостов, пока не договорился с главным инженером, что смогу без затруднений взять для экспедиции снаряжение напрокат.

На другой день я снова пошел туда, но уже с письмом от Министерства горной промышленности и энергетики и разговаривал с самым компетентным лицом - директором Карой Уграи. Он разъяснил мне, что пользоваться водолажным снаряжением не такое простое дело, каким я его себе представляю. Во-первых, под воду может спуститься только квалифицированный и прошедший медицинский осмотр человек. Во-вторых, скафандр весит около ста двадцати килограммов, а ведь его нужно доставить на место. В-третьих, водолаз обеспечивается воздухом при помощи нагнетательного насоса, а сам нагнетательный насос весит больше центнера. К тому же он такой громоздкий, что в узких местах пещеры его невозможно будет протаскать. Существуют скафандры, которые работают на баллонах с жидким кислородом, но в Венгрии их не изготавливают. Для пользования таким баллоном нужен финиметр, который с одного конца при помощи капсулы, наполненной калием, поглощает выдыхаемый углекислый газ, а с другого - благодаря остроумному клапану - смешивает кислород с азотом, нужное количество которого циркулирует в аппарате.

К счастью, на следующий день я вспомнил, что в Министерстве горной промышленности и энергетики имеются спасательные аппараты шахтеров, работающие на баллонах с кислородом, следовательно, на них есть и финиметры. После нескольких телефонных звонков мне удалось узнать, что там действительно имеются такие и ведают ими в министерстве Золтан Терек. Прошло два дня, пока я наконец смог встретиться с Терекком. Это было первого октября. Я поведал ему о наших делах. Терек просил позвонить второму, и тогда он сможет дать ответ.

Второго я пришел в Министерство, получил проспект спасательного аппарата и с ним разъяснение, что пользование этим аппаратом разрешается при соблюдении очень строгих требований: нужно пройти целый учебный курс и научиться обращению с аппаратом, причем одному человеку работать нельзя, должны быть по крайней мере трое. Четвертым может быть не специалист, но человек, который тоже прослушал хотя бы сокращенный четырехнедельный курс. Окончательный ответ Терек обещал дать четвертого.

Тогда я высказал Уграи мысль: спасательный аппарат скомбинировать вместе со скафандром, то есть горловину спасательного аппарата подвести к шлему. Прекрасно! Но водонепроницаем ли спасательный аппарат? Снова звоню Терек. Вместе с ним и при помощи проспекта устанавливаем, что есть клапан, через который вода может проникнуть в "резиновые легкие" аппарата. Необходим ли этот клапан? Нет, но сделан ради большей безопасности. Опять с проспектом к Уграи. Решение: клапан заклеить.

Но снова беда! Мундштук спасательного аппарата нужно все время зажимать во рту для поддержки постоянной циркуляции запаса азота. Если под шлемом мундштук выпадет изо рта, водолаз задохнется. Решение: нужно прикрепить мундштук к голове. Снова проблема: тогда нельзя говорить по телефону. Остается один выход: остаться без телефона. Ничего, не умрем. Однако есть и еще один недочет: в шлем скафандра воздух проходит не через открытую трубку, так как сильная струя воздуха простудила бы вспотевшего водолаза, а разделенный между тонкими пластинками на три струйки. Трубку ввести в спасательный аппарат невозможно. Пластинки демонтировать нельзя.

Разрешения вопроса пока нет.

Дома снова ломаю голову, вывод: спасательный аппарат нужно поместить под скафандр, а трубку спрятать на шее в шлеме. Уграи не одобрил: спасательный аппарат не уместится под скафандром; да, плохо, если не войдет, ну, там видно будет.

За окончательным ответом я позвонил четвертого. Терек за это время перевели на другую работу, а заместителя пока нет. То же самое положение шестого, седьмого и восьмого. О спасательном аппарате в Министерстве никто ничего не знает.

Уграи заявляет, что вообще обо всем этом речь может идти при условии, если: 1) врач проверит состояние моих легких, сердца и нервной системы, 2) я попробую спуститься в Дунай в снаряжении для обучения там всем приемам.

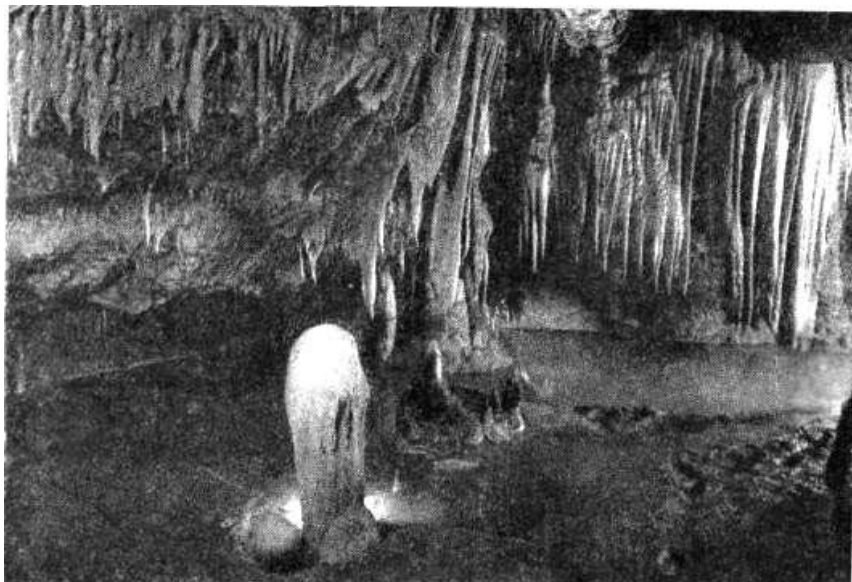
Спасательный аппарат исчез с горизонта, вместо него появилась новая идея: нужно работать с жидким воздухом, а не с кислородом. Тогда отпадет необходимость финиметра, спасательного аппарата и т. п., а нужен будет только шланг, ну и, конечно, большее количество литров воздуха, чем кислорода.

Уграи одобряет. Этот путь приемлем. На радостях решил спустить меня 11 октября в Дунай у строящегося моста Петефи. Водолазам это доставило большое удовольствие. Особенно им нравилась моя борода и то, что я не захотел снять очки. Одевали меня четыре человека. Пишта Марко фотографировал. Я чувствовал себя героем до тех пор, пока на меня не навешали уйму свинцовых тяжестей. Двигаться стало труднее. Но не беда! Спускаюсь по лестнице и наслаждаюсь новыми впечатлениями. Одновременно при помощи клапанов на шлеме то выпускаю, то задерживаю воздух в скафандре. Когда начинает стучать в голове, быстро впускаю необходимое количество воздуха, и снова все в порядке. Вылезаю, но водолаз машет, нужно спуститься еще раз. Только теперь нахожу время, чтобы немножко осмотреться. Осмотреться? На глубине трех метров в мутной дунайской воде вижу вокруг себя лишь па тридцать сантиметров. Жалею, что не снял очки.

Когда, наконец, вылезаю наружу и с меня стаскивают ставшую моментально тяжелой одежду, мой энтузиазм значительно уменьшается. Может быть, такой скафандр нецелесообразен для исследователя пещер? Через час, однако, я уже забыл о свинцовых тяжестях, о бронзовых ботинках, и снова я герой, который опустил на страшное дно.

После новой доброй полдюжины телефонных звонков договариваюсь с главным инженером кислородного завода: если мы принесем баллоны, они их наполнят. Все баллоны через каждые два года должны проверяться, выдержат ли они давление в сто пятьдесят атмосфер. Такие испытания проводятся на заводе один раз в месяц, иногда раз в два месяца. Теперь до ближайшего испытания нужно ждать месяц. Но... у него нет баллонов.

После долгих уговоров я добился того, что кто-то нам "одолжил" три полуторалитровых баллона, в которые могло войти приблизительно четыреста пятьдесят литров воздуха.

Сталактитовый тоннель

Если будем экономить, нам хватит. Но нет редуктора, а без него мы опять не сможем пользоваться ими. Главный инженер Надь удивительный человек! Достал редуктор. Теперь никаких препятствий нет, если не считать, что Уграи согласился дать займы снаряжение при условии, если с нами пойдет водолаз, иначе он не может взять на себя ответственность ни за снаряжение, ни за наши жизни. Однако водолаз тоже будет стоить денег.

Снова беготня, телефонные звонки, наконец, разрешается и этот вопрос. Теперь, кажется, действительно все в порядке, однако... нарезку редуктора мы никак не можем соединить с нарезкой трубки скафандра. Попросим-ка редуктор подогнать под наконечник шланга. Резьба сужения опять не совпадает с резьбой шланга, так как я заказал из расчета на другой стандарт. Но исправить - пустяковое дело. При помощи прорезиненных ленточек герметически соединяю сужение со шлангом, и все готово. Правда, вряд ли найдется водолаз, который согласится с таким снаряжением спуститься под воду, но нужда заставляет нарушать законы. Мы спустимся!

Итак, снаряжение готово.

18 октября с водолазом Иштваном Полтц и с аппаратом буду у вас. До встречи, желаю удачи и приветствую, твой друг *Вертеш*".

19 октября привезли снаряжение для водолаза, а вскоре вместе с водолазом Иштваном Полтцем прибыл и Вертеш. Мы приготовились к большому исследовательскому походу. Кроме меня, Вертеша и Иштвана Полтца, в нем участвовали Юлия Кинчеш и сотрудник Венгерского фото Бела Голленцер.

Подготовка экспедиции потребовала больших забот и осмотрительности. Ведь мы не могли знать заранее, сколько дней пробудем под землей. Упаковку проводили с тем расчетом, чтобы в каждом тюке было все необходимое, но вместе с тем ноша была бы не слишком тяжелой. Прежде всего, нужно было доставить к сифону водолазное снаряжение. Сам скафандр вместе с баллонами жидкого воздуха, шлемом и другими грузами весил больше полутора центнеров. Отдельными свертками взяли двенадцать килограммов карбида. Необходимых сухих продуктов - тоже двенадцать килограммов. Кроме того, в снаряжение входило и много других неотъемлемых предметов: по одной на человека карбидной лампе,

герметически закупоренной, электрический фонарик с запасными батареями, два литра крепкой палинки, запас сухой и теплой верхней одежды - все это вместе весило еще пятнадцать килограммов. Фотоаппаратура состояла из сумки весом три-четыре килограмма, плюс треножник да всякие мелочи, как водонепроницаемые коробки со спичками, сигареты, запасные горелки, кирка, молоток, двадцать метров веревки, шесты. Несколько непромокаемых пакетов с медикаментами (фенамин, аспирин, перевязочный материал) было положено под шапку. Кроме того, отдельно нужно было доставить на место телефонное оборудование, тщательно предохранив его от воды.

Багаж оказался настолько тяжелым, что и речи не могло быть о том, чтобы взять все с собой. С другой стороны, оставить тоже ничего нельзя, так как отсутствие, казалось бы, самых несущественных вещей могло сорвать работу экспедиции. Поскольку ничего другого нельзя было сделать, мы с нашими товарищами отправили вперед до сифона водолазное снаряжение. В общем от большей части груза мы освободились, но и оставшееся было достаточным. Все же теперь мы менее усталыми придем к месту, где ждала нас работа.

До тех пор, пока товарищи, доставлявшие к сифону скафандр, не вернуться, нам нечего делать: ведь на них резиновая одежда. Мы воспользовались случаем для отдыха и хорошенько поспали несколько часов. Наши товарищи пришли смертельно усталые через семнадцать часов, задачу они полностью выполнили. Однако два резиновых костюма в пути сильно пострадали, перед новым употреблением нужно заклеить разорванные места.

Наконец 21 октября в 4 часа дня все было готово, и мы тронулись в путь.

Пока мы узнали кое-что новое о сифоне.

Еще 20 октября Габи Мадяри со своими двумя коллегами студентами-геологами получил от меня разрешение на исследовательские работы в пещере. Однако подлинную цель своего похода он скрыл. Юноша чувствовал, узнай я о его безрассудно смелом плане, то, конечно, не позволил бы спускаться в пещеру.

Вернувшись, Мадяри рассказал, как, раздевшись донага, он нырнул в неизвестной длины сифон и, проплыв шесть метров под водой, вынырнул на другой стороне.

Значит, пещера продолжается дальше. У Мадяри, однако, не хватило сил обойти ее более отдаленные участки, от другого конца сифона он поплыл обратно и, собрав последние силы, выбрался из пещеры.

Так мы могли приступить к испытанию скафандра, зная уже кое-что новое о сифоне. Этот напряженный исследовательский поход продолжался двадцать семь часов. И в этот и в следующие походы мы знакомились все с новыми участками пещеры, и каждый был один красивее другого. Сегодня, чтобы перейти на другую сторону сифона, уже не нужно скафандра, столь опасного для жизни смельчака водолаза, так как прорезанные шурфами плотины понизили уровень воды, и закрытый ранее сифон открылся, освободился путь для дальнейших исследований.

В КУПАЛЬНОМ КОСТЮМЕ

В воздухе прохладно. Наступила осень. Мы измерили ночью в палатке температуру: минус шесть градусов. Днем, когда мороз отпускает, небосвод заволакивается тучами и моросит мелкий дождь. Исследования этого года нужно заканчивать. А мы все еще где-то блуждаем, не дойдя до конца пещеры. Хотя мы и победили Скафандровый сифон, но участки, находящиеся за ним, пройти не смогли. Путь свободен, но если идти по нему, то ведь еще не известно, куда попадешь. 25 октября одна группа спустилась в пещеру, чтобы принести от сифона водолазное снаряжение. Серьезная задача, требующая громадного напряжения сил! Группой руководит Лаци Вербай. Среди ее членов, добровольно изъявивших принять в ней участие, аггтелекские и йошвафские рабочие. Сегодня 26-е, а они все еще не выбрались на поверхность. Мы беспокоимся, разжигаем костер, пусть согреются, когда возвратятся с тяжелой ношей. Огонь поддерживать трудно, ветки окончательно намокли. Дымят и никак не хотят загораться.

Юлия Кинчеш подговаривает Ленке отправиться на основательную разведку за Скафандровый сифон.

Кинчеш у нас уже неделю и показала себя неутомимым исследователем. Для осмотра пещеры Мира она приехала на велосипеде из Будапешта и, сразу же спустившись под землю, провела там двенадцать часов. Наша резиновая одежда была занята, и она проделала весь путь в пещере в купальном костюме.

Через двадцать семь часов снова на поверхности. Приятно погреться после продолжительной холодной ванны

Теперь Юлия предлагает Ленке Граф отправиться в подобном одеянии по этому пути. Она подробно объясняет нам преимущества похода без резиновой одежды. Мерзнешь, пока в воде. После выхода из нее температура пещеры в девяносто градусов приятна. Чем меньше одежды на теле, тем быстрее согреваешься.

Схематический план пещеры Мира

Ленке воодушевляется. Мой старый товарищ по бюкской экспедиции Мутюш, который уже несколько дней гостит в нашем лагере, тоже решается идти с ними, и они втроем приходят ко мне с совершенно абсурдным планом. Но отговорить их невозможно. В купальных костюмах и трусиках они хотят пройти через всю пещеру! Что мне делать с ними?

На всякий случай беру обещание, что, как только они начнут сильно зябнуть, тут же вернутся обратно. Ну, конечно, они дают это обещание очень охотно, однако страстный и загадочный блеск их глаз говорит о том, что любой ценой они все равно пройдут всю пещеру до конца.

Они готовятся. Укладывают карбид, сахар, сало. В это время возвращается Лаци Вербай с товарищами и водолазным оборудованием. Предлагают резиновую одежду Мутюшу, Юлии и Ленке, но те даже слышать не хотят о ней. Странная решительность. Через полчаса они спускаются под землю. Мутюш напевает в камине веселую песенку "Выкрашен егерсегский трактир". Голос его все удаляется, и вот за палаткой уже слышится монотонный шум осеннего дождя.

Это произошло в час дня 26 октября...

Кинчеш вернулась из пещеры Мира со своими друзьями только на другой день вечером. За это время они выдержали такую борьбу с природой, подобной которой не было известно, может быть, за всю историю исследования пещер. Стиснув зубы, они добрались до Скафандрового сифона, проделав многокилометровый путь по поясу в ледяной воде. Проплыли под сифоном и пошли по сталактитовому тоннелю дальше, как шел любой из нас, защищенный от холодной воды резиновой одеждой.

За Скафандровым сифоном нужно было перелезть через громадный завал из каменных глыб. Преодолев и это препятствие, они с остервенением устремились дальше по каменистому руслу ручья Комлош и дошли до следующего сифона. Проплыть под ним у них больше не было сил. Окончательно продрогнув, они повернули обратно, хотя сифон был открытый и через узкое пространство над водой чувствовался сильный ток воздуха. Значит, там все-таки существует неизвестное продолжение пещеры Мира, и оно ждет храбрых открывателей. Кто будет ими, мы уже не могли знать.

Организованной мною в последние дни октября экспедиции не удалось перекрыть рекорд Кинчеш и ее товарищей. Пришлось вернуться уже от Скафандрового сифона, так как после первого же ливня вода в ручье Комлош поднялась настолько, что сделала невозможным его переход³⁵.

В ГЛУБИНАХ ТАИНСТВЕННОГО БЮККА

ЗНАКОМСТВО С РУЧЬЕМ ПЕНЗПАТАК

1953 год... Снова Бюкк. 3 июня я снял комнату в Лиллафюреде. Здесь буду жить, наверное, около трех недель. Гитта Бекеши, наш маленький техник, устроилась через четыре дома от меня. Мы разведывали месторождения доломита в Бюккских горах. С утра до вечера на ногах. Уже целый ящик наполнен образцами. 5-го мы были в Омашше и там изучали месторождение. Нанесли все на карту. Вечером, придя домой, я страшно удивился, встретив своего младшего брата: я не знал, что Пали в Бюкке. Очень обрадовался неожиданной встрече и поинтересовался, каким ветром занесло его в эти края?

Пали рассказал, что он работает в окрестностях уже несколько недель. С ним его коллеги ботаники: Габор Фекете, Золтан Барат, Тамаш Поч и Андраш Горански. Они живут у пензпатакского лесника близ Репашхута и изучают растительный мир Бюккских гор с целью составления геоботанической карты.

- Идеальное место для исследователя, и сторожка у нас куда лучше, чем твоя гостиница. А лесник Погони готов исполнить каждое наше желание. Наведайся к нам в воскресенье! Приглашаю на приготовленный "по-ботанически" ужин из сосули. Если хочешь, я приеду за тобой на мотоцикле и доставлю прямо на место. Впрочем, Лаци, слышал ли ты о поноре ручья Пензпатак? Ну, если не слышал, тогда ради одного этого ты должен приехать к нам. Ведь это самый большой понор в горах Бюкка, а как спелеолога он должен тебя очень заинтересовать. Попробуй исследовать, наверняка найдешь за ним большую пещеру.

Я никак не мог решить, что меня больше тянуло поехать к брату: приготовленный ли "по-ботанически" ужин, обещанный громадный понор или приятная компания? Одно только ясно: воскресенья 7 июня я еле дождался.

Пали сдержал свои обещания. Он действительно приехал за мной на мотоцикле. Как только мы слезли с нашего фыркающего коня у пензпатакской сторожки лесника, я сразу почувствовал "вкусный" запах жаркого. Однако Габи Фекете и Банди Горански не выбежали нам навстречу. Засучив рукава рубашек, как это и полагалось поварам-дилетантам, они, неумело размахивая полотенцами, усердно выгоняли через дверь и окно идущий от пригоревшего мяса косули едкий серый дым. Я сразу же догадался, что это и есть "ботанический" способ приготовления жаркого из косули.

После трапезы мы отправились к понору, который на самом деле открыл нас надеждой. Он собирал воды с территории большей, чем поноры пещеры Аггтелек. Правда, в русле ручья кварцевой гальки я не видел, но глинисто-сланцевой мелочи было больше чем достаточно, и в конце концов она тоже способна, хотя и медленнее, участвовать в процессе образования пещеры.

В конце слепой долины понора, где кристально чистый ручей Пензпатак уходит между глыбами на неизвестную глубину, вырывался сильный ток воздуха. Кажется, в самом деле здесь должна тянуться большая пещера, и вход в нее может быть открыт ценой совсем небольших усилий. После работ в Аггтелеке наличие здесь пещеры казалось мне само собой разумеющимся, поэтому я удивился, почему не нашлось никого до сих пор, кто бы открыл "рот" понора и нашел секрет ручья Пензпатак?

Я решил сделать это в ближайшее же время.

НЕДОЛГИЕ СБОРЫ

9 июня до обеда работал на поверхности, после обеда написал письма. Вот их содержание:

"Речка. Эрцбаня. Технику-геологу *Юлии Кинчеш*.

Дорогая Ютка!

Рад сообщить тебе, что я в Бюкке, в Лиллафюреде. Вчера нашел понор, который многое обещает. Есть надежды на то, что, затратив один-два часа на раскопки, мы сможем проникнуть в неизвестную пещеру.

В воскресенье я приступаю к его вскрытию. Если тебя это интересует, и ты не поленишься, приезжай в субботу вечером. Мой адрес узнаешь у лиллафюредского начальника почты, он покажет дом, где я живу. На рассвете я отправляюсь. Надеюсь, что в тебе еще не умер дух спелеолога, и в воскресенье мы будем "допрашивать" новую пещеру. Не сердись, но о подробностях расскажу тебе на месте. Сегодня еще должен написать письмо Мутюшу, вызову и его на воскресенье. Захвати с собой карбидную лампу! До встречи, с искренним приветом".

"Мезечат. До востребования. Технику-геологу *Иштвану Мунтяну*.

Дорогой Мутюш!

Есть у меня для тебя очень интересные новости. В одном из красивейших мест Бюкка (догадайся где) я встретил огромных размеров повор, из которого без всяких раскопок вырывается сильная струя воздуха. В субботу вечером я тебя непременно жду, потому что не хочется, чтобы ты опоздал к открытию новой пещеры Бюкка! Здесь со мной Гитта, с которой ты вместе кончал техникум, она шлет тебе привет и просит меня написать, что ждет тебя. В воскресенье сюда приедет Ютка, так что нас будет достаточно для экспедиции. В Лиллафюреде справься у начальника почты.

С искренним приветом!"

ВОЛНУЮЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Пришло 14 июня - долгожданное воскресенье! Что Ютка и Мутюш приедут, я не сомневался ни на минуту. И не обманулся. Мутюш приехал в субботу во второй половине дня, а вечером на велосипедах Ютка с одним юношей, студентом-техником. Гитта еще в пятницу попросила взаймы у пограничников необходимые для раскопок инструменты: лопаты, кирки, веревки. Попроси я, они, пожалуй бы, и не дали. Как правило, в таких местах выгоднее представлять свои интересы и интересы науки красивой и мило улыбающейся девушкой.

Утром мы пришли к ручью и приступили к работе. На дне понора ручей вливался в каменную расселину шириной около двадцати пяти сантиметров. Ютка заявила, что если мы отведем воду ручья в другое отверстие, она попробует протиснуться в эту расселину. Для нее это дело уже привычное - в одном купальном костюме протискиваться в узкие расселины пещер.

Несмотря на то что она была самой маленькой среди нас, пролезть в это отверстие было делом нелегким. Мы надавили на плечи и попробовали протолкнуть ее туда силой. Врезавшись в тело острые камни, очевидно, сильно царапали ей кожу, так как она не переставая вскрикивала. Сантиметр за сантиметром протискивалась она все глубже и глубже, пока наконец из расселины видны были только ее голова и рука.

Тогда она закричала, чтобы мы перестали толкать, так как она может соскользнуть гораздо глубже, чем хотела бы.

- Ноги висят где-то в пустоте. Ни дна, ни стены, опереться не на что. Кто знает, какая еще глубина здесь подо мной!? Быстро обвяжите меня веревкой, пока я еще могу сама держаться.

Мы тут же накинули на запястье руки, оставшейся снаружи, веревочную петлю и, ухватившись за нее, вдвоем старались сдержать слишком быстрый темп спуска Ютки. Однако едва мы отпустили веревку на метр, Ютка радостно крикнула, что уперлась ногами в дно и стоит в довольно большой пустоте.

- Подождите немного, отдышусь, тогда буду осматриваться. Под ногами течет Пензпатак. Вы слышите меня? Я вижу, что отсюда можно идти дальше почти в полный рост. Потолок имеет ужасный вид. Он состоит из притиснутых друг к другу больших каменных глыб. Я вижу, что и под вами пустота. Солнечные лучи пробиваются через не большие отверстия, и их довольно много. Потерпите чуточку, я посмотрю, где легче будет пробить сюда вход, потому что там, где я пробралась, вы пролезть не сможете, да и я сама не смогла бы пробраться через него еще раз!

Волнуясь, мы внимательно прислушивались к каждому слову Ютки.

Вдруг из глубины донесся страшный грохот. У нас под ногами задрожала почва. Ошеломленный, я кричу в дыру, поглотившую Ютку:

- Что случилось?!.. Алло!

Откуда-то издалека слышу ответ:

- Ничего. Что могло случиться? Просто я сдвинула с пути полутораметровый столб, так как он мешал пройти. Бросьте мне тонкую жердь метров трех-четырёх. Там, где просуну ее через расселину между камнями, надо будет проделать ход.

Жердь мы раздобыли без труда - во время половодья их в это царство каменных глыб ручей занес больше чем достаточно, - протянули Ютке и потом ждали, где она ее просунет.

На другой стороне понора, тремя метрами выше, зашуршала листва. Поворачиваем туда. Из-под земли, медленно покачиваясь, поднимается жердь. Будто из склепа слышим замозильный голос:

- Видите жердь? Если смогли бы долбить потолок, получили бы ход, когда начнете, крикните, я тогда отойду в сторону.

Мы крикнули Ютке, чтобы она отошла, и принялись долбить скользкую наклонную стену понора. Сначала мы очистили каменные глыбы от сухой листвы, потом от перегноя. Теперь мы уже хорошо видели, как ложатся друг на друга камни и какие из них можно убрать так, чтобы потолок находящегося под нами зала не провалился. В кирках и инструментах не было надобности, голыми руками мы один за другим поднимали огромные камни. Ютка командовала снизу.

Потом вдруг пришло в движение сразу несколько камней, и поверхность с грохотом провалилась. Настоящая каменная лавина устремилась в пещеру. Чуть и Мутюша не увлекла за собой, но нам удалось его подхватить. Ютка чертыхается - значит, все в порядке!

Широкая, темная дыра зияла теперь под нашими ногами. Вход открыт! Мы по очереди быстро спрыгиваем в подземный зал. Счастливые, обнимаем Ютку. Потом приступаем к осмотру места, куда попали. Страшное нагромождение камней. Точно такое же, как на дне понора Большой долины пещеры Аггтелек. Перед нами огромное количество громадных, дочиста вымытых водой каменных глыб величиной с дом. Между ними расходящиеся в неизвестных направлениях многочисленные щели, по которым можно идти вглубь. Мы выбрали ту, по которой течет ручей.

Где согнувшись, где ползком пробивались мы вперед, спускаясь все ниже и ниже по расселинам. Чувствовали себя словно муравьи, которые пытаются выбраться из кучи пиленого сахара.

Угнетающее чувство, скажу я вам! И все же чудесная была работа! Это открытие далось нам настолько легко, что мы внутренне даже не были подготовлены к такой большой радости. Мутюш вне себя от восторга, горланя песню, спускался по очень крутой стене. Вдруг поскользнулся, в горле застряла ария о цветах, а сам он по шею погрузился в воду... Мы двое, довольно удачно перебравшись раньше, хохотали над ним от всего сердца, а остальные, наученные его примером, стали спускаться осторожнее.

Радость и ликование оказались, однако, преждевременными. Вода падала в камин широкой струей. Мы хорошо рассмотрели пещеру, но куда идти дальше? Оставался только один путь: там, где течет вода.

Мутюш, еще совсем мокрый, взялся спуститься в узкий камин. Смелостью он обладал невероятной, ведь мы даже представления не имели, на какую глубину ведет эта труба.

К счастью, веревка у нас была. Ее нес на шее Димеши Тиббор. Мы обвязали Мутюша за поясицу. Он спустился, упираясь ногами в стенки камина, диаметр которого не шире его плеч. В камин с шумом стекает вода. Когда Мутюш погрузился по грудь и телом закрыл отверстие, вода начала подниматься и скоро дошла ему до шеи. Он начал умолять, чтобы его как можно скорей вытащили обратно. Мы и без этого уже его тянули, так как видели, что прибывающая вода скоро доберется до рта Мутюша, который был словно живой пробкой в камине. Нужно его немедленно спасти, иначе он задохнется на наших глазах. Втроем хватаемся за веревку и напрягаем все силы, чтобы вытащить нашего напуганного друга. В освободившееся отверстие со страшным ревом устремилась собравшаяся вода. У бородача на время пропала охота распевать арии. Димеши, однако, считал, что причиной неудавшейся попытки был комбинезон.

- Не будь на тебе такого толстого слоя одежды, ты бы, конечно, проскользнул! - и он уже начал снимать с себя рубашку и брюки.

Но у меня и у Юлии Кинчеш было другое мнение. Нельзя пробовать спускаться в шахту до тех пор, пока не узнаем, какой она глубины.

У бородача на время пропала охота распевать арии

Мутюш замерз и, желая согреться, предложил слазить наверх за оставшейся там жердью. Мы опустили ее в отверстие и почувствовали, как на глубине двух метров она наткнулась на дно. Стало быть, русло, по которому течет вода, там, вероятно, становится пологим. Кроме того, мы прошупали проход и убедились в том, что он расширяется. Значит, если пробраться через этот верхний, всего в метр шириной участок камина, то продвигаться дальше уже будет легче.

Димеши плещет на себя воду, давая таким образом телу привыкнуть к холоду. Потом приступает к эксперименту. На нем всего-навсего одни плавки. Вот он спустился в колодец уже по грудь, как раньше Мутюш, потом набирает в легкие воздуха и погружается в глубину. Обрушивающийся на голову поток воды помогает "вымыть" его из узкого места.

С волнением слежу за подергиванием веревки. После трех метров оно прекращается. Теперь сквозь гудящий водопад слышится отрывистый крик:

- Дайте лампу и спички! Ничего не вижу! Лампу, быстро!

Мы могли бросить ему лампу, но как передать спички? Вот невежество! Ведь мы и не подумали об этом. Одну-две минуты удивляемся, что ни у кого из нас нет водонепроницаемого упаковочного материала. Выхода нет, нужно Димеши поднимать обратно. Надрываясь, пробую перекричать шум водопада и сообщить нашему товарищу этот грустный факт. К счастью, он вскоре понял, что ждать ему больше нечего. Трижды Димеши пытается протиснуться снизу в узкий камин, но поток воды с такой силой обрушивается на него, что он не в состоянии проделать этот трудный подъем. Когда запас воздуха в легких израсходован, ему приходится снова спускаться ниже в более широкое место.

Дело плохо! Не сомневаюсь ни на минуту, рано или поздно мы его извлечем оттуда, но пока не видно, чтобы это удалось скоро.

Тогда и родилось название камина - Ливень.

Попеременно, то Кинчеш, то я перекрикиваемся с Тибором. Наконец он понял наше предложение: встать в камине с вытянутыми вверх руками. Если мы сможем схватить его за руки, то, наверное, удастся его оттуда извлечь.

Этот способ оправдался. При второй попытке удастся вытащить Тибора настолько, что уже высовывается голова из камина, и теперь он может дышать. Затем сравнительно легко вытаскиваем его на поверхность. Мы облегченно вздохнули, когда наконец снова целым и невредимым увидели измученного юношу. Потом свернули веревки и, мрачные, направились в мир солнца и света.

Наверху, растянувшись на солнечной лужайке, мы вскоре забыли о холодной воде таинственного ручья Пензпатак. Немножко просохли, а затем прогулялись до находящейся поблизости сторожки лесника, где у тетушки Погони после длительных уговоров выпросили займы герметически закрывающуюся банку из-под варенья. В банку мы положили две сухие коробки спичек, прикрыли носовым платком и закупирили. Не было сомнения, что таким способом нам легко удастся пронести наши спички через камин Ливень.

У Тибора, однако, совершенно пропало желание попытаться счастья вновь, и мы решили, что троим - я, Ютка и Мутюш - проберемся через камин Ливень, а оставшиеся у входа в камин Димеши и Гитта будут нам помогать.

В пещере мы снова разделились. Первым в камин спустился я. Но протиснуться, однако, мне удалось только по плечи. Дальше никак. Проклятая дыра! Ничего не поделаешь, бывают случаи, когда очень невыгодно, что у спелеолога солидная комплекция. Как я ни изворачивался между холодными каменными стенками, втиснуть в камин плечи все равно не мог. Вода в это время стала подбираться к шее. Снизу, как вакуумным насосом, всасывала пустота, и все же я был бессилен. Только ухватившись за руки своих товарищей, мне, наконец, удалось выбраться из этого проклятого камина.

Ютке и Мутюшу повезло больше. Их обоих горловина камина Ливень как бы засосала.

Прошло полчаса в томительном ожидании. Тем временем я оделся. Один из нас, конечно, все время прислушивался к камину. В течение получаса, однако, ничего, кроме шума воды, не было слышно.

Наконец через большой промежуток времени Мутюш и Ютка дали нам знать, что они возвращаются. Испытанным на Димеши способом нам сразу удалось их вытащить на поверхность. Дрожа от холода и громко стуча зубами, не отвечая на наши вопросы, они поспешно выбрались в теплый "земной" мир. С Гиттой и Димеши мы скрутили веревку, собрали одежду и прочее снаряжение и тоже последовали за ними.

За камином Ливень Ютка и Мутюш смогли продвинуться вперед в неведомый тоннель пещеры лишь на двадцать-тридцать метров. Дальше он настолько сужался, что человек был не в состоянии через него протиснуться. Расширить путь здесь можно было только молотком, а может быть, и зубилом. Из отверстия шел очень сильный ток воздуха, оно было недлинным, и ход дальше, по-видимому, снова расширялся. Но при таких условиях подхода к этому месту вряд ли найдется человек, который бы взялся за пробивание скалы.

- Надо, Лаци, найти способ, как можно отвести воду от камина Ливень, - убеждала меня Гитта, - если, конечно, ты хочешь попасть в пещеру. Другого придумать ничего нельзя. Или ты сможешь найти этот способ, или нечего даже минуты тратить на это дело.

Да, теперь я тоже догадывался, что речь здесь идет о подземном мире, который проходим будет только в том случае, если мы сумеем вывести из него его же создателя - воду. Человек и вода здесь не уживаются. Не то, что в Аггтелеке...

Все это хорошо, но как обезводить эту громадную долину? Долину, на дне которой даже в самую сухую пору журчит ручей Пензпатак. Долину, которую образовали тесно примыкающие друг к другу Бюккские горы-великаны, чей ручей питается водами родников, стекающих с горных склонов? Вопрос очень трудный, но я не терял надежды. Пещера пензпатакского ручья, заигрывая с нами, довела наше любопытство до такой степени, что мы обязаны были сделать все, чтобы удовлетворить его.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ СТАРТ

Почти месяц прошел с тех пор, как мы познакомились с тайнами камина Ливень. Большую часть этого времени я провел над составлением плана и подготовкой исследований. Поскольку я не мог включить в официальный план исследований Института геологии открытие пещеры-понора пензпатакского ручья, я решил, что буду вести работы в поноре с добровольцами. Они изъявили желание помогать мне после рабочего дня и в выходные дни. На счастье, бюккские изыскания были запланированы на июль, поэтому я был уверен, что, если все хорошо организовать, можно будет успешно справиться с двумя задачами сразу.

Уже в Будапеште я организовал исследовательскую группу. Школьники Кальман Бецнер и Миклош Лев были первыми моими сподвижниками. 4 июля они на велосипедах отправились к ручью Пензпатак. С радостью изъявили желание принять участие в экспедиции студент первого курса физического факультета Шандор Голли с братом Фери, а также Кальман Вереш. Мой друг Дердь Виталиш, директор Геологического техникума, обещал нам направить несколько студентов-энтузиастов. Я списался с Юлией Кинчеш, Мутюшем и Герой и условился о том, что, когда у них будет время, они приедут к пензпатакскому ручью помогать нам в этой "общественной работе" по открытию пещеры. От Габи Мадяри я получил аналогичное обещание. Договорился и с дирекцией Лесного управления о снятии в аренду на месяц пензпатакской сторожки. Для выполнения плановой работы института я имел право нанять одного рабочего.

Из тех, кто работал со мной в пещере Мира, я пригласил Лаци Вербая. По моей просьбе в качестве техника дирекция опять откомандировала Ленке Граф. Но она сможет приехать только 18 июля. После соответствующей подготовки 5 июля утром я снова отправился в Бюкк.

К ручью Пензпатак прибыл почти в одно время с выехавшими на день раньше из Будапешта Бецей и Муцой. Мальчики добирались на велосипедах. Вечером же приехал и Лаци Вербай. А 6-го уже в сумерках прибыли и братья Голли. Хозяин сторожки, добряк Погони, в знак уважения к нам застелил чистыми простынями березовые кровати. Работа началась.

Первой и самой трудной задачей было отвести воду из понора, так как он был самой низкой точкой во всей округе, а вода никаким образом не склонна была течь вверх. Не оставалось ничего другого, как взяться за строительство водоподъемных плотин, чтобы при помощи шлюзов мы могли бы в любое время задержать текущий в понор ручей, а, окончив исследования на этом участке, накопившуюся воду снова пустить по естественному руслу.

На наше счастье, всего на расстоянии четырехсот метров выше от понора долину пересекала огромная насыпь шоссе-ной дороги Эгер - Мишкольц.

Если бы мы могли на время закрыть находящуюся в насыпи широкую водоотводящую бетонную трубу, то эта насыпь могла бы стать чрезвычайно удобной плотиной.

Исходя из дебита ручья и учитывая уровень пензпатакского домика, построенного в верхнем участке долины, я высчитал, что этой плотиной в течение тридцати шести часов мы смогли бы удержать воду ручья, не подвергая опасности нашу сторожку.

Итак, мы приступили к строительству системы шлюзов у бетонной трубы.

Во второй половине дня я приготовил все для того, чтобы завтра провести в широких масштабах окраску воды.

* * *

7 июля в семь часов утра мы подкрасили воду Пензпатака 1,2 килограмма флуоресцеина. Возможно, что и этого количества будет мало? Ведь точками, где наиболее вероятно появление воды, могут быть большие качские и латорутские источники, лежащие отсюда по прямой в одиннадцати километрах.

Ради большей уверенности я организовал у источника Синвы постоянное дежурство, хотя по геологической и стратиграфической структуре этот источник едва ли можно было принимать в расчет, но от места нашей окраски по прямой он лежит всего на расстоянии шести километров, а внутри карстового массива все может случиться! Начиная с 8 июля, мы будем держать под наблюдением воды долины Хор.

Строительство плотины продвигалось в день окраски хорошо. Сколоченный из бревен деревянный "шлюз" стоял уже готовым. Внизу его построили длинный деревянный канал, который предназначался для отвода собравшейся в бассейне воды. На поверхности шлюза из печной трубы мы сделали предохранительные отводящие каналы. На следующий день оставалось только основательно укрепить глиной и покрыть слоем водонепроницаемой штукатурки закрывающиеся устройства. Пять добровольцев-энтузиастов работали изо всех сил и заслужили настоящее признание.

К сожалению, меню у нас очень однообразное. На обед и ужин на воде приготовленная тархоня³⁶. Мы ее сегодня съели уже три килограмма. Авторского гонорара за мою книгу "Открытие пещеры Мира" на самые необходимые расходы бригады пока еще хватает.

* * *

10-го огромная работа по устройству системы шлюзов близ шоссе успешно завершилась. После того как мы попробовали поднять воду, выяснилось, что, хотя шлюз и закрывается хорошо, вода все-таки просачивается через насыпь и после закрытия шлюза у понора еще часами продолжает понемногу течь ручей. Я решил вблизи понора для каптажа просачивающейся воды построить вторую, меньшую по размерам плотину со шлюзом. Мальчики после обеда приступили к новым земляным работам.

Днем и ночью, меняясь, следили за источниками. Окрашенная вода нигде не показывалась.

* * *

Спустя два дня и другая плотина со шлюзом была готова, но вода все-таки немножко просачивалась в понор, тогда я договорился с братьями Голли и Кальманом Верешем, что прямо у понора они построят третью, маленькую плотину.

Когда и она будет готова, в понедельник 13-го, мы закроем все три плотины и, наконец, сможем приступить к работам в осушенной пещере.

В воскресенье после обеда мы с Лаци Вербаем предоставили мальчиков самим себе и отправились в Аггтелек, чтобы произвести измерения, необходимые для оформления нового, главного входа пещеры Мира. Беца и Муци приехали вслед за нами на велосипедах. 12-го вечером, возвращаясь к ручью Пензпатак, я услышал в доме неимоверный шум. Войдя, я увидел там среди трех мальчишек по шею грязных Мутюша и Ютку Кинчеш. Перекрикивая друг друга, они рассказывали волнующие события этих дней.

После того как приехали Мутюш и Ютка и третья плотина была готова, они решили, что не будут ждать нашего возвращения, а, закрыв шлюзы, сразу после обеда приступят к исследованию пещеры. Ютка принесла с собой трехкилограммовый молоток, чтобы расширить ставший теперь сухим камин Ливень и следующее за ним узкое отверстие Треугольник, откуда в свое время им с Мутюшем пришлось вернуться.

Много часов работали они под землей и небезрезультатно. Но как раз в то время, когда Треугольник расширился настолько, что стало возможным, хотя и с трудом, проникнуть в него, на них обрушился поток воды. По-видимому, третья плотина была построена плохо, так как она не выдержала напора поднявшейся воды и прорвалась. Поток воды чуть не потопил их. Но к счастью, "чуть", а чуть - не считается.

После того как вода спала, они снова, хотя и с трудом, смогли выбраться на поверхность.

Кончив рассказывать эту историю, мои добрые друзья страшно удивились, когда вместо ожидаемой награды я им далеко не приятным тоном сделал выговор за их "самодеятельность". После моей импровизированной речи об ответственности и об их легкомыслии Мутюш еще долго ворчал, что он все-таки не считает удачным для себя эпитет "упрямый козел".

В душе я, конечно, гордился ими и немножко понимал их нетерпение.

НА ГЛУБИНЕ СТА ПЯТИДЕСЯТИ МЕТРОВ

15 июля, рассветает...

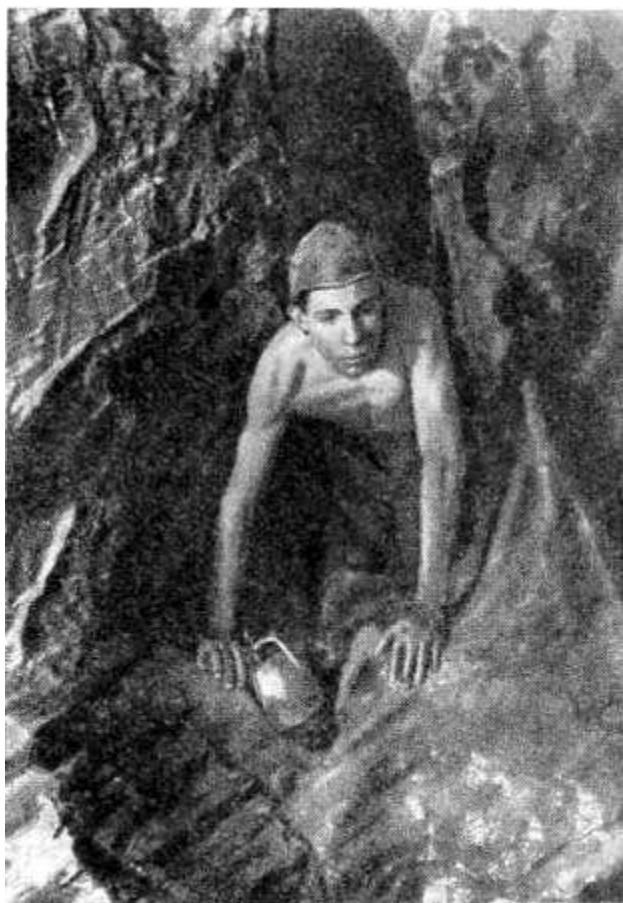
Зеленая вода все еще не появилась. Вчера и позавчера мальчики уже наконец основательно сделали третью плотину. При испытании шлюзов оказалось, что наша тройная система дает возможность полностью задержать воду каждый раз на двадцать четыре часа.

Сегодня утром мы снова закрыли шлюзы и отправились открывать тайны пещеры. В разведке приняли участие пятеро: Юлия Кинчеш, двое ребят Голли. Кальман Вереш и я.

На этот раз мы смогли пробраться в таинственный мир лишь на глубину сорока метров. За каминами Ливень и Треугольник мы стали осторожно пробираться в лабиринт громадных, в беспорядке лежащих одна на другой каменных глыб, спускаясь все ниже и ниже. Дующий в лицо ток воздуха, который несколько раз гасил лампы, показывал в этом страшном нагромождении камней правильный путь. Благодаря плотине вода в пещерном ручье спала, и теперь в его безводном русле кишмя кишели рачки. Странно было смотреть на предсмертные страдания этих маленьких существ, когда жизнь самих нас была далеко не в безопасности. Какая могла быть здесь опасность?!

Все говорило о том, что время от времени эти гигантские каменные глыбы приходят в движение. Старые пустоты закрывались, открывались новые. И не удивительно, что мы все облегченно вздохнули, когда наконец, добравшись до нижнего конца каменных глыб, увидели перед собой глубокий колодец. Эта в пять метров шириной и, как позднее выяснилось, восемнадцать метров глубиной с отвесными стенами шахта образовалась в сплошном каменном массиве под действием падающей воды. Обвала не нужно было уже больше опасаться.

Однако в зияющий под нами колодец без веревочной лестницы мы спуститься не могли. Бросив камень, я определил глубину, а затем послал Кальмана Вереша и Фери Голли на поверхность, чтобы они принесли с собой двадцатипятиметровую веревочную лестницу. Пока они ходили за ней, мы, сидя в каменном зале, расположенном над колодцем, окончательно промерзли. Нет, это неправильное определение! От холода у нас уже зуб на зуб не попадал.

В пещере все же остались лужи, и в них приходилось ложиться при преодолении узких проходов

Плотины, которые мы построили, отвечали своему назначению, но в пещере все же остались лужи, и в них приходилось ложиться при преодолении узких проходов. Поэтому теперь мы были мокрыми до нитки. За время ожидания, сидя в мокрой одежде, все продрогли настолько, что к тому времени, как Кальман и Фери возвратились сюда, в Холодильник, мы разделались донага и сидели на корточках перед пламенем карбидных ламп. Опыт старых исследователей пещер говорил о том, что холод легче переносить раздетым, чем в мокрой одежде.

За время ожидания почти сама собой родилась первая песня ручья Пензпатак, которую наша троица во все горло распевала на мотив песни "В зеленый цвет окрашены решетчатые ворота", чтобы хоть немножко отвлечься от пробирающего нас холода:

Грязью, грязью окрашен вход пещеры,
Туда хожу я каждый добрый вечер,
Не сумел я плотины закрыть,
Нужно было, нужно было в мокрую дырку влезть.

От основания восемнадцатиметрового колодца шел узкий, но высокий коридор, напоминающий тоннель Исследователей пещеры Мира. С крутыми поворотами, где сужаясь, где расширяясь, заманивал нас все дальше красивый сталактитовый ход. Путь стал совершенно свободным. Мы продвигались все глубже и глубже под сосновым лесом Бюкка.

Однако сегодня мы не смогли пройти много. Во время длительного ожидания настолько перемерзли, что вынуждены были повернуть обратно. На прохождение всей пещеры у нас уже не хватило сил.

* * *

Через два дня в десять часов утра пятеро снова отправились под землю: Ференц Голли, Шандор, Юлия Кинчеш, Кальман Вереш и я. Теперь мы были готовы к тому, что наш путь может продолжаться, пожалуй, и все двадцать четыре часа. Упаковали достаточное количество веревки, запас еды и карбида.

После камина Веревочной лестницы с товарищами, следовавшими за мной гуськом, мы вскоре дошли до места, на котором позавчера остановились. По стенам коридора пещеры тянутся ложбинки, но они здесь уже не горизонтальные, а наклонные, как то каменистое дно, по которому мы шли.

Путь подземной воды становится все глубже. Местами вода образовывала уступы в один-два метра высотой. У их основания ручей вымыл настоящие круглые каменные раковины³⁷. В одном месте, где коридор расширился в маленький зал, с левой стороны к нему примыкал второй узкий тоннель.

Участники похода 17 июля: Ференц Голли, Юлия Кинчеш, Ласло Якуч, Кальман Вереш и Шандор Голли

Заинтригованные, мы жадно следили за все новыми и новыми картинками. Пещерный тоннель теперь снова ведет к отверстию нового колодца. При свете ламп стало видно, что хотя размеры его большие, но проникнуть в колодец все-таки можно.

Обвязав друг друга веревкой, мы спускаемся на неизвестную глубину, совсем забыв, что Ютка осталась у входа. На глубине десяти метров от подножия камина отходит низкий горизонтальный коридор. Шани пытается протиснуться, но все напрасно. Вода заполнила сифон до самого потолка. В нерешительности раздумываем, что нам делать, и вдруг сверху из колодца с десятиметровой высоты с неимоверным шумом обрушилась нам на головы лавина воды. В панике пробуем отбежать из-под водопада в другое место. Мы в отчаянии, так как, судя по всему, плотина снова прорвалась. Но водопад как внезапно начался, так и внезапно прекратился. Над нашими головами послышался голос Ютки:

- Не бойтесь, это я спустила озеро, чтобы не нужно было ложиться в него.

- Понятно! Спасибо тебе, Ютка, за благородный поступок!

Снова попробовали зажечь лампы. Конечно, все спички совершенно промокли. Крикнули Ютке, чтобы она осторожно спустилась к нам с горящей лампой. Страхиваем с себя в темноте воду. Ютка, упираясь ногами и спиной в стенки камина, спустилась. Зажгли свои лампы, потом последовал "обмен опытом" в употреблении нелитературных выражений в повышенных тонах. Вдруг я увидел в стороне от камина Ретикюрте до сих пор незамеченную лазейку. Мой окрик восстанавливает полное единодушие. И вот мы уже пробираемся к узкой дыре. Протиснувшись через нее, нам удастся обойти сифон.

Снова большая радость. Пещера идет дальше. Горизонтальный ход, однако, продолжается недолго. Без всякого перехода он вклинивается в отвесную боковую стену пропасти огромных размеров.

Пораженные этим, останавливаемся. Ищем камни. Под руки попадает глыба с человеческую голову. Сталкиваем ее в глубину. Потом прислушиваемся. Считаем секунды. После десяти счет прекращаем. Звук падения камня на дно так и не услышали.

К этому я совершенно не был подготовлен. Может быть, во всей стране нет такой веревочной лестницы, какая нужна здесь. Но веревки с нами около восьмидесяти метров. Считаем. Одна из веревок тридцать пять метров, другие две по двадцати пяти. Итак, это восемьдесят пять метров. Попробовать спуститься?

На счастье, с одной стороны каменная стена не совсем вертикальная, и, насколько нам видно отсюда, как будто на ней есть карниз. Привязываем тридцатипятиметровую веревку и опускаем вниз Шани Голли. Он спускается с ловкостью акробата в петле дюльферзитц и с глубины двадцати пяти метров начинает кричать, что, высвободившись из петли, встал на десятисантиметровый карниз, но под собой, кроме бездонной пропасти, ничего не видит. Вслед за ним может отправляться следующий, до этих пор опускаться безопасно. Сначала спускается Фери, потом, когда он тоже встает на карниз, спускаюсь и я.

Неприятное чувство, вися на веревке, без всякой страховки спускаться на неведомую глубину, о которой знаешь только то, что конец веревки наверняка не достигает дна. Когда после пятнадцати метров спуска я на мгновение взглянул вниз, кровь застыла в жилах.

Подо мной, на глубине доброго этажа, лицом и животом прижавшись к отвесной каменной стене, на глиняном карнизе шириной шесть-семь сантиметров едва держатся двое Голли. Под ними темный, неведомый ад. Каменная стена настолько гладка, что не за что уцепиться. Подняв руки, они ладонями прижимают их к стене. Достаточно глубокого вздоха, чтобы, потеряв равновесие, сорваться вниз. С ужасом наблюдаю за ними, но не могу вымолвить ни слова. Нет, эти люди определенно не в своем уме. Не могу понять такого легкомыслия. Нельзя было Шани в это смертельно опасное дело увлекать еще и Фери.

Тотчас же вылезаю из дюльферзитца и, держась за веревку руками, а ногами упираясь в стену, то здесь, то там используя выступы на ней в качестве опоры, насколько могу быстро взбираюсь к Кальману и Ютке. Освобождаю конец веревки и кричу, чтобы мальчики обвязали ею себя за поясицы, так как мы их вытягиваем обратно. Не разрешаю больше никаких попыток.

Шани и Фери, однако, и слушать не хотят о возвращении. Напрасно я требую, напрасно их прошу, они хотят идти дальше, даже если этот путь будет стоить им жизни. Ютка чертыхается, я тоже. Но этим делу не можешь. Я договариваюсь с Кальманом, что на другой веревке мы спустим его на глубину, где находятся мальчики, а там, вися на веревке, он обвяжет их другой, тридцатипятиметровой веревкой, чтобы они не свалились, и потом мы попробуем, если по-другому не выйдет, вытянуть их силой.

Под ними темный, неведомый ад

В таком положении я еще никогда не был. Стараюсь оставаться спокойным, потому что нервозность здесь ничему не поможет. Но надо иметь очень большое самообладание. Ни на одно мгновение не могу забыть ужасной картины: вот они, прижавшись к голой отвесной стене и на страшной, может быть стометровой, высоте, ждут, сами не знают чего.

Обвязываем Кальмана другой веревкой, жмем руку и спускаем вниз. Через двадцать метров он кричит, чтобы мы веревку не дергали, так как он стоит на карнизе и удерживается на нем только с ее помощью. Нервы напряжены до предела. Держим сбегаящую вниз веревку, слышим из глубины похожее на гудение пустых бочек голоса, но ничего не можем разобрать. Ужасные минуты. И вот теперь, наконец, начинаем понимать, что кричит Кальман. Медленно, по складам он произносит слово за словом:

- Шани... и Фери... они здесь... Обессилели... Дрожат. Не могут... обратно выбраться. Только один... способ... нужно... опустить... их... вниз... Я связал концы двух веревок... Бросайте... вслед за мной... мою веревку... Понимаете? Мою... двадцатипятиметровую... Не раздумывайте... нет другого выхода... Лаци... бросайте! Если достигнут дна... тогда, может быть... они... будут спасены...

От ужаса покрываюсь испариной, но не могу сделать ничего другого, как опустить конец веревки, державшей Кальмана. Со страшным свистом, извиваясь, падает она вниз. Другая веревка, издав треск, туго натягивается, звук доносится до нас. Через большой промежуток времени крик Кальмана:

- Спасибо... Ни одного из нас веревкой не задело... Фери спускается, он особенно устал.

Потом наступает тишина. Как мы ни кричим, ответа нет. Нет ответа и через пять минут, и через полчаса. Только где-то за нашей спиной каплет в коридоре вода, равномерно, спокойно.

Ютка хочет спускаться вслед за ними. Я не разрешаю.

- Ни шагу больше без веревочной лестницы! Иди обратно, если не можешь больше, я остаюсь здесь.

Ютка тоже остается. Почти не дыша, впиваемся глазами в темноту. Так проходит, может быть, час. Первой заговорила Ютка:

- Лаци, что мы ждем? Ты все еще думаешь, что они живы?

Я боюсь ответить. Продолжаю сидеть неподвижно на корточках. Временами меня бросает в дрожь... Вероятно, от холода.

* * *

Разрешите, дорогой читатель, привести теперь отрывок из дневника Кальмана Вереша. К, сожалению, дневник Кальмана местами немногословен, но мне кажется, будет лучше, если я дам его, ничего к нему не добавляя.

"Фери был смертельно бледным, когда я, обвязав его петлей дюльферзитц, сунул в руки лампу, и он без звука начал спускаться. Крикнув об этом Якучу и Ютке, Фери стал быстро удаляться. Скоро я уже видел только мерцающую световую точку. Шани попросил меня прижать его к стене, ибо он не в состоянии больше сохранять равновесие. Мне это было сделать легче, удавалось держаться за веревку. Бедный Шани от переутомления дрожал всем телом. Я очень боялся, что он упадет.

В это время мы не могли знать о случившемся с Фери, потому что веревка дернулась и ослабла. Казалось, на ней уже никто не висит. Снизу, однако, я не видел никакого света. Голоса тоже не слышал. Хотя Фери обещал, что, как только коснется дна, даст нам знать. Наверное, веревка оказалась короткой и Фери не смог откатнуться в сторону. Шани, очевидно, тоже подумал об этом, так как начал кричать, что пойдет за братом, чтобы с ним там ни случилось. Я не смог отговорить его. Якучу и Ютке даже не посмел сказать о случившемся. И Шани стал спускаться вниз.

Я тоже был в незавидном положении. Прямо на шею стекла сверху струя воды. Веревка была настолько мокрой, что, когда я сжимал, из нее текла вода. Мне хотелось бы отыскать более надежный карниз, но на стене не было опоры даже для ноги. Вот возобновилась прежняя сцена. Веревка дернулась, освободившись от тела Шани. Напрасно я прислушивался - ни звука не доносилось со дна пропасти. Я уже хотел подниматься к Якучу и Ютке, как заметил мелькнувший подо мной свет лампы. Стало быть, можно достигнуть дна или где-нибудь встать. Я тотчас стал опускаться дальше. Веревка была ужасно мокрой.

До тридцати пяти метров спуск шел гладко, потом еще

Я изо всех сил вцепился зубами в его та-
почку

"глаже", и в конце концов, не сумев удержаться за конец веревки, я, закричав что-то, полетел вниз. Мне повезло. Я упал только с высоты четырех метров. Длина двух веревок была шестьдесят метров, а глубина пропасти шестьдесят четыре метра, но при этих условиях с таким же успехом могла быть и сто шестьдесят четыре. Шани и Фери тоже были здесь. Фери весь окровавлен. Я кричал Якучу и Ютке, но они не слышали. Страшное место. Хотел бы я знать, можно ли отсюда как-нибудь выбраться. Мы перевязали Фери его собственными плавками. Потом осмотрелись. Недалеко отсюда увидели Ньюзду (Живодера). А от него уже совсем рядом был сифон. Я погрузился по шею в воду, но дна не оказалось. Переплыть сифон не было сил. Между сифоном и Живодером шел другой ход.

Поползли было вверх по глинистому колодцу, но напрасно. Потом начали выбираться обратно. Фери выглядел страшно, и мы его отправили вперед. Потом вплотную друг за другом поползли следом за ним. На наше счастье, удалось отыскать конец веревки. Это был отчаянный труд. Не думал я, что смогу выдержать такое физическое напряжение. Я взбирался последним, непосредственно под Шани. К счастью, на стене повсюду были маленькие выступы, и было обо что опереться ногами, поэтому не приходилось работать только руками. Я проделал уже около сорока пяти метров, когда правая нога не встретила опоры и соскользнула левая. Сжав двумя руками веревку, я почувствовал, как по ней вниз побежала вода. Но на руках висеть сил уже не было, опереться ногами было не на что, и я начал скользить вниз. "Шани, помоги", - кричал я, так как чувствовал, что могу сорваться. Но Шани не был в состоянии помочь мне ничем другим, как протянуть вниз ногу, а я, двумя руками сжимая веревку, изо всех сил вцепился зубами в его тапочку. Болтаясь в воздухе, как акробат, я старался ногами найти опору. Будь Шани на полметра выше, меня, может быть, и хоронить не вытащили бы из пещеры. Он спас мне жизнь. Спасибо".

* * *

Была поздняя ночь, когда мы выбрались на поверхность.

КОГДА ПРОРЫВАЮТСЯ ПЛОТИНЫ

19 июля, а следов флуоресцеина все еще нигде нет. Мы уже горим нетерпением. Двенадцать дней бродит он по неизвестной пещере. Немножко многовато. Теперь дежурный ездит на велосипеде к источникам только один раз в день.

Вчера, наконец, прибыли Ленке Граф и Габи Мадяри, Ленке тотчас проиграла пари в сто форинтов, так как не хотела верить, что существует пещера и что у подножия Большой стены мы уже прошли на сто пятьдесят метров вглубь. Теперь самая важная задача - достать необходимое количество веревочных лестниц. Было бы преступным легкомыслием и просто самоубийством спуститься в страшную шестидесятичетырехметровую пропасть Большой стены по веревке.

Достать веревочные лестницы было делом тяжелым. Вчера я уже разослал повсюду целый ряд телеграмм, но не был уверен, получим ли мы лестницы в количестве, достаточном для безопасного продвижения по пещере.

Во время небольшой рекогносцировки мы нашли отходящий от верхней части камина Ретикюрте боковой коридор. Он вел в широкую и очень глубокую систему каминов. Как нужны лестницы! Без них я не разрешаю никому спускаться. Да, не разрешаю. Хорошо, что еще так благополучно кончилась разведка Большой стены. Мне и теперь становится жарко, когда вспоминаю ее.

Сегодня утром я отправил Габи Мадяри в Мишкольц, чтобы он переговорил от моего имени с Яношем Борбеем - руководителем группы мишкольцских спелеологов. Они работают на раскопках Болхашского понора, где прошли уже глубину почти девяносто метров, и, может быть, смогут одолжить лестницу.

Вернувшись, Габи сообщил, что все лестницы группы Яноша вмонтированы теперь в Болхашскую шахту, и мы должны как следует подумать, есть ли у нас в них крайняя необходимость. Если да, то должны прийти и сами их демонтировать, но лучше решить вопрос иначе, так как без них они не смогут работать дальше.

Мишкольцские любители-спелеологи, организовавшие в последние два года при Обществе геологии сильную исследовательскую группу, по субботам и воскресеньям проводят замечательную работу по открытию неизвестных пещер восточного Бюкка. После многочисленных небольших, но успешных исследований они приступили к открытию крупной системы пещер источника Гарадна, расчистив окрестные поноры Яворкута. Мне не хотелось ставить их в затруднительное положение. Поэтому мы решили, что с дальнейшими исследованиями подождем несколько дней, а тем временем придут веревочные лестницы из Будапешта.

Сегодня после обеда я получил пополнение. К нам приехали обещанные Виталишем студенты Геологического техникума. Всего четверо. Из них трое - Шани Турчани, Янчи Вермеш и Пишта Хорват - мне знакомы еще по Будапешту. Теперь мы едва уместались в пензпатакской сторожке. Новичков разместили на сеновале. Вернулся из Мезечата и Мутюш, даже привез с собой гостей: своего бывшего любимого преподавателя доктора Дюлу Сабо и старого школьного друга Лаци Сидло. Они все сегодня же хотели идти в пещеру.

Так и быть. Я удовлетворяю их просьбу, но, конечно, они пойдут только до верха Большой стены.

После обеда в шесть часов мы закрыли все шлюзы. Группу ведут Мутюш, Ленке и Мадяри, в ее составе четыре новых техника и два наших мишкольцских гостя.

У входа в пещеру эти первые "экскурсанты" торжественно прощаются. Семь часов вечера. Девять человек исчезают в горловине понора. Остаются братья Голли, Ютка Кинчеш и я.

В девять часов заволакивается небосвод. Частые далекие разряды молнии прорезают небо.

- Спрячьте, ребята, эти сухие ветки под навес. Еще могут намокнуть, и тогда мы намучимся, разжигая костер для возвратившихся "туристов".

В четверть десятого небо словно прорвалось. Такой ливень, черт возьми. И нужно было ему пойти сейчас, чтобы намочить нашу лужайку.

Стоим в комнате и смотрим, как стекают по стеклу ручейки воды, как сверкает то там, то здесь голубоватая молния.

Такие раскаты грома, что невольно втягиваем голову в плечи.

В половине десятого ливень усиливается. Я вспоминаю наводнение в Барадле и начинаю беспокоиться.

- Кальман, у тебя есть плащ, пойдем посмотрим плотины.

- В такой дождь! С карбидными лампами!

- В такой дождь. С карманным фонариком.

Едва мы прошли двадцать метров, как промокли до нитки. Первая плотина еще держит поднявшуюся воду, хотя поверхности шлюза уже не видно. По земле бегут мутные дождевые потоки. Ну и льет, как из ведра. Вторая плотина видна только на тридцать сантиметров. Не миновать беды. И очень большой беды.

Кальмана посылаю обратно в сторожку: пусть все тут же бегут к плотине! С лопатами, с заступами, с топорами! Сам что есть сил мчусь к нижней плотине. Сапоги полны воды. По спине тоже струятся ручьи. Плотина видна лишь сантиметров на десять. В свете вспышек молний сквозь завесу дождя вижу, как бегут с откосов долины по направлению ко мне потоки воды. Гром раздается, словно смех Мефистофеля. Теперь уже помочь ничем нельзя. *Finita la commedia.*³⁸

Это даже не дождь, а потоп. Готов рвать волосы на голове от бессилия. Увязая в грязи, мчусь снова ко второй плотине. Удивляюсь, что еще не прорвалась. Виднеется из-под воды сантиметров на пять. Теперь прибегают Ютка с товарищами. С одним карманным фонариком четверо. С лопатами и заступами набрасываемся на плотину. Делаем совершенно бесполезную работу. Напрасно роем землю, это уже не земля: один ил стекает с краев лопаты. Кричу, чтобы попробовали укрепить ее палками, а сам снова бегу к первой плотине. Вода до краев. Ныряю и дергаю закрытые створки шлюза. Несмотря на страшный напор воды, они все-таки поддаются. С ревом через отверстие прорывается пенистый поток воды. Устремляется к понору. Пожалуй, лучше, что вода захватит наших товарищей в пещере таким образом, чем если бы, прорвав плотину, на них обрушилось все озеро.

Лишь бы вторую плотину удалось спасти!

Невозможно. В долине уже ревет поток. По сырому, превратившемуся в сплошной ил склону с трудом отступаю перед ним, третью плотину поток смывает целиком.

У меня подкашиваются ноги... Нет спасения нашим "туристам". Будет девять жертв. Вот и первый поход "экскурсантов"! А я еще устраивал им проводы, смеялся, шутил.

Струящийся с меня пот смешивается с ледяными каплями дождя.

В горловине понора булькает вода. Примчался Кальман с товарищами.

- Стой! Ни шагу дальше! Это уже бессмысленно!

В конце слепой долины уровень воды быстро поднимается, и она все прибывает и прибывает. Вход пещеры и множество открытых поноров не в состоянии ее поглотить. А с неба продолжает обрушиваться проклятая "божья кара"!

Глубоко в долине над пастью пещеры кружится вода, разбрызгивая в стороны тысячи плевков. В центре громадного водоворота временами подвывает образовавшаяся воронка.

В течение часа до без четверти двенадцать продолжался ливень. Потом стих. Монотонные всплески стремящейся к понору реки прерывает только глухое бормотание далеких раскатов грома.

Хорошо, что ночь, хорошо, что не видим друг друга. Все молчим, стоим, остолбенев, дрожа от холода, как будто нас приковало к краю превратившейся в один громадный водоворот водопоглощающей долины.

Наконец заговорила Ютка.

- Лаци, если ты сейчас думаешь о пещере, то можешь ли представить там какое-нибудь место, где бы они могли укрыться от этой лавины.

Этот вопрос мучил меня, но даже и в мыслях я не смел ответить на него. Теперь вынудили.

- Нет, Ютка, я не думаю, чтобы там было хотя бы од но такое место. Не могу вспомнить.

Вода продолжает всасываться. Из глубины пещеры поднимаются со страшным клокотанием огромные пузыри. В ночной темноте определяем все только по звукам. Слабый свет карманных фонариков едва освещает небольшое пятно волнующегося зеркала воды. Ребята Голли отправляются к нашему биваку, чтобы принести карбидные лампы. Теперь ими можно уже пользоваться, хотя с листвы еще падают дождевые капли.

Когда они возвращаются обратно, вход пещеры уже открылся. Мы должны попробовать как можно быстрее построить на ручье новую плотину.

Отчаяние диктует темп. Одно за другим срубаем деревья и наводим через узкую долину мост. Глину берем со склона понора. Боремся с водой, утомлением и темнотой.

Через час удастся благополучно запрудить опавший ручей Пензпатак. Мы рассчитываем в последующие полчаса укрепить плотину, чтобы проникнуть в пещеру.

Каждый боится первым убедиться в печальной действительности. Не особенно-то горим желанием предпринять этот поход. И все же нужно отправляться. Нужно, обязательно!

Снаряжение далеко не достаточное. Уже в течение часа я в одних носках топчу грязь, так как подошвы моих сапог отстали, и я предпочел их совсем оторвать. Острые камни врезаются в ноги, кровоточит то одна, то другая ссадина, но я не думаю о них, стараюсь не обращать внимания. Физическая боль почти приятна. До некоторой степени она отвлекает от тяжелых мыслей.

К нашему великому удивлению, за Треугольником слышатся голоса. Появляется из темноты Мадяри... живым... Увидев свет, кричит как одержимый. Такой же мокрый, как и спасательная бригада. Кальман спрашивает:

- Что с остальными? Жив ли еще кто-нибудь?

- Мутюш жив! Он здесь со мной. Об остальных не знаем ничего. Разрешите идти наверх.

Двое, стало быть, спасены! Но где остальные? Теперь отвечает Мутюш.

- Мы уже взобрались на лестницу, когда на нас об рушилась вода. Все это время мы были в Холодильнике. Ленке и ее товарищи сюда еще не добрались. На них обрушился основной поток воды.

Бежим дальше. Много ступенек лестницы выломано. Вероятно, мощная струя свалила на них обломки скал. С трудом опускаемся по ней.

Внизу в коридоре находим и остальных. Всех семерых. В одном клубке семь человеческих тел. В темноте, тесно прижавшись, они согревают друг друга.

Все остались живы. Узкие горловины Ливня и Треугольника задержали обрушивающиеся потоки воды. Эти два места спасли наших "туристов".

Конечно, было страшно. Лампы сразу же потухли. Стоя по пояс в несущемся потоке воды, уцепившись друг за друга и держась за скалы, они боролись в течение двух часов с грозной силой в кромешной тьме, в холоде, ожидая маловероятного спасения...

Нам всем эта первая "экскурсия" в пещеру Пензпатакского ручья принесла страшные волнения. Возможно, она была и последней? Бедные наши друзья всю ночь даже во сне стонали.

В этой пещере уже нельзя было проводить дальнейших исследований. Оказывается, природа поставила здесь перед нами такие препятствия, преодолеть которые имеющимися у нас средствами и силами мы не могли. Старый Бюкк ревниво хранит свои тайны. Намного ревностнее, чем берегла свой сказочный мир пещера Аггтелек, хотя и там тоже была ожесточенная борьба.

И все же, если придут лестницы, мы предпримем еще одну последнюю попытку, прежде чем окончательно отступить...

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Все напрасно. Попытка не удалась. Пещера оказалась сильнее нас. А сегодня, 21 августа, во время последнего похода случилось несчастье. Ужасное несчастье.

О предшествующих событиях расскажу коротко. В прошлые две недели я запустил записи в дневнике.

Новые плотины мы построили гораздо лучше прежних, а ожидаемые лестницы все еще не прибыли. 23 июля я отправил мальчиков на Болхаш за веревочными лестницами. Мы прикрепили их сначала к Большой стене, а потом и в Сухих каминах. Сухие камины вели вниз из просторного коридора, который открывался у верхней части Ретикюрто, и, обходя Большую стену, приводили к Ньюзде, то есть к сифону, означающему конец пещеры.

Но напрасно 25 июля приехал по моему вызову наш заслуженный скалолаз Лайош Пушкаш и вместе с ним его товарищи альпинисты, привыкшие работать в одной связке. Напрасно они целыми неделями проводили головокружительные спуски и восхождения по стенам и каминам пещеры. Ньюзду никак нельзя было обойти. Лаци Гера, который в это время принял участие в работе нашей группы, установил, что сифон не длиннее восьми метров, и все же не смог его переплыть. Я решил, что исследовательские работы на Пензпатакском ручье в этом году надо закончить, и договорился с Юткой Кинчеш об организации последнего спуска за оставленными в пещере лестницами. Я же вместе с Ленке и Лаци Вербаем по заданию Института уехал в Бюккжерц для изучения бюккских источников.

Наша спелеологическая группа в последние дни пополнилась молодыми энтузиастами из Кинижи, которые раскинули свои палатки прямо у понора. Ютка в этот последний поход взяла себе в помощники несколько новичков и несколько человек из старой группы.

Смеркалось, когда с Ленке и Лаци Вербаем мы возвратились к ручью Пензпатак. Мы пошли по долине Чуня и достигли понора. Как раз в это время из пещеры на поверхность выбрался Гера, он был смертельно бледен. Узнав нас, он встал и срывающимся голосом произнес:

- Беда. Ютка упала в восемнадцатиметровый камин. Теперь они ее вытаскивают. Они уже у камина Ливень.

- Умерла? Отвечай, ради бога.

Восемнадцатиметровый камин, с которого сорвалась Ютка Кинчеш

Гера не смотрел на меня. Только носками ботинок ковырял сухую листву.

- Не знаю. Может быть, еще нет. Посмотри сам, Лаци. Хотя лучше тебе не ходить, все равно не сможешь помочь. Людей там много.

Я оттолкнул Геру, схватил брошенную им на землю лампу и тем же путем, не сняв даже рюкзака с плеч, стал протискиваться в каменную дыру, ведущую в подземелье.

Вот как произошло несчастье: члены бригады успешно вытащили веревочные лестницы из пропасти Большой стены и Сухих каминов и со связками лестниц начали выбираться на поверхность. На этом последнем участке восемнадцатиметрового колодца Ютка шла первой. Остальные ждали у начала коридора, пока она доберется наверх и оттуда войдет в Холодильник.

Взобралась она благополучно, но перейти ей не удалось. В то время, как она поднималась по лестнице, уже на девятом метре потухла ее карбидная лампа. Ютка была уверена в себе и в темноте продолжала знакомый ей путь. Не зажгла она лампы, и достигнув конца лестницы. По памяти шагнула по направлению к Холодильнику. И здесь она ошиблась. Она наступила на скалу, которая под тяжестью ее тела пошатнулась и, увлекая за собой Ютку, рухнула с высоты четырех этажей.

Ютка, сделав сальто, даже не вскрикнув, полетела на дно колодца. Летящая каменная глыба опередила ее и, ударившись о дно, разлетелась на тысячи маленьких кусочков, чуть не задев Лаци Геру. Ютка тоже упала к ногам Лаци. С холодящим душой звуком ударились она о каменное дно. Больше она не шевелилась, только лежала на боку, лицо моментально залилось кровью.

Все подскочили к ней. Ютка жива, но разбилась страшно. Через несколько минут она пришла в себя и начала стонать. Ребята сделали из веревки петлю, привязали ее за бедра и под мышки, потом взобрались на край колодца и втроем потащили несчастную наверх. Это было ужасно.

В Холодильнике сняли с нее петлю. Теперь сантиметр за сантиметром волокни по узкому проходу. Ютка уже пришла в себя и, собрав всю силу воли, старалась помочь им. Там, где позволяло место, мальчики ложились и ползли с ее израненным телом на спине. За два часа они сделали путь в сорок метров.

Достигнув поверхности, они положили ее на траву. Один из них тотчас побежал в Репешхуту вызвать скорую помощь. Потом остался на шоссе ждать машину, чтобы привезти ее к понору.

У Ютки на лбу и на темени зияли глубокие раны. Из носа все еще текла кровь. Она попросила воды и выпила ее очень много. Потом у нее закружилась голова, и она снова потеряла сознание.

Пока мы ждали скорой помощи, Лаци Вербай и кинижистские товарищи возвратились в пещеру, чтобы извлечь все-таки на поверхность оставшиеся там лестницы и прочее снаряжение.

На собственной машине, опередив скорую помощь, прибыл лиллафюредский врач.

- Кареты нельзя больше ждать. Кладите ее в мою машину, и я сам отвезу в больницу. Здесь дорога каждая ми нута. Это может стоить ей жизни. Не ушибы опасны, а пролом черепной коробки.

На машине врача Ютку Кинчеш сопровождала Ленке.

Едва они успели оставить пензпатакскую долину, как из пещеры с окровавленным лицом вылез Лаци Вербай. Мы еще не оправились от всего случившегося, и поэтому новое страшное известие нас сразу не очень поразило.

Снова несчастье!.. Завалило пещеру... Дюлу Вархиди придавила глыба... теперь конец! По крайней мере, десять вагонов камней нагромодилось в Холодильнике.

Я не мог ничего понять, может быть, я сошел с ума? И как сумасшедший тряс за плечи Вербая.

- Говори!.. Что случилось?! Умер кто-нибудь?

- Нет, никто не умер. Вот идут.

Пещера обвалилась. Мы заблудились в лабиринте Холодильника. Взобрались на такое неудачное место, что начался обвал. Дюлу увлекла за собой свалившаяся груда камней. Но мы смогли его вытянуть. Все живы, только снаряжение осталось там на веки вечные. Много метров веревочной лестницы, веревки и лампы. Вход восемнадцатиметрового камина Ютки завалило камнями.

Вот они идут. Слышу их голоса.

И на самом деле, вот уже все на поверхности. Рана на голове у Вархиди была скверная, но сразу видно, что она неопасна для жизни.

Я почувствовал облегчение. В эту минуту с пещерой Пензпатакского ручья я покончил раз и навсегда. И всем остальным самым категорическим образом запретил дальнейшие попытки спуска и исследования.

В этот же вечер приступили к свертыванию экспедиции и ночью пешком отправились в Мишкольц. Утром нас пропустили в больницу.

ПРОЩАНИЕ С БЮККОМ

И вот я снова в институте. Страшный подземный мир пещер Бюкка остался теперь только в наших воспоминаниях и в подведенных итогах. Ютка пролежала в больнице три недели. Ее сильный организм справился с переломами черепа, ребер, ключицы, сотрясением мозга и тяжелыми ушибами. Вчера она написала из Речка, что снова ездит на велосипеде.

Несколько членов моей бригады все-таки не могли устоять перед соблазном и, нарушив мой запрет, опять спустились в пещеру Пензпатакского ручья. Место обвала они расчистили настолько, что снова смогли пробраться в камин Ютки. Этими смельчаками были братья Голли и Вереш. Они вытащили веревочные лестницы и оставшееся там снаряжение. Все вернули обратно (хотя и с небольшим опозданием) тем, кто, одолжив это нам, оказал большую поддержку в исследовательских работах в самой глубокой пещере Венгрии ³⁹.

Пензпатакская сторожка снова опустела. Плотины постепенно размываются водой. Бюккский ветер, взвихрив тысячи желтых листков, принес красную осень и длинные ночи. Тайна осталась тайной, хотя в наших руках и был к ней ключ. Ничего не поделаешь. Такую огромную рыбу, какой была неизвестная пещера источника Кач, не так-то просто вытянуть из воды, даже тогда, когда она и попала на удочку.

Является ли ручей Пензпатак действительно ключом водной системы источника Кач, не знаем, но предполагаем, что да. Окрашенная вода до сегодняшнего дня не показала. Однако конечная точка всего на километр дальше знакомой пещеры. Сифон на такой глубине под землей означает, что воды долины Хор и источника Синва не могут быть выходом на поверхность подземных вод этой пещеры.

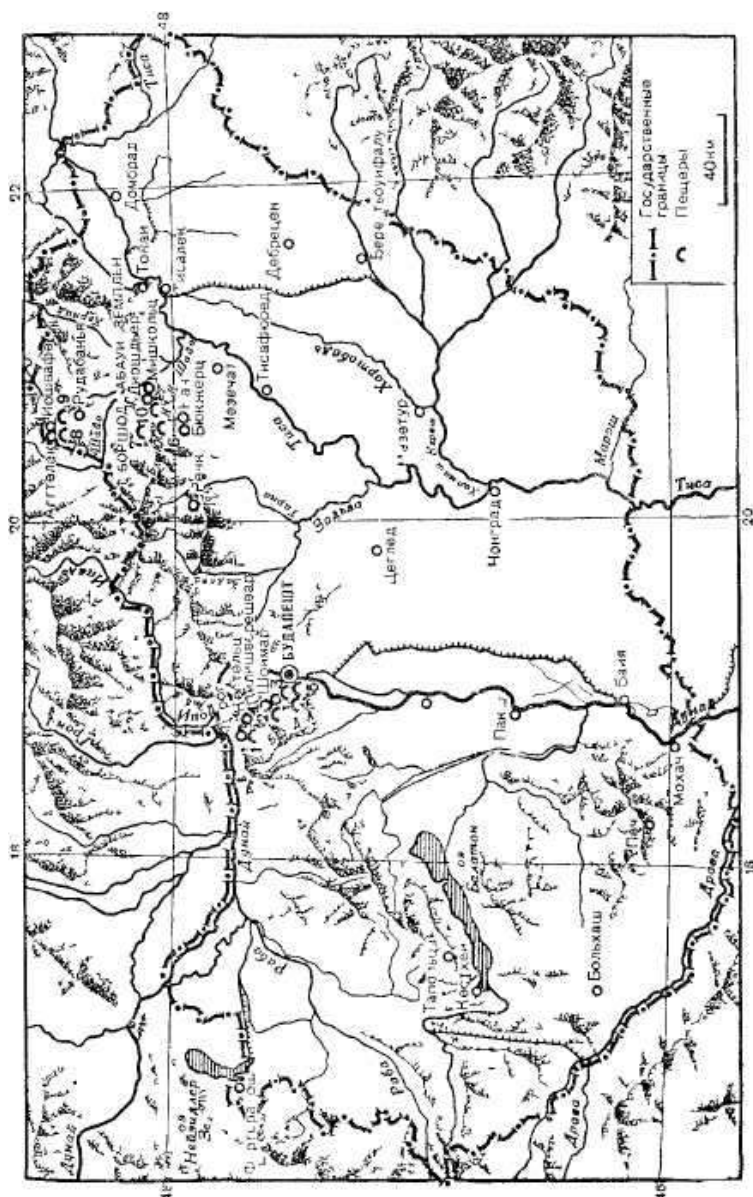
МЫ ГАСИМ ЛАМПЫ...

Вот и последняя страница. Все что я собирался рассказать в этой книге, я рассказал. Пять лет назад я покинул Будапешт, институт и начал исследования в Аггтелеке, в таинственном подземном мире волшебных сказок.

Сейчас октябрь 1958 года. Перелистываю пожелтевшие листки дневника, вспыхивает пламя воспоминаний, заново освещая борьбу последних пяти лет...

Появляются среди них в мрачном призрачном подземелье грозные наводнения, страшные обвалы и другие невероятные трудности в борьбе со стихией. Я вижу себя и товарищей, проникающих в рождественский вечер в тысячелетиями закрытый сифон; вижу бесчисленные измерения и вычисления, в результате которых наконец удалось выработать удовлетворительную защитную систему от наводнений, вижу, как задыхается моя жена в сифоне, судорожно хватаясь за воду дрожащими руками, вижу новые экспедиции и походы врачей за сбором плесневых грибков; вижу, как ведется съемка пещеры для кинофильма, когда в световых лучах прожекторов сверкают тысячи сталактитов; вижу армию новых молодых спелеологов, ставших мастерами своего дела - добрых моих друзей Мутюша, Ленке Граф, Габи Мадяри - теперь уже самостоятельных геологов.

Вспоминаю и думаю, многое бы еще нужно рассказать. Однако работа не кончилась, трудности ждут нас, и мы будем бороться, бороться до конца, до полной победы. Тогда кто-нибудь из моих товарищей выберет время и напишет новую книгу об окончательной победе нашего дела.

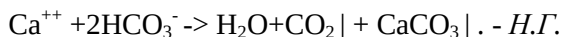
Пещеры Венгрии

- 1 - Гипсовая пещера в Шаторкепушта, 2 - Шоймарская пещера Чертова дыра,
- 3 - Пещера Семи дыр, 4 - Ференцхедьская пещера, 5 - Селехедьская пещера,
- 6 - Пензпатакская пещера, 7 - Летрашская пещера, 8 - Пещера Аггтелек - Барадла,
- 9 - Пещера Мира, 10 - Лиллафюредская известняковая пещера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С п е л е о л о г - исследователь пещер (от слова "спелеология" - "пещероведение") - *Н. Г.*
- ² К а р л Г а г е н б е к (1844 - 1913) - известный немецкий звероторговец и основатель крупнейшего зоологического парка вблизи Гамбурга. О своих приключениях в мире зверей он написал книгу "О зверях и людях"
- ³ К а р с т - совокупность особых форм рельефа поверхности, подземных полостей, своеобразных поверхностных водотоков и подземных вод, которые свойственны местностям, где снаружи или неглубоко под землей залегают растворимые в воде горные породы: известняк, доломит, гипс и др. С термином "карст" закономерно связывают также самый процесс развития этих явлений, основу которого составляет химическое растворение горной породы Сталактитовые пещеры, об исследовании которых говорится в книге, - это одни из характерных карстовых форм, развивающихся в известняках. - *Н. Г.*
- ⁴ П о н о р (понора) - характерное для карстовой местности отверстие на поверхности земли, поглощающее воду. Располагается обычно на дне долины, котловины, ямы. В понор могут уходить вода реки, ручья или временные потоки дождевой и талой снеговой воды. Дальше вода попадает либо в системы трещин, либо в крупные подземные полости - пещеры. - *Н. Г.*
- ⁵ К а м и н - 1) слепой участок пещеры с возвышением потолка, которое сверху заканчивается трещиной или узким каналом, 2) крутой или вертикальный ход в пещере. В книге этот термин употребляется во втором смысле - *Н. Г.*
- ⁶ П а л и н к а - венгерская водка.
- ⁷ Карстовые явления развиваются не только в известняке, но и в других растворимых водой породах: доломите, гипсе, ангидрите, каменной соли, мелу В разных породах наблюдается своя специфика карстового процесса и карстовых форм, но в принципе все они родственны. - *Н. Г.*
- ⁸ Поглощение воды может быть связано не только с трещиноватостью, но и с пористостью горной породы, в которой образуются карстовые явления, в том числе известняка. - *Н. Г.*
- ⁹ Процесс этот может быть выражен следующей химической формулой: $\text{CaCO}_3 + \text{H}_2\text{SO}_4 = \text{CaSO}_4 + \text{H}_2\text{O} + \text{CO}_2$. - *Н. Г.*

- ¹⁰ Д и л ю в и а л ь н ы е отложения - устаревшее название отложений четвертичной системы (за исключением отложений современного отдела этой системы, которые прежде назывались аллювием). - *Н. Г.*
- ¹¹ Т р и к о н и - стальные шипы на горной обуви.
- ¹² Лестницы эти, собственно, не веревочные, а из стальных тросов с короткими дюралюминиевыми перекладинами. Такая десятиметровая лестница весом в один килограмм свертывается в очень небольшой моток. - *Н. Г.*
- ¹³ К а р а б и н - металлическое кольцо с особым замком. Используется при воздушной переправе через реки и ущелья при помощи веревки.
- ¹⁴ П и ш т а - ласкательное от Иштван. ¹⁶ См. прим. 9.
- ¹⁶ П е щ е р а А г г т е л е к - одна из крупнейших и известнейших в Западной Европе. Находится в Словацком Карсте на границе Венгрии и Чехословакии Венгерская часть пещеры имеет два названия: Аггтелек и Барадла (Брадла) - оба эти названия фигурируют в тексте книги.
- Венгерская часть пещеры известна давно и в начале нынешнего столетия была уже пройдена на шесть километров в главном направлении и на два с половиной в боковых разветвлениях (по Л. Савицкому, 1909). В 1926 году была открыта чехословацкая часть пещеры, известная под названием Домица. Длина Домицы - семь километров, длина Барадлы оказалась равной четырнадцати. Таким образом, общая длина пещеры с побочными ответвлениями составляет двадцать один километр - *Н. Г.*
- ¹⁷ Г а т и - широкие полотняные, открытые снизу шаровары, которые носили венгерские крестьяне.
- ¹⁸ К карстовым относятся пещеры не только известняковые, но и выработанные в доломитах, гипсах, ангидрите, мелу, каменной соли (см. прим. 3 и 7). - *Н. Г.*
- ¹⁹ Здесь речь идет о ранее существовавшем положении. С тех пор как пещера перешла в ведение туристской организации при Совете области Боршод, положение улучшилось. - *Прим. авт.*
- ²⁰ Этот процесс может быть выражен следующей химической формулой:

- 21 Типичные карстовые пещеры также часто развиваются по тектоническим трещинам в горных породах, поскольку по этим трещинам циркулирует вода и взаимодействует с породой. Тектоническая трещина постепенно расширяется путем растворения ее стен водой и в процессе эволюции переходит в пещерный карстовый ход, который в дальнейшем может быть оформлен и натечными (сталактитовыми) образованиями. Поэтому в природе нет четкой грани между тектоническими пещерами в растворимых горных породах и пещерами карстовыми, по своему происхождению и особенностям обе группы пещер связаны постепенными переходами. У нас примерами таких промежуточных форм, по-видимому, могут служить Псекупская сталактитовая пещера на Западном Кавказе и пещера возле Пятигорска в травертинах Горячей горы, у южного подножия горы Машук. - *Н.Г.*
- 22 При растворении флуоресцеина в щелочном растворе образуется его натриевая соль - уранин, который очень хорошо растворяется в воде, в то время как растворимость в воде самого флуоресцеина незначительна. - *Н.Г.*
- 23 Под действием углекислого газа и глинистых отложений исчезает щелочность среды, с чем связаны переход уранина в флуоресцеин и уменьшение флуоресценции. Действие аммиака сводится к возобновлению щелочности среды - образуется аммонийная соль флуоресцеина, раствор которой также хорошо флуоресцирует, как и раствор уранина. - *Н.Г.*
- 24 Концентрированный раствор аммиака обладает очень резким запахом и неудобен в транспортировке. Удобнее применять сухой уранин или концентрированный раствор, приготовляемый на месте из смеси флуоресцеина с едким натром либо с кальцинированной содой - *Н.Г.*
- 25 Дю с и - уменьшительное от Дюла.
- 26 Карбид кальция при взаимодействии с водой выделяет ацетилен, горящий ярким пламенем.
- 27 Седьмой класс венгерской гимназии соответствует десятому классу советской средней школы.
- 28 В Венгрии в селах существует обычай созывать народ для объявлений барабанной дробью.
- 29 Герой венгерских легенд о бетярах. Бетярами в старой Венгрии называли разбойников, а также крестьян-бедняков, бежавших от гнета помещиков и совершавших набеги на богатые усадьбы.

- 30 И Б У С - Венгерское государственное предприятие, об-
служивающее иностранных туристов.
- 31 В западноевропейской литературе характерные для кар-
стовых местностей замкнутые со всех сторон отрица-
тельные формы рельефа поверхности в виде небольших
котловин, ям называют долинами. У нас они обычно
называются карстовыми воронками. В данном случае
имеется в виду крупная воронка, образовавшаяся вслед-
ствие обвала и оседания грунта над полостью пещерного
тоннеля. - *Н. Г.*
- 32 Помимо животных - рыб, лягушек и т. п., попадающих в
пещеры случайно с поверхности вместе с затекающей
туда водой, для пещер характерна своеобразная фауна,
представителями которой и являются упоминаемые бе-
лые слепые рачки. Типичные пещерные обитатели, как
правило, слепые, а тело их бесцветно, прозрачно или
имеет бледную желтовато-белую окраску. - *Н. Г.*
- 33 Имеются в виду, очевидно, такие участки тоннеля пе-
щерного ручья, которые превращаются в сифоны во вре-
мя половодья. - *Н. Г.*
- 34 Й о ш к а - уменьшительное от Йожеф.
- 35 По данным Як Шандора ("Природа" 1956, № 11, стр. 97),
пещера Мира обследована на протяжении примерно де-
сяти километров. - *Н. Г.*
- 36 Т а р х о н я - размельченное теркой и высушенное те-
сто.
- 37 У нас подобные формы принято называть котлами. - *Н. Г.*
- 38 Представление окончено (*итал*).
- 39 Об открытии Пензпатакской пещеры, самой глубокой из
известных пещер Венгрии, автором книги Л. Якучем бы-
ла опубликована статья ("Elet es tudomány", 9, 1954, №
15) Надо заметить, что по сравнению с некоторыми дру-
гими пещерами мира глубина сто пятьдесят метров (от
уровня входа на поверхности земли) не очень значитель-
на Глубочайшая карстовая полость мира - пещера-
пропасть Берже во Франции (на плато Сорнен в Веркоре)
уходит вглубь на тысячу сто двадцать восемь метров. -
Н. Г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор книги - известный венгерский спелеолог Ласло Якуч - пишет в ней о своих подземных исследованиях и, в частности, о больших экспедиционных работах, приведших к открытию громадной сталактитовой пещеры - пещеры Мира - в районе знаменитого Аггтелекского грота и глубочайшей в Венгрии Пензпатакской пещеры в горах Бюкка.

Л. Якуч молодой ученый, но приобретший уже довольно широкую известность как в Венгрии, так и за рубежом благодаря своим замечательным открытиям. Он родился в 1926 году в городе Шаркад в семье учителя, окончил гимназию в Дебрецене. По окончании гимназии Л. Якуч едет в Будапешт и поступает в Университет им. Л. Этвеша, где изучает естественные науки, химию, географию, а с третьего курса полностью посвящает себя геологическим наукам и в 1949 году получает диплом геолога.

В 1949 году Л. Якуча пригласили на работу в Государственный геологический институт, а немного позднее его посылают в Москву, в аспирантуру Геологоразведочного института (МГРИ), где до января 1951 года он занимался под руководством известных советских гидрогеологов - профессоров А. М. Овчинникова и покойного ныне Г. Н. Каменского.

После возвращения из Советского Союза Л. Якуч работает в Государственном геологическом институте гидрогеологом. С 1953 года он директор аггтелекских пещер. Свою работу администратора Л. Якуч совмещает с научной работой и большой общественной деятельностью.

Кроме изучения пещер Венгрии, Л. Якуч принимал участие в научных экскурсиях по карстовым районам Чехословакии (1956), Югославии (1958). В октябре 1958 года он делегат II Международного конгресса спелеологов в Италии. Здесь снятый при его участии цветной кинофильм "Аггтелек" награждается серебряным кубком как лучший фильм о пещерах.

С первого года пребывания на студенческой скамье в Университете им. Л. Этвеша Л. Якуч все свободное время уделяет изучению подземного мира. Сначала к исследованию пещер его толкала жажда приключений. Первый спуск Ласло в пещеру Семи дыр окончился, мягко говоря, неудачно и чуть не стоил ему жизни.

Однако, читая страницу за страницей, читатель видит, как постепенно из неопытного спортсмена-неудачника и овладевающего основами геологических знаний студента формируется спелеолог-исследователь. Он приобщает к своему любимому делу молодежь и даже совсем юных подростков и, заражая их своим энтузиазмом, сколачивает коллектив преданных науке подземных следопытов.

Еще будучи аспирантом Московского геологоразведочного института, Л. Якуч, изучая карст в горах Бюкка, путем окрашивания подземных вод доказал существование здесь большой системы пещер. При этом исследовании ему удалось решить вопрос снабжения города Мишкольца питьевой водой. Позднее в горах Бюкка экспедиция под руководством Якуча, преодолевая невероятные трудности, связанные с работой в поноре Денежного ручья (Пензпатак), открыла неизвестную дотоле большую и глубокую пещеру - Пензпатакскую. Она была пройдена на 150 м вглубь - рекорд глубины для венгерской спелеологии.

В промежутке между бюккскими экспедициями в 1952 году Л. Якуч приступил к работе по изучению карста в окрестностях Аггтелека. Эта работа завершилась блестящим открытием: 4 августа 1952 года была обнаружена громадная пещерная система, названная пещерой Мира. В книге этому открытию посвящены многие страницы текста и прекрасные фотоснимки, рисунки и схемы, сделанные автором, Генци и другими участниками экспедиции.

Исследуя пещеры, Л. Якучу не раз удавалось обнаружить совершенно новые подземные полости огромных размеров, и не по счастливой случайности, а путем изучения и сопоставления целого ряда фактов: рельефа местности, его геологического строения, режима источников и подземных рек и т. д. Предварительные предположения и догадки, там, где это было возможно, проверялись экспериментом по окрашиванию вод. Затем в соответствии со строго продуманным планом спелеологи приступали к поискам входных отверстий в подземные полости, к расчистке поноров и штурму неизведанных глубин.

Об этих трудных поисках, о сложных путях, приводящих к поразительным открытиям, о том, что он сам не только видел, но и пережил, и рассказал Л. Якуч в своей книге.

Книга Л. Якуча рассчитана на широкий круг читателей и может к тому же представить специальный интерес для географов, геологов, а также наших туристов и альпинистов, желающих посвятить себя изучению подземного мира или уже являющихся пещерными следопытами.

Однако следует отметить, что опыт исследований Л. Якуча должен предостеречь наших изыскателей от повторения допущенных им ошибок, которые лишь по счастливой случайности не привели к роковому исходу. Исследования пещер более чем какие-либо другие требуют чрезвычайной осторожности и осмотрительности и во всех случаях надежной страховки от возможных падений и увечий, обвалов, затопления паводковыми водами. История завоевания тайн подземного мира знает уже не одну разыгравшуюся под землей трагедию, происшедшую в связи с исследованием глубоких пещерных пропастей и естественных шахт (пропасть Бертарелли в Югославии, пропасть Пьер-Сен-Мартен и пещера Сигалер во Франции и др.).

Читая книгу Л. Якуча, каждый может убедиться в том, насколько своеобразен и прекрасен подземный мир, созданный в течение многих тысячелетий, и как необходимо тщательно охранять его. Отколоть сталактит или образчик натечной драпировки и взять их себе "на память" - это значит, не только испортить природную красоту, но и похитить у государства и общества определенную научную ценность. Порча сказочного убранства подземных дворцов, так часто, к сожалению, имевшая место и у нас и за рубежом, - непоправимая утрата для людей нашего времени и будущих поколений. На примере работ Л. Якуча видно, каких больших результатов добились венгерские спелеологи. Пожелаем же им дальнейших успехов в замечательных поисках.

Н. А. Гвоздецкий

ОГЛАВЛЕНИЕ

Путешествие в преисподнюю

	<i>Стр.</i>
Первые шаги под землей	5
На больничной койке	8
Снова по дороге жизни	15
Второй поход в подземелье	17
В шоймарской Чертовой дыре	18
Размышления на поверхности	26
Под землей	30
Встреча с бородатым человеком	33
Мастерская науки	37
Школа разведки пещер и скалолазания	40
Шоймарский поход смерти	56
Пещера чудес в Шаторкепуста	63
Наводнение в Барадле	80
Я работаю над рефератом по спелеологии	93
Московский экзамен	108

На самостоятельном пути

Моя первая экспедиция в горы Бюкка	116
Разведывательная карстовая экспедиция	116
Приключение на Синве	129
Прогнившие весла	134
Неожиданный поворот	142
По тайному пути Видроцкого	146
Приключение с Мутюшем во время летраш- ских поисков	147
В глубь венгерского пещерного эльдорадо	153
Первая окраска воды пещеры Аггтелек	153
По следам пещеры великана	157
Счастливого пути!	160
Осада преисподней	165
Триумфальное шествие в мире сказок	177
Бибицтеберский лагерь	192
Дальше!	197
За сифоном Веревочной лестницы	205

	<i>Стр.</i>
В пещере обвал!	208
В преисподней.....	213
Преодоление обвала.....	217
Водолазная экспедиция.....	219
В купальном костюме	225
В глубинах таинственного Бюкка.....	229
Знакомство с ручьем Пензпатак	229
Недолгие сборы.....	230
Волнующие результаты	231
Знаменательный старт.....	238
На глубине ста пятидесяти метров	242
Когда прорываются плотины	251
Последняя попытка	257
Прощание с Бюкком.....	261
Мы гасим лампы	262
Примечания.....	264
Послесловие	268

Ласло Якуч

В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Редактор *С. И. Капелуш*
Художественный редактор *С. М. Поысицкая*
Технический редактор *Э. И. Виленская*
Редактор карт *А. В. Голицын*
Корректор *П. И. Чивикина*

Сдано в производство 1/VIII - 61 г. Подписано в печать 14/VII -
62 г.

Формат 84 x 108₃₂, Печатных листов 8,5 Условных листов 13,94.

Издательских листов 14,15 Тираж 70000 Цена 71 коп.

Москва, В 71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Первая Образцовая типография имени А А Жданова Московско-
го

городского совнархоза Москва, Ж 54, Валовая, 28

Заказ № 2110.

71 коп.

